Risen Legion. Сны Императора

Роман

Содержание

Пролог 4

Глава I. Зоренка 7

Глава II. Лагерь и тень Легиона 22

Глава III. За Унго 37

Глава IV. Третий легион 55

Глава V. Мясо Империи 71

Глава VI. Цена приказа 86

Глава VII. Без имени 106

Глава VIII. Свои 127

Глава IX. Легат штрафников 144

Глава X. Третий 163

Глава XI. Право на знамя 178

Глава XII. Дочь Императора 195

Глава XIII. Граница 209

Глава XIV. Зоренка 225

Глава XV. Изумрудный Лев 241

Глава XVI. После войны 256

Глава XVII. Маргариана 268

Глава XVIII. Мир 287

Глава XIX. Наследники 303

Глава XX. Предвестники 320

Глава XXI. Второе вторжение 334

Глава XXII. Враги 351

Глава XXIII. Пятьдесят тысяч 371

Глава XXIV. Последняя битва Владислава 384

Глава XXV. Сны Императора 406

Пролог

Дождь кончился, но с ветвей по-прежнему лило. Гость шёл, прикрывая лицо рукой. Между корнями стояла вода, на склоне из размытой земли торчали старые кости; он обошёл их и наконец увидел впереди огонь.

Хижина стояла вплотную к деревьям. Под низкой крышей темнело единственное окно, из трубы поднимался дым. Дверь была приоткрыта. Гость толкнул её плечом и, пригнувшись, переступил порог.

Он был молод, худощав; на загорелом лице темнела дорожная щетина. Короткие чёрные волосы промокли до кожи, а серые глаза ещё щурились после темноты снаружи.

Старый орк писал за столом, повернувшись боком к очагу. Сквозняк приподнял край листа; хозяин прижал его ладонью, дописал строку и лишь тогда обратился к вошедшему:

— Пришёл всё-таки… Садись. Время дорого.

Огонь освещал широкое морщинистое лицо и длинную серую бороду, разделённую на две косицы. Из рукавов грубой коричневой одежды выступали большие старые кисти; тёмные глаза хозяина оставались под тенью бровей.

Гость задвинул засов. В тесном жилище пахло сушёной травой и дымом; полки над лавкой были заставлены книгами, бумаги лежали даже на полу. Пришлось переступить через стопку, чтобы добраться до предложенного места.

— Молчание — редкое золото нынче, — заметил старик. — Рад вновь тебя видеть.

— Я ещё не успел ничего сказать.

Орк усмехнулся и отложил перо. Пока Гость снимал промокшую верхнюю одежду, хозяин собрал листы под

дощечку и поставил перед ним кружку. Путник выпил почти половину: за дорогой он не заметил, как сильно замёрз.

— Ты всё пишешь?

— Как видишь.

— Я вижу, что ты закончил.

— Эту страницу.

Старик поднялся. Одно колено плохо сгибалось, и он держался за край стола, пока не выпрямился. Гость хотел помочь, но Орк уже прошёл к полке и взял тяжёлую книгу в потёртом кожаном переплёте. Её корешок стягивали новые швы; ремень, охватывавший обложку, напротив, был старым и растрескался у пряжки.

Гость освободил место на столе, и Орк положил перед ним книгу.

— Вот она — причина наших бед и последняя надежда...

Путник отставил кружку. На коже темнели пятна, нижний угол был стёрт почти до доски. С такой книгой скорее ходили в походы, чем держали её во дворце. Орк расстегнул ремень и раскрыл том. На первых страницах Гость различил имена, написанные неуверенной рукой. Некоторые строки обрывались, оставляя пустое место.

Он потянулся перевернуть лист, но старик придержал страницу.

— Ты хотел узнать, как всё вышло?

— Для этого я и пришёл.

— Тогда придётся слушать по порядку.

Гость убрал руку. Снаружи ветка ударила в стену, засов дрогнул. Он невольно обернулся к двери и услышал, как Орк подвинул лампу ближе.

— Слушай же историю, за которой ты шёл через полконтинента. А началась она задолго до того, как Империя пала в руинах...

Гость повернулся к столу. Старик держал книгу раскрытой на первых листах, однако смотрел поверх неё, на огонь. Вместо императорского дворца в его рассказе появилась маленькая деревня на северо-западной окраине Империи, клетка с перепёлками и человек, который собирался купить железные прутья.

Глава I. Зоренка

Бабеткис снова залезла в кормушку обеими лапами. Остальные перепёлки толпились рядом, пытались просунуть головы и отскакивали, как только хозяйка зерна поворачивалась в их сторону. Владис некоторое время смотрел на эту возню, держа ковш над клеткой. Потом просунул руку и переставил нахальную птицу в дальний угол.

— Бабеткис, опять остальных от кормушки оттеснила? На. Держи отдельно. Только не лопни.

Он насыпал ей немного проса на дощечку. Перепёлка склонила голову, будто проверяла, не обманули ли её, и принялась клевать. Владис закрыл дверцу. Нижний прут опять вышел из крепления. Он поджал его пальцами, попробовал на прочность и недовольно покачал головой. Ночью хорёк уже добрался до двора; у нижней клетки остались следы, а под жердью была разрыта земля. Ещё несколько таких посещений — и можно будет считать не яйца, а убытки.

На бурой спине Бабеткис пестрели светлые крапины. Маленькая плотная перепёлка повернула к нему светлую грудку и глянула снизу блестящим тёмным глазом.

На крыше сарая сохли доски, из соседнего дома пахло кашей. Владис поднял с земли обгрызенный прут и попробовал сломать его пополам. Дерево треснуло без всякого усилия. В свои двадцать лет он уже несколько лет кормился разведением перепёлок и понимал: до следующей ночи клетки нужно укрепить, иначе хорёк оставит его без заработка.

Короткие чёрные волосы лезли ему на лоб, под густыми бровями темнели карие глаза; на солнце в них проступал

рыжеватый отлив. Угловатое лицо покрывала короткая щетина. Сухой и крепкий, он возился с клетками легко, привычно пуская в дело огрубевшие ладони.

Перепёлки разом подняли шум. За калиткой появился Октавий.

Очень коротко остриженные русые волосы открывали его узкое лицо. Серые глаза смотрели с нетерпением; из ворота торчала длинная шея, и на худых плечах рубаха сидела свободно.

— Ну вот, — сказал Владис, даже не оборачиваясь. — Если перепёлки орут — значит, кто-то идёт. И я даже догадываюсь кто.

— Они тебя уже о гостях предупреждают?

— Только о голодных.

Октавий протиснулся во двор и прикрыл калитку ногой. На лице у него было то особенное выражение, с которым он приносил важную новость и заранее требовал за неё благодарности. Владис поставил ковш. Друг оглядел кормушки, затем корзинку с яйцами у стены.

— Тогда правильно предупреждают. Пошли на площадь, торговец приехал. Настоящий имперский фургон!

— Мне как раз прутья нужны. Металлические. Для клеток.

— За прутьями в лес сходи. Там их целые деревья.

— Ветки, Октавий. Это называются ветки.

— Всё, понял, великий инженер. Пошли уже. Сильвия ждёт.

Он произнёс последнее с таким видом, будто именно это должно было заставить Владиса бросить все дела. Тот ещё раз дёрнул дверцу, убедился, что пока держится, и пошёл за котомкой. Октавий последовал за ним до порога.

— И это… перепёлки утром неслись? Кинь пару яиц. Идти на голодный желудок — последнее дело.

— Ты вчера тоже так говорил.

— Вчера я тоже был голодный.

С этим трудно было спорить. Владис завернул несколько яиц в тряпицу и сунул другу. Октавий сразу сделался гораздо деятельнее: принялся подавать пустые миски, убрал ковш и даже придержал дверцу, пока Владис закреплял её коротким обрезком бечёвки.

— Бабеткис не трогай, — предупредил хозяин двора. — Она и так на меня косо смотрит.

— По-моему, она на всех так смотрит.

На улице Владис пересчитал мелкие монеты. Хорошего железа в Зоренку привозили мало; хватило бы укрепить низ клеток, а верх можно оставить деревянным. Октавий выслушал расчёты и предложил поймать хорька: пусть сидит отдельно, люди ещё заплатят, чтобы посмотреть. Владис предложил посадить туда Октавия. Друг заверил, что за такое зрелище заплатят гораздо больше.

Зоренка стояла на северо-западной окраине Империи. На старых картах её называли Солнечной Деревней, однако из столицы сюда чаще приезжали за зерном, чем затем, чтобы полюбоваться солнцем. Торговый фургон был событием: у него с утра толпились почти все, кто мог оторваться от хозяйства.

На площади стоял фургон с открытым бортом. С одной стороны висели ремни, мотки верёвок и несколько ярких лент; с другой лежало железо. Владис сразу направился туда. Пока торговец спорил с женщиной о цене игл, он выбрал два прута, прокатил их по борту, проверяя, ровные ли, и поднял против солнца. Без ржавчины. Октавий потянул его за рукав.

Торговец придерживал иглы широкими пальцами, обветренными и тёмными от дороги; короткая борода топорщилась, когда он спорил.

Сильвия стояла у фургона с противоположной стороны. Увидев обоих, она упёрла руки в бока.

Короткие каштановые пряди выбились у неё над лбом. На открытом подвижном лице виднелись мелкие веснушки, а карие глаза следили за Владисом так внимательно, что он поначалу принял это за интерес к покупке.

— Наконец-то. Я уже решила, что Октавий опять нашёл что-нибудь перебродившее и убедил тебя попробовать.

— Смотри, — Владис протянул ей прут. — Ровные, без ржавчины. Теперь хорькам конец.

Она некоторое время смотрела на железо. Затем перевела взгляд на него, ожидая продолжения. Продолжения не последовало.

— Прутья... Конечно. А я-то надеялась, ты заметил у торговца шёлковые ленты.

Сильвия коснулась одной из них. Красная полоска ткани скользнула между пальцами. Октавий предусмотрительно отошёл на полшага, но продолжал слушать.

— На одной знакомой тебе девушке они смотрелись бы очень красиво.

— Ленты? Сильв, перепёлки их склюют. Для клетки металл надёжнее.

Октавий закашлялся. Получилось слишком громко, чтобы кому-то удалось принять это за настоящий кашель.

— Брось, Сильвия. Против перепёлок у тебя нет шансов.

— Октавий, заткнись.

Тот поднял руки и немедленно отошёл к другому краю фургона. Владис наконец заметил, что Сильвия сердится. Он посмотрел на прутья, на ленты и начал понимать, что разговор шёл несколько не о том. Хотел исправиться, однако рядом уже послышался хрипловатый голос Самона.

— Ась?! Чего раскудахтались на всю площадь? Опять Владис птицам дворец строит?

Старик пробрался между стоявшими у фургона людьми. Шёл он широко, не особенно заботясь, кому задевает плечо; на чужое недовольство отвечал таким взглядом, что разговор обычно заканчивался прежде, чем успевал начаться. Владис показал железо.

Длинные седые волосы лежали у него на плечах, густая серая борода закрывала грудь. Под ней старик оставался широким и крепким; тяжёлые кисти были под стать плечам, а глубоко посаженные глаза всё ещё заставляли людей уступать ему место.

— Дед Самон. Не дворец. Прутья хорошие нашлись.

— Железо — птицам?! В моё время железо берегли на вилы. Сосед межу перепашет — вот тогда оно и нужно!

— Так это для соседа или для земли? — спросил Октавий из безопасного места за бортом.

Самон повернулся к нему и сразу начал объяснять, что хороший хозяин держит вилы так, чтобы сосед сам догадался, для чего они приготовлены. Торговец отвлёкся от игл. Кто-то засмеялся. Старик, получив слушателей, уже перешёл к свиньям и тому, как однажды кабан загнал человека туда, куда тот ни за какие деньги не полез бы добровольно. Он показывал руками величину животного, всё увеличивая расстояние между ладонями. Октавий задавал вопросы с самым серьёзным лицом.

Сильвия отошла немного в сторону. Владис подошёл к ней, держа прутья под мышкой.

— Я действительно для клеток искал, — сказал он тихо.

— Я заметила.

— Ленты я тоже видел.

Она посмотрела на него. В этом взгляде снова появилась улыбка, хотя Сильвия ещё старалась её удержать.

— И какие?

Владис обернулся к фургону. Именно в этот момент из переулка донёсся стук копыт. Разговор у борта стих не сразу: Самон ещё договаривал про чужую задницу, Октавий смеялся, торговец пересчитывал выложенные монеты. Потом на площадь выехали всадники в имперском снаряжении, и люди начали расступаться.

Улыбка исчезла с лица Сильвии.

* * *

Всадник с бумагой остановился перед толпой. Два легионера держались по сторонам, не спешиваясь. Их лошади переступали на месте, и деревенские подавались назад всякий раз, когда животное поворачивало голову. Торговец молча поднял часть товара с борта и убрал в глубину фургона. Владис всё ещё держал выбранные прутья. Он поставил их обратно, стараясь не звякнуть.

Всадник был подтянут и аккуратно одет. Короткие каштановые волосы не касались воротника; острая линия лица сходилась к небольшой тёмной бородке, а серые глаза быстро перебирали стоявших перед ним людей.

Рекрутер развернул указ. Подождал, пока замолчит последняя женщина у колодца, и заговорил громко, отчётливо, как человек, привыкший, что его слова не обсуждают.

— Именем Императора и печатью Имперского Сената! Слушать высочайший указ!

Октавий приблизился к Владису. Самон остался впереди; с его лица ушла весёлость, но подбородок он держал всё так же высоко. Бумага шуршала в руках всадника. Владис видел внизу печать и не мог отвести от

неё взгляд, хотя прочесть с такого расстояния было невозможно.

— Зоренка подлежит немедленной мобилизации во Второй Имперский легион. Бард! Октавий! Эрик! Владис! Самон! Выйти из толпы!

Владис не двинулся. Собственное имя прозвучало совершенно обычно, как на перекличке общих работ, только перед ним стояла чужая лошадь, а человек на ней уже смотрел дальше. Кто-то сзади толкнул его локтем. Октавий шагнул первым и остановился, будто надеялся, что достаточно будет показать: услышал. Бард протискивался через людей. Рядом с ним шёл Эрик, бледный и злой.

Взъерошенные каштановые волосы Барда торчали над молодым веснушчатым лицом; он смотрел на бумагу карими глазами. Эрик был выше его, светловолосый, с узким лицом и светло-серыми глазами, сейчас почти неподвижными от злости.

— На сборы — один час. Бегство, укрывательство и неявка считаются дезертирством. Дезертирство карается смертью.

— Да какая мне армия? — Бард оглянулся на деревенских, словно там ещё можно было найти человека, который исправит ошибку. — У меня мать одна, хозяйство... Я никуда не собирался.

— А я, думаешь, собирался? — зло ответил Эрик. — Слышал, что за неявку? Пойдём уж... Чтоб им пусто было с их легионом.

Легионер справа чуть повернул коня. Эрик сразу замолчал. Рекрутер поставил отметку, сложил бумагу и начал говорить что-то одному из сопровождающих. Люди на площади ещё стояли. Никто не понимал, разрешено ли расходиться и можно ли задавать вопросы; всадник уже

закончил с Зоренкой, а у тех, кого он назвал, жизнь всё ещё продолжалась здесь.

Женщина из заднего ряда попыталась протиснуться вперёд. Её удержали за локоть, но она вырвалась и остановилась рядом с Бардом.

Это была плотная женщина с каштановыми волосами, в которых уже попадались седые пряди. У переносицы, как у сына, выступали веснушки; рабочие руки были широкими, с огрубевшими пальцами.

— А когда назад? — спросила она у рекрутера. — Ты хоть скажи, когда их ждать.

Тот посмотрел поверх её головы.

— По окончании службы.

— Так когда?

— Гражданка, не мешайте исполнению указа.

Бард взял мать за руку. Женщина ещё хотела что-то сказать, однако увидела лицо сына и пошла с ним, оглядываясь на всадника. В толпе заговорили сразу несколько человек. Кто-то напоминал о работе, которую невозможно бросить, кто-то о возрасте Самона. Рекрутер не отвечал. Он передал бумагу сопровождающему, стянул перчатку и поправил ремень. Легионеры же разъехались немного шире, перекрывая проход к своим лошадям.

Владис стиснул кулаки. Со сборщиками зерна хотя бы торговались; этот не задал ни одного вопроса и уже смотрел на дорогу, по которой собирался их увести.

— Второй легион?.. — проговорил Октавий. — Владис, я же меча в жизни не держал. Матушка думает, я к ночи домой вернусь.

Самон сплюнул в сторону.

— В бой?.. Вот же ж... Вилы бы хоть дали. Голыми руками я только свиней по хлеву ловил.

— Да какого хера?! — Владис говорил негромко, но Сильвия схватила его за руку. — Мы не солдаты! Самон старый, Октавий после двух вёдер воды задыхается, а я птиц развожу! Какие из нас, к чёрту, легионеры?!

— Эй... — Октавий хотел возразить насчёт вёдер и не стал.

Сильвия держала Владиса крепко. Он посмотрел на её пальцы, потом на рекрутера. До него было шагов десять. Можно было подойти, сказать всё громче, потребовать объяснений. Но двое легионеров не убирали рук от оружия, а за спиной теснилась вся деревня. Владис представил этих же людей в своём дворе, разбитые клетки, огонь на крыше. Для такой картины большого воображения не требовалось.

— Влад... Они же правда вас заберут.

Он выдохнул. Воздуха почему-то не хватало, хотя стоял на месте.

— Начнём качать права — отыграются на Зоренке. Спалят дворы, а нас всё равно увезут. Идёмте собираться.

Октавий смотрел ему в лицо, ожидая ещё чего-нибудь. Хоть какого-то другого решения. Владис сжал его плечо.

— Один час. Потом сюда.

— Целый час... До войны. Отлично. Просто отлично.

Они разошлись. Самон направился к переулку, не прощаясь. Бард почти бежал, Эрик поспевал следом. Сильвия отпустила руку Владиса и тоже ушла. Он остался на несколько мгновений у фургона. Торговец уже закрывал борт; те самые прутья лежали поверх верёвок. Владис подумал, что не спросил даже цены, и от этой глупой мысли разозлился ещё сильнее.

* * *

— Час? — переспросил Гость.

Орк остановился, не поднимая пальца со страницы.

— Час.

— Они хотя бы знали, куда идут?

— Знали название легиона. Для сбора этого оказалось достаточно.

Гость хотел спросить ещё что-то, но Орк продолжил. Час, отпущенный рекрутером, уже шёл.

* * *

Сильвия ждала у своего дома. Когда Владис вошёл во двор, она быстро выпрямилась и убрала руки за спину. На мгновение ему показалось, что нужно извиниться за опоздание, хотя с площади они ушли почти одновременно.

— Я думала, ты не придёшь.

— Я тоже. В смысле… думал, что не успею.

— Великолепно. Через час тебя уводят на войну, а разговаривать ты всё ещё не научился.

Она попыталась улыбнуться. Владис подошёл ближе и остановился, не зная, можно ли обнять её вот так, среди дня. До сегодняшнего утра подобные сомнения казались серьёзными. Теперь они отнимали минуты, которых осталось слишком мало, а он всё равно не умел с ними справиться.

— Помнишь мои шёлковые ленты? Те самые, которые ты хотел скормить перепёлкам.

— Я не хотел их скармливать. Я сказал, что они бесполезны для клетки.

— Вот поэтому держи.

Сильвия взяла его за запястье и вложила в ладонь короткую красную ленту. Владис сжал её слишком крепко; девушка разогнула ему пальцы и расправила ткань.

— Вернёшь лично. Тогда я, может быть, прощу тебя за клетки.

— Верну.

— Не обещай так легко. Просто постарайся.

Владис спрятал ленту за пазуху. Сказать, что их скоро отпустят, он не решился.

Она сама шагнула вперёд и обняла его. Владис сначала поднял руки неловко, затем прижал её к себе. От волос пахло домом, тёплым хлебом, чем-то таким привычным, что назвать сразу не удавалось. Сильвия не плакала громко. Просто держалась за него, а когда отступила, быстро провела ладонью по щеке и отвернулась к двери.

— Иди. Ты ведь ещё домой не заходил.

Со стороны площади донёсся чужой приказ. Владис отпустил её и вышел из двора. У калитки он оглянулся: Сильвия стояла на том же месте.

До дома он шёл быстрее. Мимо поворота к пруду прошёл, не сворачивая. Там были старые ивы и камень, на котором они с Октавием сидели после купания. Владис ясно вспомнил тёплую воду, пиявку на щиколотке друга и такой вопль, будто того уже съели до колена. Тогда можно было смеяться сколько угодно. Сейчас даже несколько минут у пруда пришлось бы украсть у кого-то живого.

Дома он набил котомку едой и сменной рубахой. Потом встал посреди комнаты, пытаясь вспомнить, что ещё нужно на войне. Спросить было некого: родителей Владис потерял ещё ребёнком. Он так и оставил котомку полупустой, взял плащ и вышел к клеткам.

Перепёлки снова раскричались. Владис долил воду и насыпал лишнего проса. Бабеткис сразу придвинулась к кормушке.

— Вот и правильно. Хоть кому-то здесь хватает ума.

Владис проверил крепление и присел перед клеткой.

— Бабеткис. Не смотри так. Я не знаю, когда вернусь.

Перепёлка клюнула просо. Поднимаясь, Владис заметил на рукаве её светлое перо. Он осторожно взял его двумя пальцами и спрятал в котомку.

— Ладно. Поедешь со мной. Только тихо.

Калитку он закрыл без скрипа, придерживая доску до конца. Затем вернулся, дёрнул её и убедился, что заперта. На улице уже шли люди с узлами. Некоторые провожали сыновей до площади; другие стояли у собственных дверей и смотрели вслед тем, кто проходил мимо.

У Октавия было значительно шумнее.

— Мне брать зимние сапоги? — спросил он, едва увидев Владиса. — А если нас на юг? А хлеб? Мать сунула мне три буханки. Три! Я что, осаду переживать еду?

На скамье лежали сапоги, рубаха, ещё одна рубаха и кусок верёвки. Сам Октавий держал плащ, пытаясь просунуть его в уже полную котомку. Ничего не получалось. Он бросил плащ сверху и полез под скамью.

— И нож потерялся. Только что лежал здесь. Владис, я уже до войны оружие проебал.

— Октавий.

— Да подожди, я же помню...

— Октавий!

Друг выпрямился так резко, что ударился затылком о край скамьи.

— Чего?

— Один плащ. Одна смена белья. Хлеб. Нож у тебя за поясом. Дыши. Через двадцать минут на площадь.

Октавий потрогал пояс. Рукоять оказалась именно там. Он посмотрел на неё с обидой, словно нож сам специально спрятался в самом очевидном месте, и коротко выдохнул:

— А.

Владис сел рядом. Вдвоём они разобрали узел: тяжёлое вниз, рубаху свернуть плотнее, плащ привязать снаружи. Одну буханку Октавий попытался оставить, но посмотрел на дверь, за которой была мать, и сунул обратно. Владис не стал спорить. Забрал часть хлеба к себе. Так котомка друга наконец завязалась.

— Ты хоть знаешь, где этот Второй? — спросил Октавий.

— Нет.

— Я думал, ты у Самона спросил.

— Самон про вилы говорил.

— Значит, хорошо мы собрались. Куда — не знаем, зачем именно мы — тоже. Зато хлеба хватит на половину дороги. Если дорога короткая.

Владис затянул последний узел и придвинул котомку к другу.

— На месте разберёмся. Там же не только мы будем.

— Вот это меня как раз и пугает.

— Октавий, я не знаю, что тебе ещё сказать.

Друг сразу перестал улыбаться.

— Да ничего. Я понимаю.

Несколько мгновений они сидели, слушая, как за дверью мать Октавия переставляет посуду. Она делала это слишком часто, с короткими остановками, и ни одному не хотелось звать её только для того, чтобы посмотреть в лицо. Потом Октавий поднялся. Котомка потянула плечо вниз; Владис поправил ремень, и тот перестал резать шею.

Октавий проверил нож ещё раз. Теперь он уже не суетился, и без этой суеты страх на его лице стал заметнее.

— Владис... ты только там далеко от меня не отходи, ладно?

— Не отойду.

— Хорошо. Тогда если обосрусь — хотя бы свидетель будет знакомый.

Владис усмехнулся и встал. Друг задержал его за рукав, ничего не добавил, только сжал ткань и отпустил. Они вышли вместе. Перед калиткой Октавий обернулся к матери; Владис отступил на улицу и подождал, разглядывая трещину в ограде, чтобы не мешать их прощанию.

* * *

На площади уже собирали строй. Получалось плохо: люди держались семьями, всё время выходили из ряда, передавали узлы и возвращались за забытым. Легионер ходил вдоль них и указывал, куда встать. Рекрутер держал список. Его лошадь стояла рядом, равнодушно пережёвывая то, что нашла у фургона.

Бард и Эрик подошли последними из знакомых. Бард держал котомку обеими руками перед собой, словно боялся, что её тоже заберут.

— Ноги не идут, — сказал он. — Всё думаю: сейчас поверну домой, а там мать хлеб достаёт...

— Не трави душу. Мне самому тошно, — ответил Эрик. — Пошли... Только рядом держись, я тут никого больше не знаю.

Самон уже стоял в ряду. Он недовольно передвигал узел с одного плеча на другое и смотрел на имперцев, как на работников, которые явились слишком поздно и без нужного инструмента. Владису захотелось, чтобы старик снова рассказал про кабана. Хоть что-нибудь. Но Самон молчал.

Сильвия подошла, когда перекличка почти закончилась. Владис шагнул ей навстречу, потом остановился: легионер уже смотрел в их сторону.

— Сильвия… присмотри за перепёлками. Бабеткис проса клади отдельно. Она всегда делает вид, что голодная.

Девушка закрыла глаза. На мгновение Владис решил, что она сейчас рассердится окончательно, скажет всё, что не успела у дома. Сильвия только покачала головой.

— Невыносимый дурак… Просто вернись, Владис.

Раздалась команда. Ряд дёрнулся и начал двигаться. Октавий оказался рядом, плечом к плечу, как и договаривались. На выходе с площади Владис оглянулся. Сильвия стояла среди провожающих; её лицо было хорошо видно, пока между ними не прошла лошадь. Потом пришлось смотреть под ноги, чтобы не наступить на пятки идущему впереди.

За последними домами дорога сузилась. Зоренка оставалась сзади: заборы, крыши, дым над печами. Владис положил ладонь на грудь, проверяя ленту. Светлое перо лежало в котомке, и от каждого толчка он почему-то представлял, как оно там мнётся.

Октавий шёл молча. Когда дорога повернула и деревня исчезла за деревьями, он поправил лямку и придвинулся ближе. Владис не стал говорить ему, что скоро вернутся. Он просто подстроил шаг, чтобы другу было легче поспевать. Позади ещё слышались голоса провожающих, но слов уже нельзя было разобрать. Потом конвойный приказал прибавить шаг. Октавий споткнулся на колее, удержался и пошёл быстрее вместе со всеми.

Глава II. Лагерь и тень Легиона

У ворот сидели трое. Первый прислонился к столбу, закрыв лицо рукой. Второй и третий устроились на низкой телеге; ниже подола у одного виднелась пустая штанина. Владис заметил это раньше, чем успел рассмотреть укрепления лагеря. Октавий тоже заметил. Он сбился с шага, пропустил вперёд Самона и толкнул друга локтем.

— Владис… у того солдата половины лица нет. А рядом ещё двое без ног. Это учебный лагерь или лазарет?

— Не знаю. Не смотри на раны. Давай найдём, куда нас определили, пока нас ещё за это не избили.

Из ворот кричали, чтобы прибывшие не задерживались. Колонна сжалась, люди начали наступать друг другу на пятки. Самон выругался, когда кто-то задел его узлом, и первым протиснулся внутрь. Владис придержал Октавия за плечо, чтобы того не оттёрли. В лицо ударил запах нечистот. По обе стороны прохода стояла грязная вода; в ней лежали обломки досок, солома, тряпки. По двору двигались вооружённые люди, но торжественности, которой Владис ожидал хотя бы у ворот, не было. Солдат с перевязанной головой тащил ведро и ругался на другого, перегородившего ему дорогу.

— Вот тебе и великий Легион, — сказал Самон. — У меня свиньи зимой суше жили. Тьфу.

Октавий оглянулся на ворота.

— А Бард с Эриком где? Они же с утра за нами шли.

— С перевала я их уже не видел, — ответил Владис. — Там конвой долго стоял.

— Ну на перевале и присели, значит, — Самон махнул рукой. — Отдышаться. Колонна одна, дорога одна. Куда они денутся? Догонят.

У легионера, который вёл их к казарме, спросили про отставших. Тот отмахнулся: сначала найдите собственное место! Октавий встал на цыпочки, ещё раз оглядел колонну и поторопился за Владисом.

Обмундирование выдавал высокий широкоплечий центурион — офицер, которому предстояло обучать их и вести в бой. Он стоял между грудой кожаных доспехов и столом писаря, одновременно ругая всех, кто оказывался рядом. Если ремень не сходился, велел затянуть сильнее. Если броня болталась, велел подложить тряпку и не задерживать остальных. На вопрос о другом размере ответил таким взглядом, что следующего вопроса никто не задал.

Короткая тёмная щетина покрывала тяжёлую челюсть. Карие глаза под густыми бровями задерживались прежде всего на тех, кто слишком долго примерял выданное.

— Где, блядь, Гарц?! Какого хера я опять сам разбираю это стадо?! Броню взяли — что дали, то и носите. На рассвете на плац. Кто опоздает — пожалеет, что вообще сюда дополз!

Владис получил нагрудник и поднёс его ближе к свету. Наплечник был треснут, возле крепления застыла тёмная корка. Он провёл пальцем и понял, что это кровь.

— Октавий... тут на коже кровь засохла.

Друг держал свой доспех на вытянутых руках.

— Я вижу. В рукаве тоже... Её ведь сняли с мёртвого, да?

— А чего вы ждали, пиздюки? — Самон уже натягивал полученное. — С мёртвого сняли, дырку залатали, следующему выдали. Радуйтесь, что хоть сапоги парой попались.

Он сказал это буднично. Октавий после его слов ещё долго не надевал броню, пока центурион не рявкнул на него через всю казарму. Тогда пришлось поспешить.

Владис помог застегнуть ремни, и друг вполголоса спросил, можно ли кровь отмыть. Владис ответил, что попробуют вечером. Сейчас им приказали занять нары.

С дороги дали поспать. Утром, когда они выбрались наружу, вся грязь во дворе покрылась следами сапог, а над головами уже разносился знакомый голос.

— С этого утра ваши имена мне не нужны! Здесь вы номера. Номер жрёт, когда я разрешу. Номер спит, когда я разрешу. Номер сдохнет там, где я прикажу! Вы, суки, — солдаты Империи!

Перекличка шла быстро, пока писарь не дошёл до Самона. Центурион выхватил у него лист, приблизил к лицу и снова посмотрел на старика.

Писарь был гладко выбрит, волосы приглажены; только тонкие пальцы, которыми он придерживал лист, оставались в чернилах.

— Первый легион? Прозвище «Берсерк»?.. Печать настоящая. Какого хера? Это ты, старик?!

— Я?! Да вы ебанулись. Я свиней пас! Ну, кабана однажды вилами пугнул… Может, двух. Какой ещё Первый легион?

Несколько рекрутов засмеялись. Центурион повернулся, и смех оборвался. Он ещё раз проверил бумагу, сунул писарю и приказал Самону закрыть рот. Старик встал на место, всем видом показывая, что именно этого и добивался. Владис посмотрел на него с новым интересом, но Самон уже оглядывал деревянные мечи, будто ему предлагали купить негодный инвентарь.

Сначала учили стоять. Затем поворачиваться, не ударяя соседа щитом. Затем держать оружие так, чтобы при первом замахе не раскрыть собственный бок. Владис быстро понял, что сила в руках помогает гораздо меньше, чем ожидалось. После нескольких ударов он ещё мог

махать дубиной, но уже не успевал вернуть её туда, куда требовал центурион. Тот заходил сбоку, касался палкой открытого места и объявлял очередную смерть.

— Медленно! Труп! Ты уже труп на поле боя! Ещё раз!

Октавий бил по соломе, зажмурившись. Владис хотел подсказать, получил окрик сам и снова встал напротив своего манекена. Пока стояли вместе, они хотя бы видели, что друг ещё на ногах. К полудню это уже считалось хорошей новостью.

* * *

Рациус появился перед вечерним построением. Центурион первым выпрямился; по тому, как следом подтянулись ветераны, новобранцы поняли, кто перед ними. Легат, командующий Вторым легионом, остановился перед строем. Он не старался перекричать лагерь. Просто ждал, пока все звуки, мешавшие ему начать, исчезнут сами.

У него было широкое серьёзное лицо, густые брови и полная короткая борода. Проседь уже тронула тёмные волосы; возле серых глаз лежали усталые складки. Спину он держал прямо, не меняя осанки даже в ожидании.

— Посмотрите друг на друга. Что вы видите? Оборванцев? Трусов? Сломленных калек, ожидающих смерти в куче навоза?

Владис стоял во втором ряду. У него болела кисть, и он незаметно разгибал пальцы, пряча руку за спиной соседа. После первого вопроса легата делать это стало неудобно. Впереди расправились чужие плечи. Рациус провёл взглядом по людям и продолжил, уже громче:

— Весь мир скалит зубы на нашу Империю! На севере дикие кланы Орчьего Союза возомнили, что могут диктовать нам свои условия. На востоке фанатики

Священной Дуократии слепо молятся своему Солнцу, мечтая испепелить нас. Трусливые Феодалы плетут интриги, а торгаши из Альянса Городов прячутся за своими золотыми стенами!

Названия соседних держав были знакомы Владису плохо. Выходило, напасть могли с любой стороны. Он вытянулся вслед за стоявшими впереди ветеранами и прижал больную кисть к бедру.

— Враг считает нас слабыми. Но Кровь Империи не прощает слабости! Мы — сердце этого мира! Мы — карающий меч, выкованный в аду! Если вам суждено умереть, вы заберёте с собой десятерых, чтобы ваши предки гордились вами в чертогах вечности!

Ветераны начали отвечать. Сначала отдельными возгласами, потом сразу несколько рядов ударили оружием о щиты. Октавий вздрогнул. Рациус шагнул ближе, и теперь его слышали даже у дальней казармы.

— Несите же свой красный гнев Легиона от имени Императора Сарицианния! Да благословят нас Двое на победу! И помните: Империя воздаст с лихвой!

Клич прошёл по строю. Октавий тоже стукнул мечом по щиту и едва не выронил оружие. Владис перехватил его руку; центурион обернулся, однако за грохотом не заметил заминки.

Через час они сидели у костра с мисками. Похлёбка отдавала кислым, сверху плавали редкие жирные пятна. Самон попробовал, сплюнул и всё же принялся есть. Октавий держал ложку, не поднося ко рту.

— Легат этот — ебанутый. Полматерика во враги записал, а куда нас швырнут, по-моему, и сам не знает. Домой хочу.

— Ешь. Не лезет — затолкай, — сказал Владис. — Если завтра свалимся на плацу, центурион нас сам добьёт. Хотя это ещё надо суметь назвать едой…

— Брюква, — определил Самон. — Гнилая. Значит, по-имперски — похлёбка.

Владис вспомнил сборщика в Зоренке и мешки, которые из деревни увозили каждый год. Зерно на армию. Все знали эти слова, ими объяснялось, почему нельзя оставить себе ещё немного на весну.

— Так где оно всё? — спросил он. — Броня с мертвецов, брюква гнилая, лекарств в лазарете нет. За что мы тогда платили?

Октавий опустил ложку.

— Я сегодня воду в лазарет носил. Там один ветеран без ноги попросил помочь письмо домой дописать. Руки дрожат, перо не держит. Потом разговорились.

Владис придвинулся ближе. За костром проходили солдаты; Октавий дождался, пока они отойдут.

— Он сказал, у них месяц подряд в сводках было: «Позиции удержаны». А за тот же месяц три знаменосца сменилось и половину когорты увезли на телегах. Всё было под контролем.

— Тише ты. Патруль услышит — до настоящего врага можем вообще не дожить.

— Я и так тихо. Перед уходом он три раза переспросил, как меня зовут. Сказал: «Запоминай имена, парень. В бумагах нас и без того быстро превращают в числа». Мне от этого как-то совсем херово стало.

— До утра сперва доживи, — вмешался Самон и протянул Октавию хлеб. — Остальное потом. Ешь, остынет!

— Скерь… Место у огня найдётся?

Невысокая фигура возникла за плечом Самона. Незнакомец держал половину лепёшки и смотрел на

свободное место с таким видом, будто уже считал его своим.

Он был жилист, с оливковой кожей и острыми ушами, выглядывавшими из коротких тёмно-каштановых волос. Желтовато-карие глаза легко переходили с одного лица на другое; небольшая щетина темнела вокруг рта.

— В обмен могу предложить вот это. Откуда у меня — вопрос невежливый, так что лучше не спрашивать.

Самон медленно повернулся.

— Гоблин?! В легионе?! А ну отойди от костра, пока я не вспомнил, куда вилы дел!

— Пятнадцать лет прошло после Кланхарской революции, дедушка. Теперь на бумаге мы не гоблины, а низшие эльфы. Граждане Триединства с правами и печатями. Название мне тоже не нравится, но оно всё-таки лучше цепей.

Самон уже набрал воздуха для ответа, когда Октавий вмешался. Он напомнил про закон и про центуриона, которому будет всё равно, кто начал: выпорют всех. Это подействовало на Владиса быстрее, чем на старика.

— Самон. Всё. Хватит. — Он отодвинул свою миску. — Садись. Огню всё равно, какие у тебя уши. Я Владис. Это Октавий. А Самон иногда сначала орёт, потом думает.

— Кенши. За место спасибо. Лепёшку, кстати, уже не верну — поздно передумал.

— Спиной к нему всё равно не сяду, — буркнул Самон.

— Да ну и пошёл ты нахуй, дед!

Кенши сел. Владис ожидал, что сейчас начнётся драка, но Самон только фыркнул и снова занялся похлёбкой. Октавий осторожно взял предложенный кусок лепёшки. Через несколько минут разговор уже шёл без угроз, хотя старик иногда вставлял замечания, которых никто не просил.

Кенши был из Кланхара. Он рассказывал без торжественности, прерываясь, чтобы разломить хлеб или подвинуть ногу от огня. Боролись за права, за возможность жить не ниже других эльфов. Получали оружие и золото Империи. После победы приграничные земли отошли тем, кто помогал, вместе с населением.

— Так у моего дома сменился герб, а у меня появился долг перед императором, которого я не выбирал.

— Значит, за помощь расплатились вами? — спросил Владис.

— Землёй. На ней, так уж вышло, стояли наши дома. Когда считали долг, отдельно спрашивать каждый дом не стали.

Октавий покосился на Владиса. Оба вспомнили площадь, всадника и бумагу, в которой уже значились их имена. Кенши заметил этот взгляд и коротко усмехнулся.

— Нас использовали. Но тогда казалось, что ради победы над Советом можно заключить сделку хоть с самим демоном. Мы ошибались.

— А домой?

— Домой куда? Под новый герб? Или к тем, кто считает, что мы открыли врагам ворота? В легионе у меня хотя бы есть кинжал.

Кенши развернул на колене потёртую карту. Владис отыскал Империю; соседние земли, которыми пугал Рациус, теснились вокруг неё. Кенши провёл пальцем вдоль северной границы, показал реку, а затем сложил полотно и сунул новому знакомому.

— Сохрани. Когда понадобится, разберёшься.

Рог прервал их прежде, чем Владис успел спросить об Унго. По лагерю бежал гонец. У ближайших костров поднимались люди.

— Девятая когорта и приданные новобранцы! Готовность к выступлению! Передовая прорвана. Противник перешёл Унго. Через сорок восемь часов выходите на усиление!

Новобранцев придали Девятой — одному из отрядов, на которые делился Второй легион. Октавий посмотрел на собственные руки. На ладонях уже лопнули первые мозоли, а настоящий меч он держал ещё хуже деревянного.

— Это не обучение. Они просто везут нас затыкать дыру.

— Значит, у нас двое суток, — ответил Владис. — Чтобы хотя бы не сдохнуть в первые пять минут.

Ночью Владис выменял у писаря на сухарь пустой армейский реестр. Книга была в простом переплёте, с грубой бумагой; писарь выбросил бы её за пятно на обложке, но Владису пятно не мешало. Он положил карту под обложку и вывел углём три имени: Октавий, Самон, Кенши. Октавий заглянул через плечо, узнал своё и принёс ещё уголёк — первый уже крошился.

* * *

— Значит, всё это из Кодекса? — спросил Гость.

Орк перевернул раскрытую книгу к нему.

— Не всё. Кодекс сохранил имена. Остальное я собирал по тем, кто пережил войну и ещё помнил начало.

— А те, кто не вернулся?

Орк развернул книгу обратно. Гость успел увидеть короткую запись под двумя длинными; остаток страницы был пуст.

— О них и приходилось спрашивать у живых.

* * *

Оставшиеся часы проходили быстро. Владис хотел успеть всё: разобраться с оружием, узнать дорогу, найти Барда с Эриком. На последнее ему отвечали одинаково: отставших распределят, увидишь на построении. Никто не собирался водить одного рекрута между чужими списками. Пришлось вернуться на плац.

Октавий стоял у манекена. Поднимал дубину, задерживал её в воздухе и опускал, так и не ударив.

— Я не могу. Руки дрожат. Как только подхожу, в башке пусто.

— Смотри в солому. Один удар. Потом второй.

— А когда напротив окажется кто-то живой?

— Тогда и узнаем. Сейчас не дай мешку с сеном победить тебя раньше времени.

Владис встал рядом. Они били по очереди, потом вместе. Октавий всё время ожидал окрика, и друг начал считать вслух, чтобы тот слушал знакомый голос. На третьем десятке ударов дубина наконец стала попадать туда, куда он целился. Октавий обрадовался так, будто выиграл настоящий бой; затем увидел разбитую солому и невесело засмеялся. Но от манекена уже не отходил.

После занятий Владис задержался у костра ветеранов. На доске между двумя пнями играли в «Сталь и кости»; стоило кому-нибудь бросить кости, как остальные принимались спорить, советовать и тянуться через руки к доске.

— О, пополнение. Решил сам отдать нам то, что ещё не забрал интендант? Садись, щегол.

Это был Гарц, которого с утра разыскивал центурион. Он подвинулся, освобождая место на бревне. Владис выложил монету и попросил объяснить правила. Первый ход вышел

неудачным; на втором он почти собрал нужную линию и поторопился, за что Гарц немедленно забрал выигрыш.

На морщинистом лбу Гарца лежали короткие тёмные волосы с проседью; борода уже была почти серой. Крепкий ветеран смотрел на новичка карими глазами и спокойно усмехался, не выпуская костей.

— Монета наша. Кости любят тех, у кого руки не дрожат.

— Руки у меня как раз не дрожали.

— Значит, голова торопилась.

Владис уже полез за второй монетой. Гарц придвинул доску, соседи притихли, ожидая новой ставки. Владис поймал их взгляды и убрал руку.

— Хватит.

— Умная мысль. Обычно приходит, когда кошель уже пуст.

Дождь загнал всех под навес. Владис помог перенести доску и спросил, далеко ли до Унго.

— До Унго дойдёшь, — ответил Гарц. — Обратно смотри, чтоб дошёл.

Ветераны снова взялись за кости. Больше никто не собирался отвечать, и Владис пошёл искать командира.

Позже он нашёл центуриона под другим навесом. Тот сидел один на пустой бочке и крутил треснутый жетон. Владис остановился, решив, что лучше уйти, однако командир уже заметил его.

— Что тебе нужно, номер?

Он говорил тихо. Без привычного рыка голос оказался почти незнакомым. Владис спросил об отставших, получил короткое «по ведомостям ищут» и уже повернулся, когда центурион заговорил снова.

— Я привёл во Второй три сотни парней из столицы. Молодые, шумные… Первый месяц всех по именам помнил. Потом стало слишком много имён.

Владис не двигался. На коленях командира лежал лист, край которого намок под дождём.

— Сегодня новый список. Меньше десятка живых. Смотрел на фамилии и ловил себя на том, что половину лиц уже не могу вспомнить. Вот это, номер, страшнее смерти.

Он сжал жетон и убрал в кулак.

— Иди. И постарайся вернуться. Хоть один из вас пусть вернётся так, чтобы я ещё помнил лицо.

На следующем занятии этот же человек бил Владиса учебным оружием, требуя держать блок. Никакой мягкости не осталось. Самон, стоявший сбоку, советовал смотреть в промежутки между людьми: опасно становится там, где строй перестаёт быть строем. Владис не успел спросить, откуда старик знает, — центурион снова пошёл вперёд.

Удар сверху! Владис поднял щит слишком высоко. Толчок в бок, окрик, возвращение на место.

— Глаза поняли. Руки пока нет. Ещё раз!

На этот раз дерево встретило дерево. Владис удержался, но следующий толчок всё равно заставил его отступить. Центурион опустил оружие.

— Уже похоже на защиту. Не радуйся: я бил вполсилы.

К вечеру Владис устал настолько, что даже страх сделался тупее. У палаток его окликнул Кенши. Низший эльф держал колоду карт и предложил игру, раз уж времени на долгие знакомства им не оставили. На потёртых картинках были изображены разные народы Материка.

— «Души Материка». Пять минут есть?

— Показывай. Всё лучше, чем ещё раз смотреть на манекен.

Кенши объяснял по ходу. Двенадцать карт представляли шесть держав Материка; на руки брали пять, а

выкладывали по одной. Владис сначала выбирал по картинке, за что быстро поплатился. Потом начал следить, какие карты у противника уже вышли. Кенши одобрительно прищурился и всё равно забрал следующую.

— Ты эту оставил с самого начала? — спросил Владис.

— А ты зачем сильную сразу выложил?

— Чтобы взять.

— Взял. Одну.

Владис пересчитал оставшиеся карты и только теперь заметил ловушку. Кенши дал ему выиграть первую, чтобы забрать следующие. Во втором раунде Владис придержал сильную карту; низший эльф прищурился, переставил две своих и всё равно победил. Владис рассмеялся от досады и стал собирать колоду.

— Для первого раза хватит. Тренировка, не турнир. Держи колоду.

— Всю?

— Все двенадцать. Не проеби. За неё хоть пару монет выручить можно. И сам не пропади: с мертвецов долги херово взыскиваются.

Владис убрал карты между страницами реестра. Поблагодарить ещё раз не успел: Кенши уже уходил, лавируя между палатками.

У командного шатра слышался смех. Полог откинулся, и наружу вышли две женщины из обоза. Одна, лысая эльфийка, задержалась перед Владисом и окинула его взглядом с ног до головы.

У неё были длинные острые уши, узкое светлое лицо и зелёные глаза. Даже остановившись, она держалась легко, чуть перенося вес с ноги на ногу; лагерная одежда не скрывала стройной гибкой фигуры.

У спутницы были густые русые волосы и округлое лицо; карие глаза следили за растерянным новобранцем.

— Ой, смотри, какой цыплёнок забрёл. Броня ещё чужая, а взгляд уже как у ветерана.

Вторая предложила заглянуть после отбоя, если останутся силы и монеты. Владис почувствовал, как краснеет. Эльфийка рассмеялась, велела не дразнить мальчика и увела спутницу. Через несколько мгновений из шатра появился Рациус, застёгивая портупею.

— Чего пялишься, неофит?

Владис мог уйти. Легат не звал его и явно не собирался беседовать. Но мысль о завтрашнем выступлении заставила остаться.

— Никто так и не говорит, куда нас ведут. Кто перешёл Унго?

— Орчий Союз. Несколько кланов переправились и, что хуже всего, идут вместе. Теперь знаешь. Легче стало?

Владис промолчал.

— Закрыть переправу любой ценой. Десятая когорта ушла первой и просит подмоги. Подмога — вы. Лишней когорты у меня нет, значит ценой будете вы. Нравится мне это или нет — никого в столице не ебёт. Примете первый удар, основные силы пойдут следом.

Он говорил без торжественности вчерашней речи. От этого сказанное казалось правдой ещё больше. Владису хотелось спросить, сколько продержатся необученные люди, но ответ уже прозвучал: любой ценой.

— Ты хотел правду — получил. Нравится приказ, не нравится… завтра он всё равно станет твоей жизнью. А теперь пошёл вон. Мне нужны солдаты.

Владис отступил. До ночи он успел пересказать Октавию главное: впереди Десятая, за ними пойдут основные силы, нужно закрыть переправу. Друг выслушал, несколько раз уточнил, точно ли это сказал сам легат, и немного успокоился. Получалось, их хотя бы ждут свои.

— Значит, надо дойти до них, — сказал он. — Встанем рядом. Они знают, что делать.

— Так сказал Рациус.

Октавий повторил порядок: дойти до переправы, найти Десятую, дождаться основных сил. Владис слушал, укрепляя треснувший наплечник бечёвкой. Закончив, он помог другу поправить ремень щита. Им обоим стало легче от того, что впереди должны были ждать свои.

На рассвете прозвучал рог. Люди выходили из казарм, застёгивая ремни на ходу. Центурион прошёл вдоль ряда и остановился возле Октавия, поправил ему щит, грубо, но без удара. Самон смотрел в сторону ворот. Владис проверил котомку: реестр, карты, перо. Лента оставалась под одеждой.

— Рядом? — спросил Октавий.

— Рядом.

Девятая когорта двинулась к выходу. У ворот всё ещё сидели раненые. На этот раз никто из новобранцев не спрашивал, почему они здесь.

Глава III. За Унго

Дождь стучал по щитам. Колонна Девятой когорты растянулась на дороге, и каждый короткий привал впереди превращался для задних рядов в толкотню. Люди останавливались, снова трогались, ругались, вытаскивая ноги из грязи. Владис уже не пытался найти сухое место. Он смотрел на спину идущего впереди и следил, чтобы Октавий не отставал.

— Скажи что-нибудь, — попросил тот. — Хоть какую-нибудь хуйню. От этой тишины я уже собственные зубы слышу.

— Если вернёмся, позволю тебе первым выбрать перепёлку на ужин.

— Наконец-то настоящий повод жить.

Друг усмехнулся, затем осторожно поправил щит. Ремень на плече натёр кожу, и при каждом движении Октавий морщился. Владис предложил поменяться на время, но тот отказался: сказал, что потом всё равно придётся возвращать, а привыкать дважды неохота. Они немного ускорились, догоняя ряд.

— Слушай… а правда мы идём Десятую вытаскивать?

— На построении так сказали. Десятая держит переправу, мы — подмога.

— Значит, там уже дерутся. Без нас. Сколько они одни стоят?

— Не знаю. Рациус не сказал.

Дорога пошла под уклон. Люди впереди замедлились, и Октавий, прежде чем Владис успел его придержать, упёрся ладонью в чужую спину. На него огрызнулись; друг ответил и тут же снова заговорил, слишком громко для человека, который хотел только скоротать путь.

— Я, кстати, дышу, — добавил Октавий. — Как ты говорил. Не очень помогает, но хотя бы нож теперь знаю где.

— Уже хорошо.

— Ты это говоришь, потому что больше хорошего ничего нет?

Владис повернул голову. Друг улыбался, ожидая, что его поддержат. Улыбка держалась плохо.

— Потому что не придётся искать.

На следующей остановке Владис протянул руку, но Октавий раздражённо отмахнулся. Его пугало, что друг уже обращается с ним как с беспомощным. Владис убрал руку.

Самон шёл неподалёку. Старик больше не жаловался на оружие, не рассказывал про свиней и не препирался с конвоем. Когда впереди стало слышно воду, он поднял голову.

— У реки последние слова не разбрасывают. Вода их запоминает.

— Дед, пожалуйста. Не сегодня.

— А когда?

Октавий сжал губы и промолчал. Самон тоже не стал продолжать. Владис смотрел на стариковы плечи и вспоминал бумагу, которую центурион дважды проверял на плацу. Первый легион. Берсерк. Тогда это выглядело ещё одной нелепостью лагеря. Сейчас хотелось, чтобы бумага оказалась правдивой, а Самон знал больше, чем говорил.

Берег открывался постепенно. Сначала появилась низкая серая полоса между деревьями. Затем колонна свернула, и Владис увидел Унго. Широкая вода шла мимо спокойно, но возле камней течение вспухало, переворачивалось и утягивало пену. Другой берег скрывал

туман. Там, где должна была находиться Десятая, ничего не было видно.

Центурион прошёл вдоль людей.

— Щиты проверить! На переправе не останавливаться! Кто потеряет строй в воде — я лично утоплю раньше орков!

Кенши оказался рядом с Владисом. Он не смотрел туда, куда смотрели остальные, — разглядывал землю у воды, кусты, полосу травы между дорогой и берегом.

— Посмотри.

— На что?

— Это ещё имперский берег. Если здесь прошли кланы, где следы высадки? Ни кострища, ни вытоптанного подхода к воде.

Владис огляделся. Люди Девятой как раз месили грязь у спуска. Следов хватало, но все они появлялись сейчас. Дальше трава лежала ровно.

— Может, переправились в другом месте?

— Может. Только нас почему-то ведут через эту переправу. На тот берег, к ним.

Центурион обернулся на их голоса. Владис, прежде чем успел передумать, спросил, что известно о противнике. Командир посмотрел на него тяжело и ответил теми же словами, которых придерживался весь путь:

— Десятая просит подмоги — значит, мы подмога. Разведка сказала мне идти вперёд, а не задавать вопросы. Выйдем к Десятой, встанем с ней в один строй. Остальное — не нашего ума дело.

— Очень успокаивает, — пробормотал Кенши.

— В строй!

Дальше разговаривать не дали. Первые ряды уже спускались к воде. Владис видел, как люди нащупывают опору, поднимают щиты, чтобы не зацепить соседа. Потом подошла его очередь. Холод сразу обхватил ноги. Дно

уходило вниз неровно, сапог скользнул, и он схватился за чужой ремень, получив за это ругательство. Октавий держался справа.

Посередине прохода движение остановилось. Где-то впереди человек упал, и его поднимали двое. Сзади этого не видели, требовали идти. Владис прижал локоть к боку, защищая натёртое доспехом место от чужого щита, и крикнул, чтобы перестали напирать. Вода поднималась выше колен, течение разворачивало полы одежды. Стоять оказалось тяжелее, чем шагать.

— Что там? — Октавий вытянул шею.

— Поднимают кого-то.

— Утонул?

— Да нет. Вон уже стоит.

Наконец впереди двинулись. Упавший солдат шёл без шлема, кашлял, но держался сам. Октавий смотрел ему вслед с таким вниманием, будто от судьбы этого незнакомца зависело, пустит ли река остальных. Владис толкнул друга плечом, заставив снова следить за дорогой. До берега было недалеко. Там можно будет остановиться, вытрясти воду из сапог и перевести дыхание — именно на это он рассчитывал, пока брёл последние шаги.

— Только не смотри вниз, — сказал ему Владис.

Сам он смотрел именно вниз. Вода проходила между ног, и от её движения казалось, что сносит всё тело. Он заставил себя поднять голову к затылку человека впереди. Шаг. Ещё один. Здесь нужно было просто дойти до земли и не свалиться на остальных.

— И далеко ещё? — спросил Октавий, когда они выбрались на другую сторону.

— По карте недолго, — ответил Кенши.

За спиной оставался спуск к переправе. Впереди берег поднимался и терялся в тумане; там ждали Десятую. Но ни

знамён, ни людей, ни оклика часового не было. Центурион направлял вышедших из воды влево, освобождая место следующим. Кто-то принял это за приказ двигаться вдоль реки, и целый ряд пошёл боком, упираясь щитами в соседей.

— Стой! На месте! — командир вернул их взмахом меча. — Передние, вперёд! Задние за ними!

Новобранцы ещё выбирались на берег, когда первые линии двинулись вверх. Владис поспешил за ними. Вода хлюпала в сапогах, щит тянул руку вниз. Октавий пытался на ходу выжать рукав, но Кенши заставил его взять оружие как следует.

— Кенши… а если там не отряд?

— Тогда узнаем первыми.

* * *

Гость поднял голову от книги.

— Они уже перешли?

— Все, кто дошёл до этого берега.

— И всё ещё ждали своих?

— Да. И потому шли вперёд.

Орк перевернул лист. Гость не успел прочесть оставшуюся запись: рассказ продолжился.

* * *

— Не отставать! Где третья линия?!

Владис различал щит впереди и кусок мокрого плаща сбоку. Дальше стояла белая муть. Когда люди останавливались, он не сразу это замечал и упирался в спину соседа. Сзади напирали следующие. Октавий вцепился в его рукав.

— Не отходи от меня.

— Я никуда не иду. Я рядом.

Из тумана донёсся другой голос:

— Десятая должна быть здесь! Где они?!

Ответа не последовало. Вместо него впереди глухо ударил барабан. Потом ещё раз. Люди замерли, прислушиваясь, и Владис почувствовал, как весь ряд будто одновременно втянул воздух. Барабанов стало несколько. Они били ровно, тяжело, приближаясь, хотя понять расстояние было невозможно.

— Это наши?!

— Контакт впереди! Щиты!

Первая тёмная фигура вышла из тумана быстро. За ней ещё две, дальше двигались остальные. Пластинчатые доспехи, широкие плечи, длинные клинки. Владис успел увидеть поднятый меч и человека перед собой, который пытался выдвинуть щит, зацепив соседа. Удар пришёлся прежде, чем тот освободил руку. Солдат рухнул, сбив ноги заднему ряду.

— Щиты вперёд! Держать!

Владис поднял свой слишком поздно. Чужой удар грохнул рядом, брызги грязи и крови попали ему на лицо. Он отшатнулся. На месте, где только что стоял человек, была пустота, и в неё уже лезли с обеих сторон. Солдат справа выставил копьё, его дёрнуло вперёд, древко сломалось. Октавий закричал что-то, но слов Владис не разобрал.

— А Десятая?! Где Десятая, мать вашу?!

— Нет здесь никакой Десятой! Щиты вперёд!

Орки ударили сверху, со стороны поднимающегося берега. Первые ряды Девятой остановились, а следующие продолжали идти, ещё не видя противника. Людей сдавило. Владис не мог отвести локоть для удара: справа в него упирался Октавий, слева чужой щит. Впереди

легионер поставил ногу на упавшее копьё и покатился назад. Владис подхватил его щитом, чтобы тот не сбил их обоих.

— Назад не дави! Поднимайся!

Человек ухватился за окованный край. Владис толкнул его вверх, Октавий поддержал за пояс, и тот всё-таки встал, но в образовавшийся проход уже сунулось вражеское оружие. Сухо треснула кожа на щите. Ряд подался, снова налетел на задних, оттуда закричали, требуя места. Вместо единой линии получались тесные группы, которые мешали друг другу развернуться.

— К центуриону! — орал кто-то слева. — Собраться к центуриону!

Владис увидел поднятый меч командира и повернул туда. В тот же миг свой солдат налетел на него плечом.

Тот пытался пройти поперёк ряда. Владис схватил его за ремень, собираясь спросить, где теперь передняя линия, но человек вырвался, даже не взглянув. Следом отступали ещё двое. Из-за их спин показалось длинное древко. Легионер справа успел отбить его щитом, и остриё прошло возле лица Октавия. Друг присел. Владис ударил по древку мечом, не перерубил, только отвёл в сторону. Орк выдернул оружие обратно. Они оба остались живы и несколько мгновений не знали, что делать с этим неожиданным успехом.

— Выше! — крикнул им сосед. — Выше щиты, мать вашу!

Октавий послушался первым. На плацу ему требовалось повторять несколько раз; сейчас он сразу понял, чего от него хотят. Владис втиснулся рядом, прикрыв открытый бок. Их щиты ударились краями. Сосед ругнулся, но не оттолкнул, а прижался теснее. Втроём они выдержали следующий натиск.

Потом человека слева увлекло назад. Владис не увидел раны, только вдруг почувствовал, что больше не на кого опереться. Вместо плеча оказалась пустота. Октавий ещё стоял рядом, и Владис повернул щит так, чтобы хотя бы между ними не осталось прохода. Он уже не искал место Десятой. Ему нужно было удержать всего несколько шагов земли, на которых находились они двое.

— Сколько их?! — Октавий кричал ему прямо в ухо.

Владис не мог сосчитать даже тех, кого видел. Один из орков рубанул легионера возле них. Человек завалился боком, ударился лицом в собственный щит и больше не встал.

— Октавий… его одним ударом…

— Не смотри! Блять, не смотри туда!

— Сюда-а-а!

Крик Самона перекрыл шум поблизости. Владис обернулся. Старик шагнул навстречу орку прежде, чем тот завершил замах. Ударил всем телом, без осторожности, которую центурион вбивал в рекрутов. Орк упал. Второй заходил слева; Самон развернулся к нему так быстро, словно всё время видел краем глаза. Ещё удар! Тот рухнул рядом с первым.

На мгновение возле старика образовалось свободное место. Владис увидел его лицо — знакомое, деревенское, но сейчас совершенно чужое по выражению. Самон не искал защиты, не оглядывался на остальных. Он звал следующих.

— Ещё! Все сюда!

— Самон!

Старик двинулся вперёд. Туман закрыл его до пояса, затем до плеч. Мелькнул клинок, послышался удар, и крик оборвался. Владис рванулся туда, но перед ним столкнулись двое, перекрыв дорогу. Октавий потянул за рукав.

— Дед совсем ебанулся?! Что происходит?!

Владис смотрел туда, где исчез Самон. Он хотел снова позвать, но не мог набрать воздуха. Из тумана выходили другие люди. Старика среди них не было.

— С дороги, номер!

Центурион оттолкнул его щитом и принял удар, предназначавшийся кому-то из их тесной группы. Сталь скользнула по окованному краю. Командир ответил, заставил противника отступить, повернулся к Владису.

— Какого хуя ты стоишь?! Меч в руке — дерись!

Владис посмотрел на собственную руку. Меч действительно был там. Он столько раз проверял ремень, рукоять, положение пальцев, а теперь забыл, что держит оружие. Впереди ещё оставались щиты, за ними кричал центурион. Владис схватил Октавия и потащил за собой.

— К нему! Там наши!

— Ко мне! По двое! Держаться!

Центурион стоял выше них на несколько шагов. За его спиной было свободнее: солдаты, услышав приказ, успели развернуться щитами наружу, и бегущие огибали группу с обеих сторон. Владис втиснулся на левый край. Октавий пристроился за плечом, но командир ухватил его за щит и вытащил вперёд.

— В линию! Ремень на руку! Прижались!

Октавий зацепил краем щита Владиса. Они мешали друг другу; центурион ударом ладони опустил один щит и поднял другой, пока доски не легли внахлёст. За ними встали ещё люди. Владис почувствовал чужую ладонь на спине и перестал пятиться: сзади его держали.

Орк напротив занёс длинный меч. Владис приготовился к удару сверху, но клинок пошёл наискось, к щели между щитами. Центурион отвёл его своим оружием.

— Коли! Не маши — коли!

Владис ткнул в открывшийся просвет. Сталь заскребла по доспеху, рукоять больно врезалась в ладонь. Он сразу дёрнул меч назад, едва не ударив Октавия локтем. Друг выругался, но щит удержал. Орк отступил, и Владис успел снова спрятать руку.

— Так держать! — рявкнул центурион. — Края не отпускать!

Несколько ударов они приняли вместе. Сначала слева, затем в середине; доски стучали, чужая ладонь вдавливала Владиса вперёд всякий раз, когда он подавался назад. Он начал различать противников. Ближайший орк замахивался широко; второй ждал, пока от него закроются, и бил сбоку. Центурион следил за обоими. Без его окриков Владис снова задрал бы щит к лицу и открыл живот.

Но справа больше некому было держать край. Двое имперцев отступили к реке. Оставшийся между ними солдат повернулся вслед, пропустив орка внутрь, и центурион бросился закрывать разрыв.

Он успел отбить первый удар, но второй орк зашёл со стороны разрыва. Клинок мелькнул у бока командира. Тот осел, цепляясь за соседний щит.

— За… щиты…

Владис бросил щит и схватил центуриона под мышку. Тот попытался опереться на него, однако нога подломилась. Меч командира волочился остриём по грязи. Владис завернул его руку себе за шею, присел и потянул вверх, как поднимал тяжёлый мешок во дворе. На мгновение удалось выпрямиться.

— Октавий, сюда! Под вторую руку!

Друг двинулся к ним и сразу остановился, приняв удар на щит. Стоило ему отвернуться, как орк достал бы обоих. Владис прижал центуриона к себе и попятился один. Сапог зацепился за брошенный щит. Он качнулся, тяжёлое тело

повисло у него на шее; пришлось вновь опустить раненого на колено. Боль обожгла предплечье. Владис не увидел, кто его задел, только почувствовал, как рукав стал тёплым.

— Вставайте… ну вставайте же!

Октавий пытался закрыть их сбоку. Щит гремел от ударов. Группа распадалась: один легионер уже бежал назад, другой удерживал сразу двоих противников, а место, куда Владис хотел оттащить командира, заняли дерущиеся.

— Владис!

Он не отпускал. Ему казалось, стоит поднять центуриона, и всё вернётся на место: снова появится приказ, снова станет понятно, где стоять. Но ноги командира не держали. Новый толчок сбил Владиса в сторону. Чужой щит прошёл между ними, отрезав раненого от его рук. Октавий ухватил друга за доспех и выдернул из свалки.

— Идём! Сейчас нас тут положат!

— Кто теперь командует?!

— Не знаю! Идём!

Они отступили всего на несколько шагов, но найти прежнее место уже не смогли. Люди двигались поперёк, туман рвался над головами, открывая то поднятый меч, то пустое древко. Владис ещё искал центуриона глазами. Октавий тащил его, не давая остановиться.

Владис всё-таки вырвал рукав. Попробовал пройти назад и сразу упёрся в спину легионера. Тот отбивался, широко расставив ноги; обойти его было негде. За ним мелькал чей-то шлем, очень похожий на шлем командира. Владис окликнул, но человек повернулся, и оказалось, что это другой. Ни раненого, ни щита, возле которого он лежал, больше не было видно.

Октавий снова схватил друга, теперь крепче.

— Ты не пройдёшь!

Владис отступил вместе с ним. Он не знал, умер ли центурион, смог ли отползти, подхватили ли его другие. Ещё несколько мгновений пытался запомнить место, чтобы вернуться, но вокруг всё перемещалось. Там, где только что держались свои, уже стояли орки.

— Откуда вы тут?! Не стойте под луком!

Кенши стоял чуть сбоку. Лук в его руках уже сгибался; стрела ушла мимо головы Владиса. Он услышал удар за спиной и только тогда пригнулся. Эльф выхватил следующую стрелу.

— Скерь! Ещё лезут! Назад, оба! Бегом!

Они послушались. Кенши сделал шаг навстречу силуэту, возникшему в тумане, выпустил стрелу почти в упор. Владис видел, как орк дёрнулся, но не упал сразу. Между ними вклинился бегущий легионер. Когда он проскочил, Кенши уже скрывала белая муть.

— К воде! — Владис толкнул Октавия вправо.

Они пробирались вдоль края схватки, не понимая, туда ли идут. Течение было слышно, но его заглушали крики. Впереди падали люди. Иногда приходилось перешагивать через щиты, иногда через тела, и Владис перестал смотреть вниз достаточно внимательно, чтобы различать одно и другое.

Из тумана ударил клинок. Владис неловко подставил меч. Рукоять вывернуло из мокрой ладони, оружие исчезло под ногами. Он наклонился было за ним, но Октавий закрыл его щитом.

Удар! Щит дёрнулся. Ещё! Ремень лопнул, Октавия развернуло, тяжёлая доска ушла в толпу. Друг попятился, поскользнулся и ухватился за Владиса. Оба рухнули, ударившись друг о друга.

— Стой! Ноги скользят, я падаю!

Владис упёрся ладонью в землю. Раненая рука подломилась. Он перевалился на локоть и услышал совсем рядом тяжёлые шаги.

* * *

Орк остановился перед ними. Огромный клинок он держал легко, не торопясь поднять для следующего удара. По пластинам доспеха стекала вода, перемешанная с кровью. Он посмотрел на Октавия, затем на Владиса и рассмеялся.

Из-под края шлема смотрели светлые, глубоко посаженные глаза. На тяжёлом землисто-коричневом лице выступали небольшие клыки; широкие плечи едва проходили между разошедшимися людьми. Украшения шлема темнели над мокрыми пластинами.

— У имперцев теперь один комплект оружия на двоих? Ну и дела!

Владис отполз назад. Пальцы наткнулись на край брошенного щита. Он подтянул щит и выставил перед собой, спрятав за деревянной доской голову и грудь. Орк наблюдал с явным удовольствием.

— Ну спрячься. Может, не найду.

— Не подходи. Не подходи ко мне.

Удар сверху пришёл без предупреждения. Владис успел поднять щит, но его продавило вниз, ударило краем в лицо. Он отшатнулся, выставил ногу, чудом удержался на колене. Противник не добивал. Отступил на полшага, давая поднять защиту, и снова замахнулся.

Владис дёрнулся раньше удара. Клинок прошёл сбоку, выбив длинную щепу. Орк засмеялся ещё громче.

— Повезло. Ты сам-то понял, как уцелел?

Октавий шевелился позади него. Владис слышал, как друг пытается встать, скользя сапогами по грязи, но

повернуться не мог. Отвести глаза означало пропустить следующий взмах. Щит казался одновременно слишком тяжёлым и слишком маленьким.

— Октавий, отойди!

— Куда уставился? Могилу выбираешь?

Орк ударил опять. Владис встретил клинок краем щита, как учили, но раненая рука не удержала. Дерево вывернуло вбок. Он прижал щит грудью, толкнул обратно и успел увидеть замах с другой стороны. Пришлось падать. Сталь прошла над плечом, а сапог противника пихнул его обратно в грязь.

— Прилип к щиту? Так с ним и закопаем.

Владис попробовал подняться. Не получилось. Рука дрожала, кровь стекала к пальцам, и каждое движение отзывалось болью. Он не мог ударить врага, не мог убежать, не мог даже встать так, чтобы перестать смотреть снизу. Орк всё это видел.

— Устал? А я ещё нет.

— Зачем вы напали на нас?

Вопрос вырвался сам. Среди ударов и насмешек он прозвучал нелепо, но Владис действительно хотел ответ. Должна была существовать причина, по которой всё случилось именно так. Орк поднял брови.

— Мы напали? Ха! Мы тут с зимы сидим, а ты только из реки вылез.

— Нам сказали…

— Тебе сказали — ты и полез? Посмотри назад, дурень. Реку ты перешёл. К нам.

Владис оглянулся через плечо. Белая муть, люди, вода где-то за ними. Он вспомнил траву на имперском берегу. Кенши смотрел именно туда. Следов не было. Десятой не было тоже.

— Значит… нас послали не отбивать переправу?

— Ой, обманули бедняжку! Сейчас заплачешь?

Орк снова поднял оружие. В эту секунду Октавий бросился сбоку.

— Эй! Он не один, сука!

Клинок друга мелькнул у орочьего доспеха. Противник развернулся быстрее, чем Владис успел закричать, отбил удар и схватил Октавия. Тот дёрнулся, попробовал высвободить руку, но хватка не ослабла.

— Пусти! Пусти!

— Попался.

Владис отбросил щит и подался вперёд. Боль прострелила руку, колено скользнуло. Октавий находился совсем близко, в нескольких шагах, но орк стоял между ними, удерживая его, как взрослый удерживает мальчишку во время драки.

— Октавий! Назад!

— Вставай!

— Отпусти его!

Друг перестал вырываться. Посмотрел на Владиса прямо, без прежней суеты, и выкрикнул:

— Беги!

Орк ударил. Владис видел движение клинка и лицо друга, а связать одно с другим не успел. Октавий уже падал. Его ноги подогнулись, плечо ударилось в землю, голова повернулась набок. Он больше не пытался подняться.

— Октавий?

Шум боя отдалился. Владис слышал собственное дыхание, тяжёлое и слишком громкое. Он потянулся к другу. До руки Октавия оставалось совсем немного, но пальцы скользнули по грязи. Он хотел приблизиться ещё, хотел услышать ответ, хотя бы ругательство, хотя бы жалобу на боль.

— Октавий!

Тот не ответил.

Последнее слово продолжало звучать в голове. Беги. Владис уже не видел, что делает орк. Он поднялся, отшатнулся от лежащего тела и побежал. Не к воде, не к знамени, не туда, где ещё держались имперские щиты. Туда, где никто не стоял перед ним.

Орк посмотрел ему вслед. Мог догнать: человек спотыкался, почти не владел раненой рукой. Мог окликнуть своих. Вместо этого он опустил клинок.

— К трусам интереса нет.

Орк отвернулся к бою. Никто не бросился вдогонку.

* * *

Лес возник перед ним внезапно. Тонкие ветви ударили в лицо, зацепились за одежду. Он продрался сквозь них, не останавливаясь. Под ногами теперь была земля с корнями, но Владис продолжал бежать так же, как по берегу: высоко поднимая ноги, ожидая на каждом шаге споткнуться о чужое тело.

Боль добралась до него позже. Рука ныла, во рту стоял железный вкус. Воздуха не хватало. Он бежал, пока ноги не перестали слушаться, а потом упал лицом в мокрый мох.

— Октавий… отдышись. Я подожду.

Он повернул голову. За спиной были кусты. Между ними никто не двигался.

— Ты же за мной был.

Слова ещё имели смысл, пока он их произносил. Друг всегда отставал: у пруда, на дороге, когда тащили воду. Нужно было просто подождать. Владис лежал и ждал, вслушиваясь в лес. Потом вспомнил руку на земле, до которой не дотянулся, и попытался втиснуть лицо в мох ещё глубже.

Кто-то произнёс его имя.

Владис поднял голову. Посмотрел на собственные руки: кровь была уже до локтей. Он не понимал, откуда её столько. Красная полоса между пальцами начала стягиваться, сделалась узкой лентой. Он хотел убрать её, но ткань разрасталась, уходила дальше ладони, дальше вытянутой руки. Перед ним колыхалось огромное красное полотно.

Лес исчезал кусками. В одном ещё оставалось дерево, в другом стояли люди. Владис зажмурился, открыл глаза и увидел в ладони светлое перо. Бабеткис. Он узнал его, успел обрадоваться знакомому, но перо вытянулось, потяжелело. Пальцы сжимали меч.

Перед ним на миг развернулось чёрное полотнище. Белые и красные линии складывались в незнакомый знак; Владис успел различить резкий излом одной из них, прежде чем ткань скрылась.

Вдалеке горело красное знамя. Пламя проходило по ткани, а та не сгорала. Под знаменем стояли две человеческие фигуры, друг напротив друга. Между ними лежало что-то разбитое. Владис пытался рассмотреть лица, но взгляд не слушался: чем пристальнее он смотрел, тем дальше они оказывались.

Меч пропал. Его ладонь сжала маленькая детская рука.

Он подался к ней всем телом. Хотел удержать, хотел сказать, чтобы не отходили, что здесь нельзя отходить одному. Рука выскользнула. Владис сжал пустые пальцы и услышал имя снова.

— Владис. Владиславий.

Перед ним тянулись ряды людей. Бесконечные, тесные ряды под красными знамёнами. Ни одного лица. Тысячи голосов повторяли одно слово, и он никак не мог его разобрать. Оно должно было быть знакомым; оттого, что

память не давала ответа, становилось страшнее. Владис попытался подняться, но тела у него словно не было. Только руки, пустые руки перед чужим строем.

— Сколько ещё имён ты запишешь, прежде чем забудешь своё?

Он дёрнулся и упёрся щекой в холодную землю.

Мох. Ветка у самого глаза. Тяжёлое дыхание. Никакого знамени впереди. Владис смотрел, не моргая, пока не различил красную полоску возле пальцев. Настоящую, короткую. Лента Сильвии выбилась из одежды, намокла и прилипла к коже. Он взял её, осторожно потянул, проверяя, не начнёт ли она снова расти. Ткань осталась тканью.

Владис сжал ленту. Дом вспомнился сразу, вместе с голосом Сильвии и незакрытой до конца дверцей клетки. Он попытался сесть, но сил хватило только перевернуться на бок. Между деревьями ещё держался туман. Бой был далеко; то ли закончился, то ли лес забрал все звуки.

Потом хрустнула ветка.

— Здесь следы!

Другой голос, ниже и грубее, ответил:

— Ищите! Он где-то рядом!

Владис не поднялся. Лента оставалась у него в кулаке, а шаги уже приближались.

Глава IV. Третий легион

Крышку задвинули над головой. Владис ещё успел увидеть край чужого сапога, затем доски сомкнулись, оставив только узкую щель. Он стоял согнувшись и ждал, пока глаза привыкнут к темноте. Внизу хлюпнула вода. Сесть было негде, кроме мокрой соломы, сбитой в угол.

— Эй! Здесь вода стоит!

Шаги наверху остановились.

— Ничего, не растаешь! Сиди тихо.

Караульный ушёл. Владис провёл рукой по стене, нащупал доску и осторожно опустился. Рука под повязкой заболела, пришлось сесть боком. Карцером служила яма под амбаром, неглубокая, тесная и устроенная так, что заключённый даже выпрямиться не мог. Сквозь крышку капало. Вода собиралась у его сапог, потом уходила в чёрную солому.

Когда шаги вернулись, он снова поднял голову.

— С Унго ещё привозили?

— Привозили.

— Из Девятой? Старика не было? Седой, с нами шёл. Или эльфа, низшего. Кенши зовут.

Караульный помолчал. Владис успел придвинуться ближе к щели, надеясь, что тот вспоминает.

— Я тебе писарь, что ли? Людей принимают у навеса. Здесь под стражей сидят.

— Так спроси.

— А ты выйди и сам спроси.

Наверху засмеялись. Владис ударил ладонью по крышке. Руку обожгло болью, но караульный уже уходил и даже не пригрозил. Оставалось ждать, не привезут ли кого-нибудь, кто видел Самона или Кенши после боя.

Это был второй день после Унго. Это ему сказал караульный, когда он снова спросил о раненых. Кормить обещали после смены. Сам он не мог вспомнить, сколько уже прошло с тех пор, как упал в лесу. Путь сюда сохранился кусками. Люди со знаками Второго. Рука, стиснувшая его запястье. Двое поднимают, третий спрашивает, где оружие. Владис пытается ответить про Октавия, но его снова спрашивают об оружии.

Потом был навес и писарь. Владиса усадили перед столом, придержали за плечо, чтобы не сползал. Служащий задавал вопросы быстро, не глядя ему в лицо. Имя. Когорта. Где находилась позиция. Кто приказал отойти. Владис всё время возвращался к другу.

У писаря были гладкие щёки и короткие приглаженные волосы; пальцы, обводившие строки, блестели свежими чернилами.

— Октавий там остался.

— Часть назови.

— Девятая. Он упал возле меня. Я не...

— Оружие где?

Владис посмотрел на пустые руки. Одну патрульный держал за запястье, не позволяя спрятать под одежду. Кровь уже подсохла; на сгибе кожа трескалась, когда он двигал пальцами.

У патрульного, державшего его руку, край доспеха стёрся у запястья; загорелые пальцы сжимали крепко.

— Выбили.

— Кто приказал отойти?

Владис едва не назвал Октавия. Друг велел ему бежать, но писарь спрашивал о командире. Писарь повторил вопрос, не позволяя ему замолчать:

— Кто отдал приказ?

— Никто.

Писарь поднял глаза. На этот раз ответ его устроил.

— Сигнал отхода слышал?

— Не слышал.

Служащий выровнял лист и написал сам. Рассказывать о друге Владису больше не предложили.

«Найден за лесной дорогой. Без оружия. Сигнала отхода не слышал».

Владис запомнил эти строки, потому что их прочли вслух. Остальное исчезало: кто перевязал руку, когда вернули котомку, долго ли он сидел под навесом. Только лицо орка возвращалось отчётливо. Не всё целиком — то улыбка, то глаза, следившие за его попытками подняться. И голос: «К трусам интереса нет». Враг не промахнулся и не потерял его в тумане. Он просто позволил ему уйти.

Владис прижал лоб к коленям. Он снова видел, как не дотянулся до руки Октавия. На этот раз заставил себя поднять голову и слушать шаги: приближалась смена, после которой обещали еду.

Над крышкой устроились двое. Доски прогнулись под их весом. Один долго стучал чем-то о край, потом звякнула фляга.

— Обоз опять на тот берег ушёл. Пустой. Переговоры, а он пустой туда.

— Пустой туда — гружёный обратно. Я разгружал. Чёрное. Руки три дня не отмывались.

— Да будет тебе…

— Такие дела.

Они ещё поговорили о дороге, о холоде и о том, кому стоять следующую смену. Владис почти не слушал. Слово «чёрное» осталось в памяти рядом с другими обрывками, не соединившись ни с чем. Он нащупал ленту. Сохранилась. Потом проверил, на месте ли книга и перо.

Писарь не заинтересовался ими, а значит, хоть это пока оставалось его.

За перегородкой заскребло. Жестяная кружка вылезла из щели и остановилась у самого сапога.

— Эй. Новый. У тебя там кружка не укатилась?

Владис посмотрел на неё, будто впервые увидел такую вещь.

— Пустая.

— А полную я бы не упустил. Носком подтолкни, будь добр.

Он подвинул кружку. В щели появились два пальца, подцепили ручку и исчезли. Через некоторое время кружка вернулась. На дне плескалась вода.

— С потолка капает, ровно над моей стороной. Только не нюхай.

Владис выпил. Вкус был неприятный, но горло перестало саднить. Он вернул кружку и придвинулся к перегородке.

— Тебя как зовут?

— Щепа. Здесь пока так.

— За что ты здесь?

— За замок. Чужой. Долго рассказывать, а у нас, похоже, есть время.

Щепа не стал допытываться, за что посадили его соседа. Вместо этого долго возился у себя за перегородкой, что-то царапал и вполголоса ругался.

Через несколько минут сосед попросил проверить, не лежит ли под соломой сухая щепка. Владис нашёл короткий обломок, просунул в щель. Щепа поблагодарил и снова затих. Работа за перегородкой шла мелкая, терпеливая, почти неслышная.

— Что делаешь?

— Занимаюсь тем, за что сюда посадили. Умею ведь.

Владис приподнялся.

— Откроешь?

— Что, потолок? Нет. Кружку чиню. Ручка болтается. Не всё на свете побег, новый.

Он усмехнулся, и Владис тоже попытался, но смех вышел коротким, сдавленным. За стенкой не стали обращать на это внимания. Щепа вернул кружку, велел потянуть за ручку. Держалась крепче. Потом предложил сыграть в «Сталь и кости», пока ещё можно различить что-нибудь у щели.

— Ставить нечего, — сказал Владис.

— Право первым уснуть. Проигравший сторожит, чтобы не залило.

— А если заснёт?

— Значит, нарушит договор. Здесь, как видишь, очень дорожат договорами.

Играли кое-как, передавая мелочи через щель. Щепа называл ходы, Владис отвечал, иногда забывая, что лежит на другой стороне. Сосед поправлял его без злости. После второго такого исправления Владис сказал, что не может сосредоточиться.

— Тогда запоминай один ход. На следующий времени хватит потом.

Владис попробовал. Получалось плохо, но несколько минут он действительно следил за игрой, а не за тем, что стояло у него перед глазами. Когда света почти не осталось, Щепа объявил, что для серьёзной партии слишком темно. Кружка ещё раз прошла под перегородкой. На этот раз Владис отдал её не пустой: дождался, пока с крышки накапает немного с его стороны.

Позднее караульный поставил наверху лампу. Узкая полоска света легла на стену. Владис поднёс к ней книгу. Страницы отсырели, уголь оставлял грязный след, но

писать было можно. Он нашёл имя Октавия, уже внесённое в лагере, и ниже добавил место: Унго.

Дату не вспомнил.

— Ты бы знал, какое сегодня число, — проговорил он.

Щепа за перегородкой кашлянул, однако не ответил. Владис смотрел на страницу. Хотел дописать, как друг бросился на орка, как крикнул, чтобы он бежал. Рука застыла. Нескольких слов не хватало, а длинного рассказа он пока не выдержал бы. Пришлось закрыть книгу с одной короткой записью.

* * *

Трава доставала мальчишкам до пояса. Октавий бежал впереди, то исчезая между высокими стеблями, то показываясь снова. Владис гнался за ним, сердясь, что тот опять начал раньше уговорённого. Было жарко. Воздух пах пылью и нагретой зеленью. Где-то впереди блестела вода.

— Влад! Спорим, я до реки первым?

— Ты вчера спорил!

— Вчера я поскользнулся. Это не считается!

Октавий прибавил шагу, не дожидаясь, согласился ли друг. Владис узнал поворот, камень у тропы, примятую траву возле спуска. Всё было на месте. Он даже знал, куда поставить ногу, чтобы не ударить палец. Ни лагеря, ни чужих доспехов здесь не существовало. Только обрыв и глубокая заводь под ним, куда страшно прыгать каждый раз, сколько бы ни прыгал прежде.

Октавий остановился на самом краю. Заглянул вниз с видом человека, который лично устроил эту реку и отвечает за её глубину. Владис подошёл осторожнее.

— Досчитаю до трёх — прыгаем! Только попробуй опять остаться наверху!

— А если там камень?

— Там не камень. Я проверял. Раз.

— Ты каждый раз говоришь, что проверял.

— Два.

Владис посмотрел вниз. Вода была тёмная, солнце отражалось ближе к противоположному берегу. Он уже собрался сказать, что сегодня прыгать не будет, но друг отлично знал это выражение лица и потому даже не обернулся.

— Три!

Октавий исчез за краем. Внизу хлопнула вода. Владис подался вперёд, увидел расходящиеся круги, мокрую голову. Друг вынырнул, запрокинул лицо и засмеялся. Он что-то кричал, дразнил, звал за собой. Владис отступил для разбега.

Круги остановились.

Он заметил это прежде, чем понял, что именно стало неправильным. Вода должна была двигаться, но держалась вокруг друга неподвижными складками. Октавий ещё поднимал руку, приглашая прыгнуть, а брызги не падали. Владис шагнул ближе к краю. Трава под ногами поблекла, стала серой. Солнце оставалось на том же месте, однако кожу уже не грело.

Издалека донёсся барабан.

— Октавий? Слышишь?

Друг повернулся. Лицо у него было детское, знакомое, но глаза смотрели так, как в детстве не смотрели никогда. За его спиной шевельнулась трава. Теперь она росла прямо из неподвижной воды, и среди стеблей поднималось что-то большое.

— Влад.

Барабан ударил ближе.

— Влад, не стой.

Он хотел протянуть руку, хотя с обрыва всё равно нельзя было дотянуться. Вместо заводи перед ним оказалась грязь. Октавий лежал на боку. Над ним двигался клинок, а голос ещё продолжал кричать:

— Беги!

— Октавий!

Владис выпрямился и ударился затылком о балку. Темнота взорвалась болью. Он схватился за голову, но крик ещё вырывался из горла, будто остановить его было невозможно. Наверху загрохотали сапоги.

— Заткнись, блядь! Ещё раз заорёшь — спущусь!

По крышке ударили. Труха посыпалась на плечи, за ворот, в волосы. Владис сжал зубы и прижал ладонь ко рту. Караульный постоял, прислушиваясь, затем ушёл.

— Тише, новый, — сказал Щепа. — Он правда спустится. И не один.

— Я не...

— Знаю. Все кричат. Первую неделю.

Владис вытянул ноги, упёрся сапогом в перегородку. Голова саднила от удара о балку. Он знал, что проснулся, однако стоило закрыть глаза, как снова видел прыжок Октавия. До рассвета он просидел, прислушиваясь к Щепе. Сосед ворочался в соломе и время от времени передвигал кружку под капель.

* * *

— Ты знал, что он струсил? — спросил Гость.

Орк отнял ладонь от раскрытого листа.

— Он и сам это знал.

— И ты всё равно продолжаешь?

— Ты пришёл услышать, что случилось. Наутро его повели судить.

Гость придвинул книгу, но старик уже рассказывал дальше.

* * *

Свет ударил в глаза. Владис прикрыл лицо здоровой рукой, и сразу кто-то ухватил его за ворот.

— Вылезай.

Ноги не держали. Он опёрся на край, поскользнулся, получил ругательство и всё-таки выбрался. Во дворе стояли другие заключённые. Одного вели, поддерживая с двух сторон; другой уже сидел возле стены, вытянув связанные руки. Щепу Владис не узнал бы среди них: ночью видел только пальцы в щели.

Его отвели к столу, сделанному из снятой двери. За ним сидели три офицера Второго. Писарь раскладывал бумаги, младший из судей отводил рукав от чернильницы. На Владиса посмотрели мельком, как на человека, чьё появление только позволяет закончить начатое раньше дело.

У старшего редели тёмные волосы, на висках уже седые; маленькие карие глаза почти терялись на гладком широком лице. Младший офицер сидел рядом, узколицый, с короткой стрижкой, и следил прежде всего за руками старшего.

— Владис из Зоренки. Во Втором записан как Владиславй. Девятая когорта. Самовольное оставление позиции. Утрата оружия. Обнаружен вне расположения части. Обвинение понятно?

— Понятно.

— Возражения?

Он хотел рассказать по порядку. Река, туман, Самон, центурион, Кенши. Хотел, чтобы за столом хоть раз

представили, как всё выглядело оттуда, снизу, между чужими сапогами и щитами. Но последним в этом рассказе всё равно стоял Октавий, а следом — он сам, бегущий в лес.

— Я испугался. Побежал.

Писарь сразу нашёл нужное место в ведомости.

Судебный писарь склонил гладко выбритое лицо к ведомости; короткие приглаженные волосы не закрывали ни одной строки.

— Приказа не получал?

— Нет.

Писарь поставил отметку под готовым обвинением. Офицер протянул руку за листом, и Владис заговорил, не дожидаясь следующего вопроса:

— Центурион упал, — сказал Владис. — Я пытался поднять. Щиты разошлись. Мы даже соседних не видели.

Трибун поднял глаза.

— Кто принял командование?

— Я спрашивал. Никто не ответил.

— Приказа об отходе, следовательно, не было.

— Но мы не знали, кто командует! Я же сказал — никто не ответил.

Трибун коснулся лежащего перед ним рапорта. Владис понял, что сейчас снова услышит те же три строки, и поспешил добавить:

— Нам говорили перед боем: Десятая когорта прикроет переправу. Её там не было. Никого не было.

— Десятой на переправе не значилось. По плану.

Трибун ответил немедленно. Лишь после этого переложил верхний лист и посмотрел на писаря. Владис ждал, когда тот запишет услышанное, но перо продолжало прежнюю строку. Десятая в ведомость не попала.

— Но приказ был…

— Передвижения соседних частей не относятся к вашему делу.

— А к чьему относятся?

Младший офицер повернулся к старшему. Движение было едва заметным, однако Владис его увидел. Трибун дождался, пока писарь закончит, и заговорил так же спокойно:

— Есть свидетель, который подтвердит приказ об отходе?

— Нет.

— Достаточно. Оглашайте приговор.

По плану. Значит, Десятую там не ждали. Владис уставился на лист в руках писаря: нельзя было поставить её у переправы речью Рациуса, но нельзя было и заставить исчезнуть сам приказ, который они все слышали. За столом уже готовились читать приговор. Он открыл рот; караульный сжал плечо и заставил выпрямиться.

Писарь поднялся и назвал полное имя. Голос служащего изменился: теперь он читал для всех, не задавал вопросов.

— Виновен. С учётом нужды в пополнении допускается замена смертной казни бессрочной службой в Третьем сборном штрафном легионе.

Владис услышал сначала казнь, потом замену. Слова наложились друг на друга, и несколько мгновений он вообще не понимал, что ему предлагают. Трибун объяснил:

— Легионом Третий числится только в бумагах. Легата там нет. Командует центурион-надзиратель. Его приказ для тебя — закон. Служба до особого распоряжения. Ни срока, ни права выбрать часть. Согласие будет записано.

Владис перевёл взгляд на писаря. Тот держал перо над листом и ждал ответа. Бессрочная служба означала, что ни через год, ни через десять он не сможет потребовать, чтобы его отпустили.

— Что там делают?

— То, что прикажут.

— А выйти оттуда?

— Оттуда не выходят. Оттуда списывают. Я сказал: до особого распоряжения.

Владис посмотрел на открытую дверь во двор. Слово «нет» означало вернуться к первой половине приговора. Никакого другого выбора ему не приготовили. Он хотел сосчитать, чтобы собраться, вспомнил сон и сразу остановился.

— Тогда записывайте. В Третий. Согласен.

Писарь подвинул перо. Подпись вышла кривой: пальцы плохо слушались, а рука под повязкой отзывалась на каждое нажатие. Служащий проверил, достаточно ли видно написанное, убрал лист и позвал следующего. Владис поднялся. На лавку уже садился другой человек, тоже мокрый, с разбитой губой. Они ненадолго встретились глазами. Спросить, что тому назначат, Владис не успел: караульный потянул к двери. Ему позволили жить. Пока он шёл к караулу, эту мысль пришлось повторить несколько раз.

* * *

До Сивой добирались больше суток. Заключённых связали общей верёвкой за запястья, и каждый неловкий шаг одного отзывался болью у соседей. На привалах сначала считали. Сесть до окончания пересчёта означало получить удар; несколько человек узнали это сразу, остальные запомнили без повторения.

Рядом с Владисом оказался худой мужчина с подвижным лицом и взглядом, который редко

задерживался на чём-то одном. На первом привале он полез под край попоны.

Растрёпанные чёрные волосы падали ему на острый лоб. Под серыми глазами быстро менялись складки, а маленькая бородка двигалась вместе с кривой улыбкой. На чёрной одежде белели и краснели заплаты, особенно заметные, когда он поднял руку к попоне.

— Подвинься. Вода за ворот льётся.

— Кружку подставь.

Мужчина повернулся и улыбнулся.

— Узнал. Значит, память у тебя ещё рабочая. Мы через стенку ночевали. Щепа. А тебя как звать?

— Владис.

— Уже лучше, чем новый.

Сзади потянули сухой край попоны. Владис обернулся, но Щепа раньше наступил на ткань и принялся поправлять сапог.

— Занято.

Чужая рука исчезла. Щепа не смотрел вслед и благодарности не ждал. Когда колонна снова двинулась, он заговорил тихо, под общий шум шагов.

— В Третьем никто никому не рад. Там не спрашивают, за что ты. Спрашивают, что у тебя есть. Ответ должен быть: ничего.

— А если есть?

— Тогда скоро не будет.

Впереди кто-то оступился, верёвка дёрнула запястья. Щепа остановился вместе со всеми, дождался, пока человек поднимется, и продолжил с того же места.

— И ещё. Баб в Третьем нет. Совсем. Даже кухарки. Империя бережёт материал от лишнего.

— Мне-то что.

— Я к тому, если привезут женщину, добра не жди. Для неё в первую очередь. Это будет не баба, а приговор. Сам увидишь, какие там порядки.

Конвойный услышал последние слова и огрел Щепу по спине. Тот согнулся, но не упал и не отпустил темпа. Улыбка сошла не сразу. Владис посмотрел на него с недоумением: говорить после первой ночи в яме всё ещё казалось опаснее, чем молчать. Щепа заметил взгляд и только качнул головой. До следующего привала они не разговаривали.

На следующем привале Щепа не мог наклониться: удар пришёлся под лопатку. Владис подвинулся, уступая ему место у края попоны, и придержал верёвку, чтобы сосед сел, не дёрнув остальных.

— За кружку спасибо.

— Вода с потолка была. Потолку скажешь, если ещё встретишь. А руку не выворачивай. Когда поднимут, сначала ногу подставь, потом тянись. Не то рана разойдётся, а мне снова слушать, как ты орёшь.

Когда конвой скомандовал вставать, Владис упёрся ногой в землю, как показал Щепа. Подняться удалось с первого раза. Он удержал натянутую верёвку, пока сосед выпрямлялся следом, и оба успели занять место в колонне прежде, чем до них дошёл караульный.

Сивая была меньше Унго. Владис увидел её между кустами, прежде чем появились лагерные ворота. Низкие берега, болотистая земля, тёмная вода. За частоколом стояли бараки, караулка возвышалась на насыпи. Никакого знамени над воротами не было. К столбу прибили список, нижнюю часть которого дождь почти смыл.

Писарь под навесом принимал пополнение по одному. Перед ним развязывали мешки, выворачивали карманы, снимали пояса. Караульный возвращал только то, на что

служащий кивал. Владис увидел, как чужую застёжку отложили в сторону, и вспомнил предупреждение Щепы. Но спрятать что-нибудь уже не было возможности.

Писарь был узколиц, с маленькой аккуратной бородой. За его плечом стоял широколицый караульный; щетина уже проступала на загорелых щеках, край доспеха у горла был истёрт.

— Владис. Мешок на стол. Пояс на стол.

Монеты высыпали на доску. Все, что оставались от деревни, от несостоявшейся покупки прутьев, после лагерной игры. Писарь сгрёб их в ящик не считая.

— Это моё.

— Было. У штрафника имущества нет. Есть номер и долг перед Империей. Долг ты отсюда не унесёшь. Монеты — тем более.

— По записи же…

— По записи ты покинул строй. Всё остальное запись не интересует.

Владис потянулся к ящику, но служащий захлопнул крышку перед его рукой. Караульный сделал шаг ближе. Пришлось отступить.

Писарь раскрыл книгу, пролистал, задержался возле имени Октавия.

— Стихи пишешь?

— Нет.

— Правильно. Тут не за что. Держи. Бумага у нас не в цене.

Он вернул книгу, отбросил ткань и перо к остальным вещам. Владис собрал их быстро, стараясь не показать, что именно боялся потерять. Лента намокла, но осталась красной. Писарь уже звал следующего.

Надзиратель вышел к строю после обыска. Сухой мужчина с короткой шеей остановился перед людьми,

поправил чистый ворот и оглядел их без спешки. Конвой заставил всех замолчать, поэтому говорить громко не требовалось.

Квадратное лицо обрамляли короткие волосы с проседью. Густые тёмно-серые усы почти закрывали верхнюю губу; надзиратель выдвинул подбородок и смотрел серыми глазами, пока передние не опустили свои.

— Пополнение. Слушать один раз. Здесь нет людей. Здесь есть спины, ноги и рты. Спина работает. Ноги идут. Рот молчит.

Владис не расслышал последнее слово и подался вперёд. Надзиратель заметил движение, задержался напротив него. Взгляд скользнул по повязке, по котомке и остановился на лице.

— Кто перепутает, где у него спина, а где рот, я объясню. Один раз. Дисциплина превыше всего. Где нет порядка, там нет жизни. Своё место найди.

За воротами собрались штрафники. Разглядывали одежду, обувь, узлы в руках. Один указал на Владиса подбородком.

— Свежие. Гляди, у этого сапоги целые.

— Ненадолго.

Кто-то сплюнул перед строем. Щепа посмотрел на говоривших, запоминая лица, и первым двинулся, когда приказали идти на осмотр. Владис последовал за ним. Ворота закрывались медленно, с тяжёлым скрипом. Он не обернулся: впереди была чужая спина, и пока следовало хотя бы её не потерять.

Глава V. Мясо Империи

— Сапоги снять. Следующий!

Владис опустился на край скамьи и потянул за голенище. Мокрая обувь не поддавалась. Кладовщик не собирался ждать: схватил сапог за пятку, дёрнул, и нога выскользнула вместе с портянкой. Кожа на пальцах побелела от сырости. Человек за столом ткнул палкой в ступню, повернул набок, посмотрел и отодвинул прежнюю обувь в сторону.

У кладовщика были короткие русые волосы и широкие загрубевшие кисти; даже палка казалась тонкой между его пальцами.

— Пальцами шевели, — велел надзиратель.

— Шевелю.

— Вижу. Руки подними.

Владис поднял. Правая рука слушалась плохо. Надзиратель велел согнуть её, потом разогнуть и перешёл к следующему. Кладовщик бросил Владису разношенную пару, широкую в пятках, со стёртыми подошвами. Тот подхватил старые сапоги прежде, чем их убрали со стола.

— Те подходят.

Кладовщик уже смотрел на следующего. Надзиратель повернул голову.

— Выданное надевай.

Кладовщик выдернул сапоги из рук Владиса. Щепа, стоявший следом босиком, успел поставить ногу на свою пару. Надзиратель ткнул палкой ему в колено, и пришлось отдать обувь.

За частоколом теснились четыре барака, кладовая, кухня. Лазарет стоял ниже остальных строений, ближе к речной сырости. С караулки на насыпи был виден весь

двор. Третий сборный штрафной легион насчитывал немногим больше сотни человек. Из трёх имперских легионов этот меньше всего напоминал войско, хотя оружие здесь тоже выдавали — на работу, под учёт, с требованием вернуть всё, что ещё можно использовать.

— У кого жар — к лекарю. Кто притворился, завтра идёт с двойной ношей. Ножи сдавать после работы. На перекличке отвечать за себя. За соседа не отвечать: сосед сдохнет сам.

Щепа наклонился к списку, прибитому возле стола.

— А если в списке ошибка?

— До вечерней поверки ошибка работает вместе со всеми.

Он отступил. Владис получил старый меч, щит с выцарапанными инициалами и ремень. Последний был пробит под гораздо более широкую талию. Пока остальные забирали вещи, Владис пытался затянуть пряжку и закрепить щит так, чтобы тот не бил по ногам.

— Подгони ремень, — сказал надзиратель. — На переноске должен держаться за спиной. Руки будут заняты.

Кладовщик отмерил полосу чистого полотна. Резал неохотно, всякий раз проверяя длину, словно лишний палец ткани мог разорить весь лагерь.

— На всё время! — повторял он.

Владис взял свою полосу. После ямы даже грубая чистая ткань казалась ценной. Её можно было пустить на руку, обмотать натёртую пятку, вытереть лицо. Всё сразу не получалось: полоса была одна.

— Ещё дадим, когда обоз придёт, — пояснил надзиратель. — Когда придёт, у меня не спрашивать.

Он задержал Владиса взглядом и сверился с бумагой.

— Ты тот, который на трибунале испугался?

— Да.

— Здесь поводов побегать тоже хватит. Только учти: свои поймают — до трибунала можешь не дожить.

Кто-то за спиной усмехнулся. Владис прижал свёрток к боку и отошёл. Через несколько шагов услышал:

— Беглый!

Владис хотел обернуться и увидеть, кто крикнул. Но надзиратель уже отсылал его во второй барак; вслед подталкивали следующих.

* * *

Во втором бараке пахло мокрой одеждой. Проход между нарами загромождали чужие вещи; у печи висели портянки, от которых поднимался пар. Владис выбрал свободный край и уже собирался положить котомку, когда сидевший рядом мужчина сказал:

— Не занимай. Провалишься. Доска треснутая, видишь?

Он перевязывал собственную ногу. Проверил узел, провёл пальцем под тканью, убеждаясь, что не перетянул, и только после этого посмотрел на новичка. Взгляд был неприветливый, однако предупреждение оказалось верным: под весом ладони доска прогнулась.

В коротких тёмных волосах мужчины уже белела проседь, борода тоже начинала седеть. Серые глаза смотрели из широкого усталого лица. Он был крепок; сильные руки, которыми только что вязал повязку, спокойно лежали на колене.

— Лекарь?

— Фавий. Раненых таскаю. Раньше в солдатах служил.

— А ногу кто перевязывал?

Фавий посмотрел на повязку, затем на Владиса.

— Если ждать лекаря на каждую дырку, носить скоро будет некому.

На соседних нарах худой человек чертил углём по доске. Возле прямоугольника стояла миска. Владис потянулся было поставить туда свой свёрток, но мужчина остановил его:

— Тут не клади. С крыши накапает.

— Он уже весь барак обмерил, — сказал вошедший Щепа. — Осталось хозяину счёт выставить.

— Терен я. Землемер. Будешь замечать, куда течёт, по ночам меньше промокнешь.

Волнистые каштановые волосы касались ему шеи. У него было длинное лицо с прямым носом, светло-серые глаза и тонкие пальцы, испачканные углём; всё остальное в бараке пока интересовало его меньше сухой доски.

Щепа махнул рукой и присел у пайкового ларя. Дёрнул крышку. Замок остался заперт, зато скоба вышла из сырого дерева вместе с гвоздём. Несколько человек сразу повернули головы. Щепа поднял скобу, покрутил в пальцах.

— А я по замкам. Вот тут хозяин зря на гвоздях сэкономил.

— Назад прибей, — сказал Фавий. — Недостачу на всех повесят. Через день без хлеба сидеть будем.

Щепа всё-таки заглянул в ларь. Пересчитал куски, один задержал в руке, но под взглядом Фавия положил обратно. Владис видел, как остальные следят за хлебом. Никто не смеялся. Замочник вернул скобу на место и пристроил гвоздь, будто всё время только проверял крепление.

Свободное место нашлось дальше от печи. Терен указал на сухую доску, куда не доставало с крыши, и Владис положил там котомку. Щит пришлось убрать из прохода: сосед без предупреждения пнул его под нары.

— Ремень сюда, — Щепа перекинул конец через край доски. — Подвесь. Теперь не уронят. За пряжкой только смотри.

— И её заберут?

— Смотря кому понадобится.

Владис спрятал книгу под одеждой и сел, придерживая щит коленом, пока Щепа затягивал ремень.

— Конвойный байку рассказывал, — Щепа сел на соседнюю доску. — За Унго седого деда орки к своему костру посадили. Живого. Будто понравился им.

Владис резко повернулся.

— Какого деда?

— Седого. Я же сказал. Может, сам придумал, пока дождь пережидал.

— Он видел?

— Не спрашивал. Слушал, как положено: пока разрешают стоять.

Терен добавил, что орки отошли за Унго, идут переговоры. Возможно, скоро объявят мир. Фавий выпрямился, поправляя сапог.

— Мир для строевых. Нас по домам не отпустят.

Владис достал книгу, но снова убрал её. Очень хотелось записать, что Самон жив. Щепа, однако, не знал даже того, от кого конвойный услышал байку.

К полудню надзиратель принёс ведомость. Людей вызывали парами, заодно зачитывая проступки. Кража, драка, убийство, отказ от приказа — голос не менялся. Каждому определяли работу, выдавали инструмент, отправляли к двери.

— Владис. Самовольный уход с позиции. К дренажной канаве.

Фавий медленно поднял голову. В бараке стало тише.

— Где ушёл?

— Унго.

— А кто на твоём месте остался?

Владис почувствовал, как сводит челюсть.

— Не знаю.

— Вот это всегда не знают.

Фавий поставил миску на свободную доску между ними. Владис отодвинулся, чтобы встать; на дальних нарах хмыкнули. Щепа перестал крутить гвоздь.

— Я не прошу меня прощать.

— А я и не собирался. Миску не трогай.

Владис поднял лопату и пошёл к двери. Щепа догнал его у стены, поймал за рукав и сунул деревянный клинышек.

— В черенок забей. А то железка слетит. Доказывать, что не нарочно, будешь до вечера. Палкой.

— Тебе всё равно, что в ведомости?

— Мне бы этой железкой по башке не получить. А что ты там на реке натворил, потом разберёмся.

* * *

Терен до двери не дошёл. Попробовал натянуть сапог, зашипел и сел обратно. Фавий сразу оказался рядом.

— Снимай.

— На работе перемотаю.

— На работе в канаву полезешь. Снимай, говорю.

Над щиколоткой повязка была мокрой. По краю проступило мутное пятно. Фавий пододвинул миску с водой, начал смачивать ткань и отделять присохшие витки. Терен вцепился в доску, чтобы не дёргать ногой. Владис стоял у двери, всё ещё держа лопату. Уйти без остальных не разрешали, а смотреть, как отдирают повязку, было тяжело.

— Чистое нужно.

— Свою полосу вчера извёл, — сказал Терен.

Щепа посмотрел в сторону кладовой.

— Там рулон. Под крупой прячут. На обмен, видать.

— Может, на лазарет, — ответил Фавий. — Ты туда глазами ходил или руками?

— Пока глазами.

Владис нащупал свой свёрток. В широком сапоге пятка уже горела. Он собирался перемотать её перед канавой, иначе к вечеру сотрёт до крови. Полотно можно было разделить, но Фавий разложил старую повязку, и сразу стало ясно, сколько нужно на чужую рану. Щепа посмотрел на лопату в руках Владиса.

— Без геройства. Ты спрашиваешь про рукоять. Я смотрю под мешками.

— Ты же сказал клин забить.

— Черенок от этого новым не стал. Показывай трещину.

Владис оглянулся на Фавия. Тот держал ногу Терена и не вмешивался. Землемер с трудом сдерживал дрожь. Щепа уже вышел, и оставалось либо идти следом, либо окликнуть его на весь барак. Владис поднял лопату и направился к кладовой.

Надзиратель стоял у стола. Владис остановился перед ним, загородив обзор в узкий проход между мешками.

— Эта лопата с черенка слетает. Есть другая?

— Есть клин и камень. Работай. Ещё раз ко мне с лопатой подойдёшь — уйдёшь без неё и без зубов.

Владис повернул черенок, показал трещину. Надзиратель взял инструмент, дёрнул железо, выругался. За стенкой тихо шуршала мешковина. Владис старался не поворачивать головы. Если посмотрит, то и надзиратель посмотрит. Он ещё раз начал объяснять, что клин забит, но дерево расходится, и получил лопату обратно так резко, что едва поймал.

— Пошёл работать!

Он вышел. Щепа догнал за углом и сунул под одежду свёрнутую ткань.

— Ровно на одну ногу. Если спросят, моя старая рубаха.

— У тебя рубахи нет.

— Теперь понимаешь, какая жертва?

Щепа улыбнулся, однако смотрел мимо Владиса, на дверь кладовой. Оба поспешили обратно. Фавий принял ткань, проверил, чистая ли, и стал отмерять. О происхождении не спросил. Терен понемногу разжал пальцы. Когда новая повязка легла поверх раны, он выдохнул и откинулся к стене.

— Держаться будет? — спросил он.

— Если не станешь по колено лезть, где можно обойти.

— Нам канаву чистить.

— Потому и говорю: где можно.

Щепа поднял оставленную лопату, подал Владису. Тот заколотил клинышек камнем, несколько раз встряхнул инструмент. Железо больше не болталось. Фавий наблюдал, пока Терен обувался, затем велел выходить. Миска оставалась на прежнем месте.

Канава тянулась мимо кухни к насыпи. Вода доходила до колен, дальше сток был забит землёй. Надзиратель приказал закончить к смене караула. Солдат с палкой устроился на склоне, выбрав место посуше. Штрафники спустились вниз.

Первые лопаты только взбаламутили грязь. Владис выгребал воду вместе с землёй, складывал сбоку, а она немедленно стекала обратно. Терен остановил его, прошёл вдоль края, проверил уклон.

— Здесь копать бесполезно. Дно дальше выше. Надо снять у насыпи.

— Знаешь как — делай! — ответил надзиратель. — Только если останется, будешь до утра плескаться.

Терен вбил колья и натянул шнур. Владис указал на участок, где ещё не стояла вода:

— Сухое зачем копать?

— Потому что выше. Отсюда вода туда не поднимется. Снимай до шнура, а землю бросай за край, подальше.

Щепа попробовал сдвинуть кол, чтобы пропустить лопату. Терен отнял его руку и переставил самого замочника.

— Вот с этой стороны. Не трогай разметку!

Владис принялся копать. Сухой верх поддавался труднее размокшего, под ним лежала плотная земля. Приходилось врубать лопату ногой, выворачивать комья, передавать их наверх. Щепа бросил один слишком близко к краю; Терен велел убрать дальше. Замочник выругался, но передвинул. Фавий держал доску возле поворота, не позволяя грунту осыпаться, пока остальные углубляли проход.

После нескольких проходов вода дрогнула и пошла к новому стоку, унося комья грязи. Владис остановился, наблюдая, как уровень возле сапог действительно падает. Терен велел не стоять: теперь надо было успеть укрепить края.

— Гляди-ка, — сказал Щепа. — И правда платили бы за такое.

— Платили.

Терен повернулся к работе. Шутить с ним дальше Щепа не стал.

Пятку натёрло сильнее. Владис терпел, пока хромота не начала мешать держать лопату. Потом присел на край, стащил сапог. Портянка сбилась в толстую складку. Он размотал её, проложил выданным утром полотном и перемотал, стараясь не задеть содранную кожу. Остаток

чистой полосы убрал: теперь видел, чего стоит доставать новую.

Терен позвал обратно: вода подмыла поворот, нужно было подпереть землю. Владис затянул портянку, поднялся и принёс доски Фавию.

Под конец пришлось укладывать бревно. Владис взялся с одного края и сразу понял, что рука не удержит. Попробовал подхватить предплечьем, но мокрая древесина скользила. Фавий встал напротив, поднял другой конец и подождал.

— Перехвати.

Владис нашёл выступ, упёрся пальцами.

— Держу.

— Тогда не выпускай.

Они подняли. На середине движения боль прошла до плеча, Владис едва не разжал руку, но успел прижать бревно к телу. Фавий заметил, замедлился, дав ему выровняться. Вместе уложили поперёк стока. Следующее поднимали тем же способом. Фавий сам подошёл к дальнему концу, не приглашая другого напарника.

* * *

— Их ведь посадили за дело? — спросил Гость.

Орк посмотрел на него поверх книги.

— Щепу за чужой замок. Терена за свою подпись. Фавий пока об этом не говорит.

— А Владиса?

— Его приговор ты слышал.

Гость опустил глаза на книгу. Орк придержал следующий лист, чтобы тот не закрыл страницу, и продолжил.

* * *

Щепе велели таскать воду. Он взял пустое ведро и остановился возле Владиса.

— Помнишь рубаху? Вечером моя очередь. Возьмёшь ведро.

— Возьму.

— Вот и договорились. А то от одних благодарностей у меня руки короче не становятся.

Владис взял ведро здоровой рукой. После канавы даже дорога через двор давалась тяжело. Первую ношу он расплескал на повороте и получил окрик от кухни: воду принимали до черты, а не по числу ходок. Пришлось вернуться ещё раз. Щепа сидел под навесом и на его сердитый взгляд показал руками величину украденной полосы.

Щепа поднялся, проверил уровень воды и протянул руку за ведром.

— Теперь рассчитались.

Владис отдал ему ведро и разогнул затёкшие пальцы.

Из лазарета вынесли человека. Носилок не нашлось, двое тащили его на снятой двери. Торопились, чтобы успеть до переклички, и дверь раскачивалась. Писарь поднял голову, посмотрел, поставил отметку.

У лежавшего на двери были короткие русые волосы и совсем молодое лицо; глаза оставались закрытыми.

— Кто это? — спросил Владис.

— Тридцать девятый.

— Имя.

— Было.

Служащий вернулся к ведомости. Мимо проплыла босая ступня с полосой ткани, такой же, какую утром выдали Владису. Он проводил дверь взглядом. Спрашивать было

не у кого: носильщики уходили, писарь уже разбирал другую бумагу. Позже он открыл книгу и написал «Тридцать девятый», оставив место рядом. Если удастся узнать имя, впишет.

У ворот появился новый конвой. Всего трое осуждённых. Двое держались на ногах, третьего несли на деревянной боковине телеги. Раненый прижимал руку к животу. Владис задержался у кухни и услышал знакомый голос.

— Кенши.

Он замер. Писарь спросил часть.

— Девятая. Второй.

— Найден вне части. После боя. Приговор приложен. Имущество?

— Кишки. Забирай, если унесёшь.

Владис почти побежал к носилкам. Кенши повернул голову. Осунувшееся лицо, сухие губы, глаза, знакомые по игре возле палаток. Живой.

— Тебя тоже?

— Потом. Воду сначала.

Владис кинулся обратно, принёс кружку, придержал её, пока эльф пил. Тот попытался усмехнуться.

— Девятая в сборе.

Улыбка оборвалась от боли. Ладонь сильнее прижалась к животу. Владис увидел тёмную повязку и сразу перестал радоваться так открыто. Фавий подошёл, отогнал лишних, показал, куда нести.

— На живот не дави. Ты, с ведром, кипяток принеси.

Владис побежал. Впервые здесь торопился по приказу без ненависти: кипяток требовался Кенши. Когда вернулся, Терен уже освобождал место у стены, Щепа держал лампу, а Фавий разрезал засохшую ткань.

— Этот же эльф? — спросил Щепа.

— Лампу выше. Про уши потом.

— Уши не задеты, — выдохнул Кенши. — Могу одолжить. Своими ты плохо слушаешь.

Свет упал на рану. Щепа сразу замолчал и поднял лампу выше. Владис хотел помочь руками, но Фавий велел держать воду и не заслонять. Пришлось стоять, подавать, убирать грязное, удерживать кружку возле Кенши. Эльф иногда открывал глаза, проверял, кто рядом, и снова сжимал зубы.

Кенши попробовал сесть. Фавий удержал его за плечо, выругался и заставил лечь обратно. Владис подал воду слишком поспешно; капли побежали по подбородку. Фавий показал, как приподнять голову, не сгибая раненого, и вернулся к повязке. Щепа упёр локоть в плечо Терена, чтобы лампа перестала дрожать.

Когда закончили, Фавий велел убрать грязную воду. Владис вынес миску, ополоснул и вернул на место.

После отбоя Владис подсел к нему. У нар стояла миска с потемневшей водой. Фавий отошёл, предупредив, чтобы раненого не заставляли долго говорить.

— Я видел, как ты ушёл в туман.

— А я — как ты. Давай без взаимных открытий.

— Долго ты там?

— До темноты. Потом полз. Хватит?

— Хватит.

Некоторое время они молчали. Владис придвинул воду, хотел спросить о Самоне, но вместо этого сказал то, что всё равно пришлось бы сообщить.

— Октавий погиб.

Кенши прикрыл глаза.

— Ты видел?

— Да.

— Тогда так и запиши. Без «может быть».

Владис кивнул. Кенши смотрел в потолок, собираясь с дыханием. Потом добавил:

— Тот, который его... Не рядовой. Не в клинке дело. Этого слушались. Когда сказал «хватит», остановились. Я слышал.

— Он меня отпустил.

— Слышал. Почему — у него спрашивай. Я сам еле выполз, мне тогда не до орочьих замыслов было.

Кенши потянулся к кружке. Владис подал её, поддержал голову, как показывал Фавий. Эльф сделал два глотка и отодвинул воду.

— Карты у тебя? — спросил он после паузы.

Владис удивился.

— Здесь. В книге.

— Хорошо. А то моё имущество уже разобрали.

— Принести?

— Сейчас? Скерь, дай сначала до утра дожить. Ты всё ещё слишком торопишься ход делать.

Владис рассмеялся. Кенши поморщился, и он сразу перестал. До двери было всего несколько шагов, но уйти, оставив друга с такой раной, не получалось.

— Не смотри так, — потребовал Кенши. — Мешает.

Владис отвернулся и придвинул кружку к его здоровой руке.

— Старика не видел?

— После того как щиты разошлись — нет.

— Тут говорят, у орочьего костра...

— Здесь наслушаешься всякого. Сначала узнай, кто видел, потом верь.

Фавий вернулся и велел оставить Унго до другого раза. Владис уже вставал, когда открылась дверь.

— Фавий. Терен. Щепа. Владис. До рассвета к воротам. Носилки, верёвка, по сухарю. Остальным спать.

— Землемер хромает, — сказал Фавий.

— Дорогу он глазами смотрит. По дороге сменишь повязку. Не дойдёт — оставишь. Носилки нужны для тех, за кем идёте.

Кенши потянулся к ремню. Рука остановилась на полпути.

— Тебя не назвали, — напомнил Фавий.

— Слышал.

Надзиратель вышел. Щепа вынул из сапога короткий гвоздь, проверил острие и убрал в рукав. Терен занялся повязкой. Фавий подтянул носилки и принялся осматривать крепления. Владис стоял у нар, не зная, к кому подойти. Затем взял второй конец жерди и подержал, пока Фавий затягивал узел.

На свободном месте между ними по-прежнему стояла миска. Но носилки они проверяли вдвоём.

Глава VI. Цена приказа

Схему разложили на перевёрнутом щите. Караульный держал лампу слишком низко, и его рука закрывала часть дороги. Надзиратель дважды велел поднять свет, потом сам отодвинул чужое запястье и указал пальцем на отметку.

— Слушать один раз. С орками перемирие. Они отошли за Унго, наши стоят на этом берегу, послы торгуются. Война кончилась, пока не сказали иначе.

Владис стоял рядом с Фавием. До рассвета оставалось немного, но за воротами ещё было темно. Терен поправлял повязку под сапогом, Щепа прятал руки от холода. Пустые носилки лежали между ними и столом.

— На старой дороге к переправе дорожный пост. Вчера связь прекратилась. Дойти, забрать пакет донесений, остаток крепежа и двух раненых. Вернуться к вечерней перекличке.

— Одни носилки на двоих? — спросил Фавий.

— Второй ходячий. Так в последней записи.

— Когда запись? — Терен поднял голову.

— Вчера утром.

Фавий хотел объяснить, что за сутки ходячий мог перестать ходить, но надзиратель поднял ладонь.

— Я услышал. Других носилок сейчас нет. Пакет важнее. Раненые — если довезёте.

Он показал два пути: гребень над ложбиной и длинную петлю по низине. Фавия назначил старшим, Терена велел слушать по дороге. Пакет не вскрывать. За опись отвечать головой — это отдельно повторил, глядя на Фавия.

— Телега? — спросил Щепа.

— Ось лопнула. Вчера слышал. Ноги целы — ими пользуйся. Сломаешь, и ноги в опись.

— А если там не орки? Перемирие же.

— Если не орки, тем более узнайте кто.

Фавий забрал бумагу. Железо в ней перечислялось подробно, раненые уместились в одной короткой строке. Владис пока не знал, сколько весят скобы, но уже видел, что рук на всё может не хватить. Прикрытия им не дали. Надзиратель отвернулся, показывая, что вопросы закончились.

У ворот Владис вспомнил о фляге и вернулся в барак. Кенши лежал с открытыми глазами, следил за его сборами.

— Ремень на носилках проверь.

— Фавий проверил.

— Тот, который себе на плечо наденешь. Фавию-то что, это у тебя потом шкура слезет.

Владис перевернул ремень. Пряжка действительно попадала на ключицу. Переставил, затянул иначе, поблагодарил.

— Вернёшься — воду поставишь справа, — сказал Кенши. — Вчера наконец запомнил.

Владис кивнул и вышел. Ворота уже держали открытыми, а Фавий смотрел на него так, что задерживаться ещё на одно слово не хотелось.

Первые огороды прошли в сумерках. Потом дорога сузилась и повернула на север. Фавий шёл по твёрдой обочине, остальные старались попадать в его следы. Носилки пока были пустыми, но длинные жерди цепляли кусты и требовали согласованного движения. Владис нёс вместе с Тереном. Когда один поворачивал раньше другого, ремень сразу дёргал плечо.

— Дальше долго? — спросил Щепа.

— Когда спрашиваешь, короче не становится.

— Я не для дороги. Для себя.

— Держи задний конец выше, — потребовал Терен. — Он по земле волочится.

Щепа подхватил жердь, помогая Владису провести носилки между кустами. Шутить с занятым землемером оказалось бесполезно.

На коротком привале Фавий осторожно сел у дерева, вытянув ногу. Из-под одежды показалась повязка. Владис видел её вчера, но только сейчас понял, насколько носильщик бережёт колено: садился так, чтобы не сгибать, вставал через другую ногу.

— Ты ведь тоже ранен.

— Заживает.

— Почему тогда тебя?

— Потому что знаю, как донести других. Идём.

Он поднялся прежде, чем Владис придумал следующий вопрос. Щепа проверил мешок, Терен взялся за жердь. Отдых закончился.

* * *

У развилки землемер остановил остальных поднятой рукой. На гребне торчал сломанный столб, на нём сидели птицы. Правее, за камнями, виднелась полоска глины. Терен долго смотрел туда, затем указал.

— Свежая. Кто-то лёг за камнями. Вчерашний дождь уже смыл бы.

— Орки? — Щепа прищурился. — Перемирие же.

— Отсюда не узнать. По гребню быстрее. Но видно нас будет до самого поста.

Фавий спросил про низину. Обход выходил длинным, по воде, а обратно с ранеными пройти стало бы ещё тяжелее. Он посмотрел на Владиса, стоявшего ближе к повороту.

— Ты оттуда лучше видишь. Что скажешь?

Глина была видна. Людей — нет. Владис вспомнил время до вечерней переклички, одни носилки, вчерашнюю запись о раненых. Ему хотелось добраться быстрее. Он указал на камни, между которыми, как казалось, можно было пройти по одному.

— До укрытия. Между ними. Так быстрее.

Фавий посмотрел ещё раз и кивнул.

— До первого укрытия. Дальше смотрим. Я впереди.

Они поднялись. Щепа шёл следом за Фавием, Владис с Тереном держали носилки. Едва вышли выше кустов, раздался короткий свист. Стрела с треском вошла в столб рядом с дорогой. Птицы взлетели сразу все.

— Вниз! По склону!

Фавий толкнул Щепу за камень. Владис рванулся следом, но ремень остановил плечо. На другом конце оставался Терен. Жердь развернулась поперёк дороги, и землемер едва удержался на ногах.

— Вместе! Не рви!

Владис остановился, хотя всё в нём требовало бежать дальше. Подхватил жердь обеими руками, пригнулся и потянул в сторону укрытия одновременно с Тереном. Ещё один свист! Стрела ударила в мешок Щепы. Тот упал животом на землю, обругал всё вокруг и пополз ниже.

Носилки стащили за камни. Владис продолжал тянуть, не понимая, что уже находится в укрытии; Терен упёрся ногой и заставил его опустить жерди. Над камнем коротко щёлкнуло. Фавий прижал Щепу за загривок, не давая высунуть голову.

— Пост внизу. Видите частокол? До него по склону. По одному не рваться!

С этой стороны дорога оставалась наверху. Между её краем и частоколом лежали кусты; по ним можно было

спуститься, не выходя целиком из-за камней. Но длинные носилки не разворачивались в узком промежутке. Владис поднял передний конец и сразу получил окрик:

— Ниже! На боку веди!

Он повернул раму ребром. Терен протолкнул задний конец, Щепа, уже отползший к следующим кустам, подхватил верёвку. Носилки прошли. Владис присел и последовал за ними, придерживая щит на спине, чтобы тот не цеплялся за камень. Теперь он слышал только дыхание Терена и короткие команды Фавия.

Землемер оступился на выходе из укрытия. Больная нога подвернулась; он вскрикнул, ухватился за жердь, и оба конца рамы качнулись вниз. Владис удержал свой, но выпрямился во весь рост. Щепа схватил его за пояс и дёрнул к кустам.

— Пригни башку, герой!

Фавий подхватил Терена под плечо. До частокола оставалось недалеко, но землемер уже не мог идти прежним шагом. Он переставлял здоровую ногу, подтягивал другую и всё повторял, чтобы не тащили: так больнее. Фавий велел ему замолчать и смотреть, куда ставит сапог. Щепа с Владисом волокли пустые носилки впереди, освобождая проход.

Под стеной поста они наконец остановились. С этой стороны сломанный столб был виден лишь верхушкой. Никто не показался на гребне, преследования не слышалось. Владис повернулся к Терену, но тот отстранил его руку и потребовал мешок Щепы.

Терен вынул стрелу из мешка Щепы. Повернул древко, осмотрел оперение.

— Не орочья. У орков чёрное, вороново. Эта серая. Такого не видел.

— Значит, с Серых земель?

— Серая — значит, не знаю. Это хуже.

Щепа просунул пальцы в пробитую дырку. Стрела прошла сквозь мешок, в котором оставались сухари и моток верёвки. Он вынул рассечённую верёвку, выругался и стал связывать концы. Фавий убрал стрелу вместе с приказом.

— На обратном пути сюда не полезем.

— Может, ещё посмотреть? — Владис указал на верх склона.

— Отсюда и смотри. За стрелком сейчас не полезем.

Фавий дождался, пока Терен перетянет сапог, и повёл их вдоль стены к воротам.

Одной створки не было. Вторую положили поперёк прохода, кое-как закрыв вход. Над частоколом висела выцветшая сигнальная ткань.

— Стой! Чья часть?

— Третий. За ранеными.

— К щели подойди. Медленно.

Владис услышал знакомый голос раньше, чем увидел лицо. Шагнул ближе. В щели блеснул глаз, выше белел шрам.

— Бард?

— Владис?

Створка сдвинулась. Бард стоял, вцепившись в косяк. Одна штанина была разрезана до колена, вес он держал на другой ноге. Увидев Владиса, потянулся обеими руками и сразу потерял равновесие.

Взъерошенные волосы остались прежними, но над бровью теперь белел шрам. Бард берёг повреждённую ногу даже тогда, когда на миг забыл о ней и потянулся к другу.

— Живой, сукин сын.

Фавий подхватил его.

— Обниметесь сидя. Сколько вас?

— Трое. Один не встаёт. Другой ходит, но плохо видит. Я ещё утром мог...

— Понял. Садись.

Владис помог опустить земляка на ступеньку. Бард всё ещё смотрел ему в лицо, будто проверял, не ошибся ли. Из Зоренки они ушли вместе, а потом потерялись на перевале. Теперь оба узнавали друг друга с трудом.

— Вас с Эриком куда увели?

— В обозную охрану. У развилки переписали список. Меня сюда. Эрик до лагеря не дошёл.

— Как?

— Ночью на перевале. Встал, взял котомку и ушёл. Не домой — я смотрел. На север, к Серым землям. Больше некуда там идти. Не остановил я его. Не смог бы.

Бард провёл ладонью по лицу.

— Он не бежал. Шёл. Так идут, когда знают куда. Я потом всю неделю думал: откуда знал?

Он выглянул за спину Владиса, ожидая остальных. Увидел только Щепу и Терена.

— А Октавий?

— Погиб.

Бард перестал смотреть на дорогу. Рука на косяке сжалась, костяшки побелели.

— Я ему котелок должен.

Владис не ответил.

— В обозе хороший нашёл. Думал, отдам.

Фавий позвал изнутри. Они помогли Барду пройти под крышу, где оставались ещё двое. Один лежал неподвижно и часто хватал воздух ртом. Другой, с обожжённым лицом, поворачивал голову на каждый звук.

У неподвижного солдата виднелись короткие русые волосы и запавшие щёки. Второй подбирал под себя

загрубевшую ладонь; на ней, в отличие от обожжённого лица, остался привычный дорожный загар.

— Все живые, — подтвердил Бард. — Ночью по частоколу стреляли. Кто, не видели. Гонца отправили. Назад не пришёл.

* * *

Щепа попробовал складскую дверь. В замке торчал обломок ключа. Он присел, вынул гвоздь, сделал знак не подходить слишком близко.

— Не ломайте пока. Жерди из двери пригодятся целыми.

— Быстро, — сказал Фавий.

— Говори нежнее. Замок нервничает.

Пока Щепа работал, остальные осматривали раненых. Бард пытался уверить, что дойдёт сам, но Фавий даже не обсуждал это до осмотра ноги. Снял край повязки, посмотрел и велел лежать. Терен принёс найденные доски, сложил у стены. Вчетвером они должны были увезти троих, и прежний расчёт с одними носилками уже никуда не годился.

Замок щёлкнул. Щепа плечом открыл дверь и вскоре вынес моток верёвки. Фавий подобрал жерди. Вторые носилки связывали прямо на земле: протянули ткань, затянули узлы, проверили, не скользят ли. Владис держал раму, пока Щепа стягивал угол. Терен давил ладонями на середину, проверяя прогиб.

Одна жердь треснула у старого отверстия. Щепа хотел обмотать её, но Фавий отложил в сторону.

— На спуске лопнет. Другую.

— Другой ровной нет.

— Кривая целая лучше.

Владис принёс найденную за дверью. Она оказалась толще, зато держала вес. Пришлось переделывать угол, заново выравнивать ткань. Бард наблюдал с порога, затем попытался встать, чтобы достать ещё верёвки. Фавий остановил его, поставив ладонь перед лицом.

— Покажи. Достанут без тебя.

— Под лавкой. Нет, под другой. Которая у двери.

Владис вытащил моток, и Щепа стянул им новое крепление. Проверяли вдвоём: один наступил на жердь, другой потянул ткань вверх. Ничего не треснуло. Фавий сам сел посередине рамы, перенёс вес на один край, затем на другой. Только после этого велел укладывать Барда.

Человек с обожжённым лицом поднялся на звук. Ладонями он искал стену, хотя она была совсем рядом. Владис подвёл его к выходу и дал в руку ремень Щепы.

— За него держись. Когда остановимся — скажем. Порог сейчас высокий.

Раненый сделал пробный шаг и попал ногой на жердь. Владис отвёл её, снова назвал место порога и дождался, пока тот переступит. Фавий следил от носилок.

— На дороге так же. Каждый корень ему говорите. И прежде чем ношу ставить, предупреждайте, чтоб в вас не врезался.

— Все на мне, — проворчал Щепа, поправляя ремень. — Ладно. Не отпускай только, слышишь?

Раненый сжал кожу обеими руками.

Пакет нашёлся под перевёрнутой миской. Печать была цела. Рядом стоял тяжёлый ящик со скобами и железными костылями для настила. Владис приподнял край и опустил.

— Для Унго? Для моста?

— С нашим обозом пришло, за неделю до боя, — сказал Бард. — Остальные к реке увезли, этот велели здесь держать. Для кого, не сказали.

На крышке виднелись три черты и точка. Такой знак Владис утром видел на схеме надзирателя.

— За неделю? — переспросил он. — До того, как нас послали?

— Да я сам разгружал. Ты чего?

Владис отпустил край ящика. Орки, по словам Рациуса, перешли реку внезапно. Крепёж ждал на дороге ещё прежде, чем Девятую отправили на помощь. Спросить, кто велел его привезти, он не успел.

Фавий позвал его к носилкам.

— Поднимай за жердь. Не за ткань. На мой счёт.

Владис взялся. Первого раненого понесли к выходу. У порога под сапогом качнулась плохо закреплённая доска. Носилки потянуло вниз, ремень начал вырываться из ладони.

— Держи! Перехвати!

Он подхватил жердь обеими руками. Раненого качнуло, но носилки остались на весу. Фавий остановился, посмотрел на Владиса. Тот кивнул, расставил ноги шире, проверяя опору. Только после этого они двинулись дальше. Носилки поставили во дворе, под стеной, и Владис вернулся за второй ношей.

За частоколом снова коротко свистнуло. Щепа отпрянул от щели и присел возле Барда.

— Собирайтесь. Очень прошу.

На две пары носилок приходилось четверо носильщиков. Человек с ожогами мог идти, держась за чужой ремень. Железный ящик оставался на полу. Владис оглядел груз, свои руки, Барда, который снова пытался подняться.

— Пакет в сумку, — приказал Фавий. — Железо оставить.

— В описи есть, — напомнил Терен.

— Вижу.

Бард всё-таки встал.

— Дойду. Дайте палку.

Он сделал шаг и повис на руке Владиса. Тот придержал, помог сесть обратно.

— Не дойдёшь.

— Тогда на одном месте посиди вместо меня. Узнаешь, сколько ещё могу.

Щепа предложил разделить скобы по мешкам, но сам же посмотрел на носилки и покачал головой. Под таким грузом согнутся. До темноты не успеют.

Фавий повернулся к Владису.

— Нести тебе тоже. Решай: готов за железо горб подставить или подпишешь недостачу со мной. Отвечать обоим придётся.

Владис посмотрел на Барда. Земляк отвёл глаза, будто просьба лечь на носилки уже делала его виноватым перед всеми. Дальше спорить было не о чем.

— Подпишу. Забираем людей.

Фавий выломал дощечку с отметкой, положил вместе с описью.

— Чтоб не сказали, будто потеряли по дороге.

Щепа задвинул ящик под крышу, набросил пустые мешки. Если свои вернутся, найдут. Обещать возвращение никто не стал. Пакет Фавий убрал в сумку, проверил печать ещё раз и распределил, кто за какие жерди берётся.

* * *

Обратно Фавий повёл их низиной. Гребень оставался слева, над кустами; возвращаться туда с двумя носилками он запретил сразу. Перед выходом распределил ноши: сам с Владисом понёс первого лежачего, Щепе и Терену достался Бард. Обожжённый держался за ремень Щепы. Так они могли двигаться только на ровном месте. На каждом уступе приходилось ставить обе рамы и освобождать руки.

До поворота спуск шёл полого. Владис ещё надеялся, что за кустами начнётся твёрдая дорога, но впереди блеснула стоячая вода. Терен остановил их и указал на край ложбины, где трава держалась плотнее. Сам он шёл боком, почти не сгибая больную ногу.

— Глину ведь видел, — сказал Терен Владису.

— Видел.

— В следующий раз поверь ей раньше, чем нам стрельнут вслед.

— В следующий раз скажу, что вижу, — ответил Владис. — А не что быстрее.

Терен подтянул узел на носилках и велел Щепе поднять его конец.

Пряжка снова натёрла кожу у ключицы. Владис достал остаток полотна, подложил под ремень. Боль немного отпустила. Фавий дождался, пока он устроит ношу, затем подняли вместе. Человек с обожжённым лицом держался за ремень Щепы. Ему вслух называли корни, повороты, места, где нужно поднять ногу выше.

У следующего спуска земля размокла до глины. Сверху лежал толстый корень; под ним начинался участок воды, глубину которого с тропы не было видно. Терен попросил опустить носилки и проткнул грязь концом жерди. Та ушла почти по колено.

— Здесь провалимся. Правее, по траве.

— Сам пройдёшь? — спросил Фавий.

Терен перенёс вес на больную ногу. Сапог съехал, землемер схватился за Щепу.

— С грузом нет.

Фавий поставил свои носилки. Владис сперва не понял, зачем они оставляют одного раненого наверху, пока остальные идут вниз, и потянулся снова поднимать. Фавий перехватил его кисть.

— По одной. Все вместе. Щепа снизу направляет, ты с Тереном этот край держишь. Я с другого. Потом вернёмся.

Барду помогли лечь глубже в ткань. Щепа спустился первым и вытоптал ногами площадку под нижней жердью. Владис и Терен подняли верхний конец, Фавий, пятясь, повёл нижний. Носилки пришлось держать почти на уровне груди, чтобы Бард не съехал к ногам. Землемер шагал на здоровой ноге, опираясь свободной рукой на плечо Владиса; его доля веса понемногу переходила соседу.

— Стой! — крикнул Щепа. — Тут край осыпается.

Они замерли. Владис чувствовал, как рама тянет из ладоней. Пальцы соскальзывали, но перехватиться без предупреждения было нельзя: Фавий стоял ниже и не видел его рук.

— Правую меняю!

— Держу. Меняй.

Владис подхватил жердь предплечьем. Терен помог, вдавив её ему в сгиб локтя. Щепа подложил под сапог Фавия вывороченный корень, проверил пяткой и отступил.

— Теперь ко мне. Ещё шаг. Ставьте!

Носилки опустились ровно. Бард выпустил край полотна, за который держался всё время спуска, и потребовал, чтобы никто не говорил ему, будто он мог сам.

Щепа, отдышавшись, ответил, что за самостоятельное хождение счёт выставит отдельно.

Обожжённого провели следом, предупредив о каждом уступе. Потом Фавий с Владисом поднялись за первой ношей, и переход пришлось повторить. На этот раз Владис заранее назвал место, где собирался переставить руки. Фавий позволил ему остановиться, поправить ремень и лишь тогда скомандовал поднимать.

Дальше низина стала шире. Пары снова разделились, но шли близко: если Терену требовалась помощь, первые сразу останавливались. Дорога удлинялась с каждым обходом воды. О ящике со скобами больше никто не говорил.

На привале Владис оказался возле Барда. Земляк придерживал котомку на груди и долго не решался заговорить.

Наконец он спросил:

— Он мучился?

Владис понял не сразу. Всё внимание было занято руками, ремнём, дорогой. Потом имя возникло само, хотя Бард его не произнёс.

— Ему было страшно. Я был рядом.

— Хорошо, что не один.

Владис отвернулся к носилкам. Рассказать, как после этого побежал, не получилось. Слова «я был рядом» были правдой, только не всей. Бард принял их, потому что не видел остального.

— Дома его помянут, — сказал он. — Вместе с нашими стариками. Я матери передам.

Фавий велел поднимать. Владис взялся за жердь с облегчением: можно было снова делать то, что требовало рук, а не ответа. Бард больше не спрашивал. Придерживал

болтавшийся ремень, когда носилки цеплялись за кусты, и старался не стонать.

К лагерю подошли до темноты. Над частоколом ещё оставалась узкая полоса вечернего света. Барду стало немного легче, он попросил воды. Фавий разрешил глоток, остальное велел оставить до осмотра.

— Меня обратно не оставят? — спросил Бард.

— Уже у ворот.

— Я про ваших.

Владис посмотрел на сумку с описью и дощечкой.

— Сначала занесём тебя.

* * *

— Пакет.

Надзиратель потянулся к сумке прежде, чем носилки успели поставить. Проверил печать, поскрёб ногтем край. Только убедившись, что цела, спросил об имуществе.

— Железо оставили под крышей склада, — ответил Фавий. — Вот отметка. Раненых трое. Двое лежачих.

— Вижу, сколько принесли. Мне велели железо. Кто решил?

— Я согласился, — сказал Владис.

Фавий встал рядом.

— Старший я. Пиши меня. Его свидетелем, если нужен.

Надзиратель посмотрел на обоих.

— Внеочередные работы. До решения по недостаче. Не прощение. Отсрочка.

Писарь начал уточнять, где именно поставили ящик. Щепа объяснил: под крышей, справа от складской двери, прикрыт мешками. Потребовали сосчитать оставленные скобы. Фавий положил перед служащим опись.

— Количество здесь. Ящик не разгружали.

Человек с ожогами всё ещё держал ремень, хотя Щепа уже снял ношу. Владис подвёл его к скамье и помог сесть. Надзиратель окликнул его, но он вернулся к столу только после того, как раненый нашёл рукой опору.

— Здесь я. Пишите.

Надзиратель взял дощечку. Увидел три черты и точку, задержал взгляд и отложил отдельно. Заметив внимание Владиса, повернул отметкой вниз.

— По нам стреляли на гребне, — сказал Фавий. — Стрелы серые. Не орочьи.

— Внесите. Серые.

Ни удивления, ни дополнительных вопросов. Писарь записал. Фавий потребовал лекаря.

— Я ещё не закончил.

— А они могут.

Из лазарета подошёл молодой служитель с фонарём. Взялся за носилки у головы раненого, встретил взгляд надзирателя и замер. Потом всё-таки поднял свой край. Фавий сразу подхватил другой.

У служителя была непослушная русая прядь и ещё совсем мягкие черты; фонарь снизу освещал его засученные рукава.

— Этих в лазарет, — сказал надзиратель. — Четыре спины в строй на утреннюю проверку.

Бард задержал Владиса.

— Котелок у меня в мешке.

— Себе оставь.

— Нет. Ему должен был. Возьми.

Владис достал помятый котелок. На дне присохла известь, за ободок зацепилась карта из колоды, с обозным дозором на лицевой стороне. Бард велел забрать и её: на посту больше не сыграют. Потом его унесли вслед за остальными.

Проверка ещё не закончилась, когда к воротам подошла телега Второго. Два конвойных везли что-то низкое, закрытое мешковиной.

— Пополнение. Одна штука. Печать легата. Распишись.

Надзиратель принял лист, прочёл дольше обычного.

— За распространение слухов, порочащих командование. За нанесение увечья конвойному при исполнении… Женщина?

— Эльфийка. Из обозных девок. Кусается. Потому и клетка.

Мешковину сдёрнули. В клетке для охотничьих собак сидела лысая женщина, поджав босые ноги. Выпрямиться там было невозможно. Одежда намокла, на щиколотках виднелись ссадины от прутьев. Она почти не смотрела на конвой — разглядывала список у ворот.

Владис узнал её не сразу. Потом вспомнил шатёр Рациуса, смех, собственное смущение. Эльфийка повернулась к нему и едва слышно сказала:

— Цыплёнок. Опять в чужой броне? Только смеяться разучился.

— В Третьем женщин нет, — заявил надзиратель.

— Теперь есть. Печать. Мне ехать.

— Имя.

— Сорока.

— Настоящее.

— Настоящее ты не запишешь. Буквы не те.

Надзиратель подождал другого ответа. Не получил. Записал и поставил номер.

— Сто тринадцатый. Спина, ноги, рот. Рот молчит. У тебя особенно.

— У меня рот — единственное, за что платили. Отберёшь — что останется?

— Спина.

Фавий вернулся от лазарета. Сначала посмотрел на ноги заключённой, потом на лицо.

— Куда её? В барак нельзя.

— В лазарет. Там крыша и ты. Сбежит — в опись тебя.

Конвойный дёрнул дверцу. Ключа не оказалось: остался у того, кого успела укусить пленница. Он уже собирался за ломом, когда Щепа присел перед замком.

— Не ломайте. Клетка ещё кому-нибудь пригодится.

Гвоздь вошёл в скважину. Щепа пошевелил им, наклонил голову, прислушиваясь, затем поднял защёлку. Дверца открылась. Сорока выбралась наружу, медленно расправляя спину.

— Я же говорил, — пробормотал Щепа.

— Что?

— Приговор.

Фавий показал женщине лазарет. Проходя мимо Владиса, она замедлила шаг.

— Твой писарь у Второго написал три строки. Я знаю, кто велел не писать четвёртую.

— Какую?

— О той, из-за которой меня сюда привезли. Не торопись, цыплёнок. Полотно, если осталось, убереги. Здесь ещё пригодится.

Она пошла босиком по раскисшей земле. Фавий держался рядом, готовый подхватить, но пока не касался её. Владис смотрел им вслед с котелком в руках. Женщина у шатра знала о его деле. Как — сказать не успела, а спросить при надзирателе он не решился.

* * *

В бараке Кенши встретил их полусидя, подложив под спину плащ.

— Говорят, железо на человека обменял. Плохой из тебя торговец, зоренковский.

— Не торговался.

— Заметно. Воду поставь справа.

Владис поставил. Со стороны лазарета донёсся высокий женский голос: Сорока ругалась на незнакомом языке. Кенши прислушался.

— Лысая эльфийка?

— Ты видел?

— Слышал. По-кланхарски ругается. Такие у нас письма между кварталами носили. И читали по дороге. Потом продавали тому, кто дороже даст. Иногда тому, кому нужнее. Не путай.

— Сказала, знает про моё дело.

— Всем говорит, что знает. Иногда правда. Это и страшно.

Вернулся Фавий. Увидел Владиса, подвинул свою миску, освобождая край нар.

— Тут сядет.

Владис остановился.

— Теперь не против?

— Сегодня ремень не бросил. Садись, пока ноги держат. И на трибунале хоть не врал. Многие бегут, потом целый день подвиги вспоминают.

Щепа подвинулся следом.

— Одно место на всех. Прошу по очереди заслуживать.

Из лазарета передали, что Бард уснул. Рану обработали, до утра тревожить не велели. Владис сказал, что зайдёт завтра. Фавий уточнил: после работ, и не толпиться у лекаря.

Владис убрал котелок под нары. В книге нашлось место для трёх имён. Фавий, Терен, Щепа. После этой дороги

хотелось знать о них больше, но сейчас все молчали, доедая, и он тоже не стал начинать разговор.

* * *

Орк перелистнул книгу. Гость успел заметить короткую черту возле имени Октавия и три записи на обороте.

— Видишь, как нажим изменился? После этой дороги руки у него ещё долго тряслись.

Он придвинул страницу ближе к свету. Буквы действительно шли неровно. Гость посмотрел, ничего не сказал, и старик вернул книгу к себе.

* * *

За дверью барака надзиратель уже распределял людей на завтрашнюю работу. Владис услышал своё имя и повернул голову.

— Здесь.

Глава VII. Без имени

— Тридцать восьмой.

— Здесь.

— Тридцать девятый.

Надзиратель подождал. Дождь стучал по листу, который караульный прикрывал краем плаща. В строю никто не ответил. Перо поставило короткую черту, и перекличка продолжилась. Владис вспомнил босую ступню, дверь вместо носилок и пустое место в книге. Имени Тридцать девятого он так и не узнал.

— Сороковой.

— Здесь, — отозвался Щепа.

— Сорок первый.

— Здесь.

Владис ответил прежде, чем поднял голову. За три недели номер стал привычным; собственное имя он слышал теперь по вечерам, от Кенши или Щепы. Во дворе на него уже не отзывались.

Фавий отозвался на Сорок второй. Перекличка шла дальше, вдоль мокрых людей, которые переступали с ноги на ногу и старались не показывать этого надзирателю. На Сто тринадцатый со стороны лазарета ответил женский голос. Уже никто не обернулся. Сорока оставалась в лагере, и даже тем, кто прежде разглядывал её при каждом появлении, хватало теперь собственных забот.

Владису опять назначили сток. Третий день подряд. Он перестал выяснять, относится ли это к недостаче железа или просто больше некуда отправить. Вода после каждого дождя приносила новую грязь, и вычищенное вчера приходилось раскапывать снова.

У ворот закричали. Всадник въехал, не дождавшись, пока створку отведут до конца. Конь задел ведро, оно покатилось по двору. Гонец остановился перед надзирателем.

Из-под края шлема виднелись коротко остриженные волосы и обветренная щека; гонец моргал, стряхивая с ресниц дождь.

— Центурион-надзиратель Третьего сборного, Сабин?

— Я.

— Два листа. Первый для оглашения. Второй под печатью. Прочесть при мне.

Строй оставили ждать. Надзиратель развернул первый приказ и начал тем же голосом, которым только что распределял работу:

— Волею Императора Сарицианиа, благословлённого взглядом Двоих. На реке Унго подписан мир с Орчьим Союзом сроком на пять лет. Граница по реке. Части отводятся на зимние квартиры. Слава Империи.

Дождь продолжал бить по навесу. Никто не закричал, не поднял рук. Владис ждал, что сейчас скажут что-то ещё: что делать им, когда разойдутся части, какие люди вернутся из лазаретов. Надзиратель свернул лист.

— Пять лет, — проговорили сзади. — А нас туда за что гнали?

— Чтоб было, что подписывать.

— Хоть кто-то выиграл, — сказал Щепа.

Владис поднял голову, ожидая конца приказа. О Девятой, которую отправили через Унго, не сказали ничего. Сабин спрятал лист.

Вторую печать надзиратель сломал молча. Прочёл, потянул ворот, снова посмотрел на первые строки.

— Кто подписал?

— Там написано.

— Я спрашиваю кто.

— Мне велено привезти вас. Не отвечать.

Надзиратель сложил приказ и убрал за ворот. Впервые за всё утро осмотрел людей, а не ведомость. Потом позвал Бруска из караулки, передал ему ключи и караул. Замена должна была прибыть с обозом через два дня. До тех пор наряды по списку, кладовую не открывать.

Бруск был коренаст, с широкими скулами, короткими тёмно-каштановыми волосами и бородой. Ключи легли в его большую кисть; карие глаза на мгновение задержались на надзирателе.

— А эти? — Бруск кивнул на строй.

— Эти по списку. Я сказал.

Уходя, надзиратель остановился возле Владиса.

— Ты тот, который испугался.

— Да.

— Запомни. За вами никто не придёт. Ни свои, ни чужие. Кто первым поймёт, тот и выживет.

Он говорил устало, без прежней угрозы. Забрался в седло и уехал с гонцом. Бруск отправил людей работать, а сам направился к караулке. Ведомость осталась под навесом. К вечеру косой дождь добрался до неё и размыл строки, по которым ещё утром распоряжались всем лагерем.

* * *

За сменой нарядов никто не пришёл. Люди вернулись сами, когда начало темнеть, и потребовали еду. Караул сидел на насыпи. На стук отвечали, что всё должно идти по распорядку, но выдавать хлеб никто не спустился. Щепа наконец открыл пайковый ларь.

Штрафник по прозвищу Хорь взял кусок, взвесил в ладони и убрал за пазуху.

Редевшие русые волосы не закрывали высокого лба. Над небольшими усами выдавался длинный нос; худой штрафник косился светло-серыми глазами на чужие руки у ларя.

— Считать буду я. Кто умеет считать, тот и делит.

— Ты в интендантстве насчитал так, что тебя сюда посчитали, — заметил Щепа.

— Ровно насчитал. Центурион съел. Рассказывал же.

Из соседнего барака пришли ещё люди. Сразу потребовали половину, потому что у них якобы больше работавших. Им ответили, что у частокола легче стоять, чем в канаве. Толкнули крышку, та придавила Хорю пальцы. Он взвыл и ударил ближайшего, не разбирая, кто виноват. Ларь качнулся. За хлебом потянулись сразу несколько рук.

— Убрали руки! Все!

Фавий встал поперёк прохода, упёрся в край ларя. Его толкнули плечом. Он удержался, но человек справа уже пытался пролезть мимо. Владис стоял у двери. Ни один не звал его, никто не рассчитывал на помощь Беглого. Несколько мгновений он смотрел на драку, ожидая, когда кто-нибудь распорядится, затем протиснулся к Фавию и встал слева. Справа уже оказался Щепа.

— О, Беглый. Теперь точно не тронут.

— Да заткнись ты, Щепа.

— С удовольствием.

Втроём они перекрыли проход. Ругательства продолжались, но лезть сразу на троих уже не захотели. Фавий разломил верхний кусок, сунул половину человеку, ударившему Хоря.

— Бери и жуй. Завтра в канаву полезешь, а мне тебя на себе таскать?

Тот принял хлеб. Следующему тоже дали. Хорь вытащил из-за пазухи свой кусок, посмотрел на Фавия и положил перед собой, чтобы было видно. Делили медленно, со спорами, но больше никто не пытался опрокинуть ларь. Владис стоял у его края до последнего куска. Когда закончили, руки болели так, словно снова держал носилки.

Ночью Терен долго не спал. Слушал сток за стеной, приподнимался, снова ложился. Потом сел окончательно.

— Идёт назад.

— Кто? — спросил Владис.

— Вода. Должна уходить к насыпи. Идёт от насыпи. Река выше стока.

Утром канавы уже не было видно. Двор заливала бурая вода, на ней плавали щепки и мусор. Сивая вышла из берегов. Люди поднимали вещи на нары, щупали сапогами знакомые места, пытаясь найти сухой проход.

Владис сошёл с крыльца и сразу провалился сапогом глубже, чем ожидал. Вчера здесь лежала доска. За ночь её унесло, и под водой открылась канава. Терен схватил его за локоть, помог выбраться.

— По стене держись. В середине не ходи.

У кухни двое вытаскивали мешок, упавший с порога. Рядом человек пытался поднять на плечо весь свой узел вместе с одеялом, мешая остальным выйти. Его оттолкнули, он выругался и полез обратно. Каждый прежде всего спасал то немногое, что сумел здесь сохранить. Владис тоже вернулся за книгой, обернул её тканью и убрал повыше. Щепа смотрел, как вода поднимается у нижней доски.

— Ещё ладонь, и сюда пойдёт.

— Мешками закрыть?

Терен покачал головой.

— К этому порогу прижмёшь, за другим выйдет. Ей уходить некуда. Пока русло не откроем, будет подниматься.

Владис снова посмотрел на лазарет. Кенши к тому времени тоже перевели туда, к остальным раненым. Крыльцо лазарета находилось ниже барачного, и вода уже переливалась через край. Изнутри кто-то звал Фавия. В проёме показался служитель, оглядел двор и вернулся к лежачим. Самостоятельно вынести их оттуда он не мог.

— Лазарет ниже всего, — сказал Терен. — Я мерил. К ночи там по пояс будет.

— Сколько лежачих?

— Одиннадцать. Твой эльф. Твой Бард.

— Они не мои.

— Тогда чьи?

Владис спрыгнул с порога. Дорога к караулке ещё оставалась проходимой. Он обошёл глубокое место, поднялся на край насыпи и застучал. Бруск открыл заслонку окошка, но дверь оставил запертой.

Владис объяснил: лазарет нужно освободить, людей перенести выше, прокопать сток к старому руслу. Лопаты, жерди и верёвка находятся в кладовой. Нужны ключи.

— Кладовую не открывать. Приказ.

— До воды был приказ.

— Был. Точка. Мне велено сторожить. Сторожу. Полезешь на насыпь — сниму стрелой. В ведомости будет «при попытке».

— Там одиннадцать человек.

— Одиннадцать номеров. Спишут, за них не спросят. За кладовую спросят.

Заслонка закрылась. Владис ещё постоял у двери, слушая смех внутри. Затем спустился. Возле угла его ждала

Сорока с ведром. Голые ноги стояли в грязи, подол намок до колен.

— Не откроет. Он не воды боится.

— А чего?

— Печати. На втором листе. Видела такую у Рациуса: под карту прятал, когда девок впускали. Не легатская. Больше. Бруск не знает чья. Знает, что больше. Хватает.

— Слышала, что написано?

— Слышала, как надзиратель сглотнул.

Она подняла ведро и пошла к лазарету. На пороге обернулась:

— Одиннадцать лежачих, цыплёнок. Одна не подниму. Фавий поднимет, но не всех.

* * *

У бараков собрались люди. Спорили, кто виноват, требовали, чтобы караул наконец вышел, ругали дождь. Фавий стоял уже с ремнями для переноски.

— Я лежачих выношу. Кто со мной?

Никто сразу не двинулся. Приказ оставаться на работах, запрет кладовой, арбалеты на насыпи — всё это никуда не исчезло. Фавий сплюнул и пошёл один. Терен сказал, что сток надо резать у старого русла. Без лопат можно руками, если найдётся достаточно людей. Потом сел поправить намокшую повязку.

— Замок открою, пока думаете, — сказал Щепа. — Только спросят потом с меня.

Владис перехватил Щепу за рукав. Тот остановился, приготовившись спорить, но Владис уже обращался к землемеру:

— Терен, старое русло. Возьми тех, кто у канавы стоял. Хорь, считай, кто пошёл.

Хорь выпрямился.

— Ты кто такой, чтобы...

— Никто. Сорок первый. Считай.

Он долго смотрел на Владиса, потом достал обломок угля.

— Щепа, кладовая. Лопаты, жерди, верёвка. Открывай. За замок отвечу я.

— Записал. Свидетелей полный барак.

— Кто может нести, к Фавию. Остальные щиты в воду. Держите проход, пока Терен не прорежет сток.

— Кто сказал? — спросили из толпы.

— Я. Другого приказа нет.

— Ты Беглый.

— Да. Знаешь лучше — говори. Не знаешь — помогай.

Первым сошёл в воду человек из дальнего барака. Следом второй. Фавий увидел их и сразу закричал, куда подходить, где брать ремень. Разговор оборвался работой. Щепа исчез у кладовой. Терен повёл людей к старому руслу, показывая дорогу палкой.

Из лазарета вышла Сорока. На её спине лежал человек, обхватив шею слабыми руками. Она несла, согнувшись, осторожно нащупывая босыми ногами землю. Перед ней расступились. Один из тех, кто только что спорил, подбежал и подхватил раненого снизу. Сорока не поблагодарила, только велела держать крепче.

— Проход у лазарета держать! — Владис повторил тем, кто оставался у барака. — Носилки понесут — расступайтесь!

Он вошёл следом за Фавием. Вода скрыла пол; между лежанками плавала обувь. У дальнего окна служитель пытался поднять мокрую подстилку вместе с человеком, но ткань провисала, и раненый сползал к краю. Фавий велел оставить постель и подвести носилки вплотную.

— Под плечи бери. Ты — таз держи. Владис, ноги. По счёту!

Они перенесли раненого на натянутое полотно. Тот вскрикнул, схватил Владиса за рукав и не отпускал, пока Фавий не разжал его пальцы.

— Нас держать не надо. За жердь. Вот сюда.

У двери носильщики остановились: рама не проходила наискось, а вода мешала переставить ноги. Владис потянул свой конец выше, заставляя второго отступить. Фавий ударил ладонью по жерди.

— Назад полшага! В проём прямо. Прямо, говорю!

Они сдали назад, развернули раму и вышли. Крыльцо оказалось под водой. Владис нащупал край сапогом и предупредил напарника, прежде чем сделать шаг. После вылазки он знал, как быстро один неверный поворот может вырвать ношу из чужих рук.

От лазарета до высокого края двора тянулась полоса мутной воды. Прямой путь пересекала канава; Терен ещё утром показал её Владису, когда помог выбраться. Теперь вдоль стены уже выставили щиты. Люди стояли за ними, упираясь плечами, и отводили основной напор от прохода. Вода всё равно текла между досками, но под ногами оставалась земля.

— Вдоль щитов! — крикнул Владис своему напарнику. — В середину не суйся!

На высоком месте у барака устраивали навес. Под него принесли доски и положили первого человека, которого вынесла Сорока. Хорь стоял рядом с обломком угля. Увидев новые носилки, он присел, коснулся раненого за плечо и поставил вторую черту.

— Двое здесь. Давайте следующих.

Владис вернулся в лазарет. Бард лежал у стены, подняв голову. Он успел услышать шум воды и теперь смотрел только на дверь.

— Вот тебя-то и жду. Фавий говорит, на руках понесут, а сам всех прочих...

— Сейчас тебя. Подвинь локоть.

— Локоть подвинуть могу. Остальное не спрашивай.

Служитель придержал ногу Барда, пока его перекладывали. Выйдя во двор, Владис снова повёл напарника вдоль щитов. На подъёме тот поскользнулся и упал на колено. Передний конец рамы пошёл вниз. Бард схватился за края ткани, Владис согнулся всем телом, удерживая ношу, и крикнул, чтобы помогли.

Фавий подбежал первым. Ухватил переднюю жердь, дал носильщику освободить ногу. Человек вскочил, хотел сразу тянуть вверх.

— Стой! — Владис сам остановил его. — Руки переставлю.

— Держу, — ответил Фавий. — Теперь поднимай.

До навеса они донесли Барда втроём. Хорь поставил следующую черту. Земляк задержал рукав Владиса, едва тот освободил руки.

— Кенши там.

— Знаю. Вернусь.

— Не забудь.

На обратном пути Владис остановил двух штрафников, тащивших из лазарета мокрые доски. Те объясняли, что людям нужно на чём-то лежать. Фавий обернулся из дверей:

— Людей сначала! Эти носилки сюда!

Доски бросили у стены. Один из мужчин подошёл к Владису, второй занял место у лежанки. Пока выносили следующего, служитель собирал ткань и подвешивал повыше всё, что ещё не промокло. Он не успевал уследить

за водой; опущенная на лавку лампа едва не опрокинулась, когда под неё ударило плавающим ведром. Сорока перехватила ручку и сунула лампу служителю в руки.

— Держи. Без света ты им ещё руки оторвёшь.

У выхода она сама подхватила раненого под плечи. Он мог опереться на её спину, но боялся спускаться с лежанки. Сорока велела ему смотреть на затылок впереди и ругалась так зло, что он наконец послушался. Владис помог устроить ноги; их тут же отвели в сторону, освобождая дорогу очередным носилкам.

Во дворе закричали. Один щит сдвинулся, вода хлынула в проход и ударила Владису по коленям. Он стоял без ноши и успел ухватиться за стойку крыльца. Двое, державшие преграду, пытались вернуть щит, но поток выворачивал доску из рук.

— Назад нести нельзя! — крикнул кто-то сверху.

Фавий остановил носилки в дверях. Владис хотел спуститься помогать у щитов, но услышал его команду:

— Здесь держи! Этот конец возьми!

Пришлось схватиться за жердь. Наверху Сорока уложила своего раненого и развернула освободившихся носильщиков к преграде. Трое навалились на доску вместе. Щит прижали к соседнему, подставили жердь, напор в проходе ослаб. Только тогда Фавий разрешил двигаться.

— По одному! Пока передние не вышли, следующих не пускать!

Владис донёс свою ношу и задержался возле Хоря. Тот уже не считал подходящих: каждый раз обходил лежавших под навесом и ставил отметку лишь после того, как человека укладывали на место.

— Восемь, — сообщил он. — Восемь здесь. Трое там. Спросишь Фавия, чтоб ещё раз проверил.

Владис передал счёт. Фавий показал две занятые лежанки и Кенши, который сидел, держась за оконную раму. Вода поднялась до нижнего края постелей. Эльф подтянул ноги и скривился.

— Я последний, слышал уже. Не радуйся, никуда не денусь.

Двоих вынесли на носилках. Фавий прошёл за ними до крыльца, крикнул Хорю пересчитать и вернулся к Кенши. Владис уже подставлял другу плечо.

— Ходячий, — сказал Фавий, помогая ему сесть на край.

— Сильно сказано.

— До двери попробуй. Дальше посмотрим.

Кенши встал. Взялся за плечо Владиса, шагнул, подтянул вторую ногу. На сухом полу он уже мог пройти несколько шагов; в воде стопа не находила опоры, живот сводило от каждого усилия. До порога добрались, но там он согнулся и обеими руками сжал повязку.

— Спину подставляй, — приказал Фавий Владису. — Руками обхватит. Под ноги я помогу.

Владис присел, чувствуя, как холодная вода забирается за пояс. Кенши налёг на него сверху, Фавий подхватил бёдра, помог подняться. Вес пришёлся на плечи. Эльф был легче Барда, однако его пальцы так сдавили горло, что Владис не сразу сумел выпрямиться.

— Не за шею! За плечи держись!

— Ещё пожалуйся. Первый раз тебя нести заставили?

— Держись уже.

Кенши ослабил хватку. Фавий пошёл рядом, поддерживая его сбоку. В проходе у щитов кто-то предложил сменить Владиса, но перекидывать раненого здесь было негде. Они поднялись ещё на несколько шагов. Подошва соскользнула; Фавий успел прижать Владиса к

щиту и дать найти опору. Кенши замолчал. Теперь Владис слышал у своего уха только короткие болезненные вдохи.

— До досок дойдём и снимем, — сказал Фавий. — Не останавливайся у края. Ещё два шага!

Кенши опустили на подготовленное место. Хорь присел рядом, сосчитал заново всех лежавших и громко объявил:

— Одиннадцать! Все здесь!

Владис сел прямо перед другом, всё ещё согнув спину. Кенши с трудом поднял ладонь и толкнул его в плечо.

— Один знакомый тоже когда-то понёс на себе слишком много.

— И что?

— Он умер.

— Я не он.

— Нет. Ты пока жив. Не расслабляйся.

Снизу всё ещё звали людей к щитам. Раненых вынесли, но вода продолжала подниматься; Терен с рабочими прорезал сток к старому руслу. В темноте оттуда было видно лишь движущиеся фонари. Щепа ходил между кладовой и канавой, приносил лопаты, собирал брошенную верёвку. Владис собрал свободных носильщиков и отправил к землемеру. Сам остался с Фавием укладывать перенесённых: кто-то сползал с досок, у кого-то промокла повязка, Бард требовал воды.

К полуночи со стороны стока закричали. Один за другим люди выбирались наверх, оттаскивая лопаты. Бурая вода хлынула в прорезанную канаву, подхватила щепки и понесла их к старому руслу. Владис видел, как у нижнего щита показался прежде скрытый край. Державший его человек выпрямился и тут же получил окрик Терена:

— Не бросать! По одному убирайте! Первый оставьте!

Люди передавали щиты наверх. Терен дошёл до барака, сел у стены и уже оттуда указывал, где ещё нужно

придержать поток. Щепа принялся возвращать инструмент. Владис помог ему собрать жерди, вытащил лопату у края промоины и принёс в кладовую.

— Все вернуть надо, — сказал Щепа. — Посчитают.

— Знаю.

— Утром тоже помни.

Владис уложил лопату к остальным. Замок лежал у порога целый: Щепа открыл его, не сломав. За работой Владис почти забыл про арбалет Бруска. Теперь он поднял голову к караулке. В окне ещё горел свет, однако никто не спускался.

Одиннадцать человек лежали под навесом. Фавий прошёл от одного к другому, проверяя повязки и дыхание. Все были живы.

* * *

Бруск появился под утро с арбалетом. За ним шли двое караульных с факелами. У открытой кладовой остановились. На пороге лежали мокрые жерди, возвращённые лопаты, верёвка.

— Кто открыл?

Никто не ответил. Люди знали, чьи пальцы работали у замка, но не смотрели на Щепу.

— Один или все — всё равно, сколько черт ставить. Кто?

— Я.

Бруск развернулся к Владису.

— Ты кто?

— Никто. Сорок первый.

Арбалет поднялся. Болт смотрел прямо в грудь. Владис почувствовал, как пересох рот, и всё-таки остался стоять.

— На колени. Замок вернуть. Инструмент вернуть. Потом разберёмся.

Ноги почти не держали после воды. Опуститься было бы легко, но Владис не двигался. Слева подошёл Фавий. Справа встал Щепа, всё ещё держа лопату. Следом Терен, Хорь, Сорока. Потом другие. Бруск переводил оружие с одного на другого, а лиц перед ним становилось больше.

— Все, значит.

— Инструмент вернули, — сказал Фавий. — Дверь от воды перекосило. Замок вот.

Щепа положил замок на порог. Целый. Бруск посмотрел на него, потом на караульных. Те стояли сзади и приближаться не спешили.

— Замена придёт. Он вас всех перепишет.

— Пусть, — ответил Владис.

Арбалет наконец опустился. Караул ушёл. Только тогда Владис оглянулся и увидел, сколько людей стоит рядом. Мокрые, злые, измотанные. Некоторые ещё вчера не хотели делить с ним лавку, а теперь не расходились, пока Бруск не скрылся на насыпи.

Позже Владис сел возле Кенши.

— Воду справа, — потребовал тот.

— Везде вода.

— Тогда сядь слева.

Некоторое время они молчали. Кенши рассматривал царапины на щите над головой.

— Знаешь, что сделал?

— Кладовую открыл.

— Повторил, что делать. Они пошли. Это хуже кладовой. За неё палкой бьют. За это вешают.

— Не хотел, чтобы в воде сдохли.

— Никто не хочет. Наш старший в Кланхаре пять лет не хотел. Потом на шею повесили целую революцию. Спроси, где теперь.

— Где?

— В имени улицы. Ложись спать, Сорок первый. Завтра обоз.

* * *

— Почему пошли? — спросил Гость. — У него звания не было.

— Каждый свою работу знал, — ответил Орк. — Терен, где копать. Фавий, как нести. Щепа, как достать лопаты. Владис их собрал и ответить согласился.

— Хватило?

— На ту ночь.

Орк перевернул страницу. Гость потянулся посмотреть запись, но старик указал на следующую строку.

— Караул отступил. Новое начальство ещё не приехало.

* * *

Обоз задержался на день. Впереди ехал офицер в чистом плаще, за ним два десятка легионеров. Их снаряжение на фоне штрафников выглядело почти новым. Людей выстроили посреди двора, где после воды ещё оставались полосы грязи на стенах.

— Центурион Тарквин. Назначен восстановить порядок в Третьем сборном.

Владис поднял голову. Голос узнал сразу. Площадь Зоренки, фургон, час на сборы. Перед ним стоял тот самый человек, только теперь говорил о порядке здесь, в месте, куда привела дорога из деревни.

У всадника остались прежние острые черты и небольшая тёмная бородка. Серые глаза скользнули по строю, как тогда по толпе на площади.

— Вы нас забирали. В Зоренке.

Тарквин остановился. Рассмотрел лицо, перевёл взгляд ниже.

— Владис. Перепёлки. Помню.

— Тогда рекрутером были.

— Теперь центурион. Производство и назначение в одном приказе. Перед отправкой сюда.

Тарквин показал печать и передал приказ Бруску. Владис заметил, как тот подался вперёд и выпрямился: прежний временный начальник снова стал подчинённым. Тарквин же продолжал смотреть на человека из Зоренки.

— Я доставил пополнение. Ты его покинул. Каждый получил по службе.

— Я вас тоже запомнил.

— Здесь достаточно номера. Бруск, доклад.

Тот перечислил наводнение, вскрытую кладовую, возвращённый инструмент. Замок цел, потерь нет. Тарквин повторил две последние фразы, словно проверял, действительно ли они относятся к одному делу, и пошёл вдоль строя. Остановился возле Сороки.

— Это что?

— Материал, центурион. По печати легата. Сто тринадцатый.

— Материал не имеет пола. С руками — на кухню. С языком — к столбу, если услышу.

Сорока молчала, разглядывая его плащ. Тарквин вернулся на середину.

— Кто открыл кладовую? Дважды не спрашиваю.

Владис вышел.

— Я.

— Номер.

— Сорок первый.

— Сорок первый открыл?

— Приказал открыть.

Центурион посмотрел внимательнее. Деревенский парень с перепёлками не вязался с человеком, который решил распоряжаться лагерем. Но ответ был произнесён при всех.

— Приказал. Материал приказал. Десять. У столба. Остальным смотреть.

Владиса отвели к столбу у караулки. Щепа шагнул из строя, но Фавий задержал его поперёк груди. Караульный развязал на Владисе ремень, спустил одежду с плеч. Мокрые рукава прилипли к запястьям; стянуть их через повязку на руке оказалось трудно. Караульный дёрнул сильнее, не слушая, и только потом завёл руки вокруг столба.

— Выше, — велел Тарквин.

Верёвку подтянули. Владис упёрся ногами в землю, чтобы не повиснуть на запястьях. Отсюда был виден строй: Щепа возле Фавия, Терен с палкой, Сорока чуть дальше. Бард и Кенши оставались под крышей. Их не привели к столбу; Владис успел этому обрадоваться, прежде чем караульный встал за его спиной.

Первый удар он почти не разобрал. Звук пришёл раньше боли, и на мгновение показалось, что ударили по дереву рядом. Второй обжёг спину. Владис отдёрнулся, верёвка врезалась в кожу, грудь ударилась о столб.

— Стоять ровно!

Он попытался вернуть ноги на прежнее место. Грязь скользила под пятками. Третий удар пришёл, пока он ещё переступал; Владис вскрикнул и сразу прикусил губу. Сзади велели не двигаться. Нужно было удерживать себя руками, но больное предплечье не выдерживало, и весь вес лёг на другое запястье.

Четыре. Пять. Между ударами проходило разное время. Владис ждал следующего, пока воздуха не оставалось,

выдыхал — и тогда ударяли снова. Он сбился, решил, что уже семь, потом испугался, что только четыре. В строю послышалось отчётливо:

— Шесть.

Голос был чужой, не Щепы. На следующем ударе к нему присоединились ещё несколько:

— Семь.

Караульный оглянулся. Тарквин оставался у края строя и ничего не сказал. Владис прижался лбом к столбу. Теперь можно было ждать чужого счёта, не пытаясь удержать числа самому.

— Восемь.

Колени подломились. Верёвка остановила падение, ободрала кожу на запястьях. Владис встал, упираясь носками сапог, и успел только втянуть воздух перед девятым ударом. Кто-то громко повторил число; ответили сразу с двух сторон.

После десятого караульный опустил руку. Владис всё ещё ждал, не веря, что можно перестать держаться. Верёвку ослабили, и он сел в грязь. Фавий оказался рядом прежде, чем ему велели подняться. Подставил плечо, перехватил руку так, чтобы не задеть старую рану.

— Ногу сюда. На меня обопрись.

Владис попробовал идти сам и едва не упал. Фавий обхватил его за пояс; с другой стороны подошёл Щепа.

— Материал понял, — сказал Тарквин. — Разойтись. Наряды по списку. Список новый.

До барака довели молча. Фавий велел лечь на живот, обработал спину тёмной мазью. От прикосновения жгло так, что Владис вцепился зубами в край подстилки. Снаружи снова распределяли работы. Жизнь лагеря продолжалась, как и после всего остального.

Щепа принёс воду, поставил возле головы. Владис хотел приподняться, но Фавий удержал плечо.

— Не сейчас. Дай закончить.

Он убирал кровь осторожно, хотя голос оставался резким. Владису хотелось попросить, чтобы перестал трогать спину совсем. Он уже открыл рот, но вместо просьбы спросил:

— Все одиннадцать?

— Все.

— Утром тоже?

Фавий остановился.

— Проверил перед построением. Кенши ругался, Бард спал. Остальные дышат. Лежи.

Владис опустил голову. Щепа помог ему сделать несколько глотков, придерживая кружку у самого рта. Он поперхнулся, закашлялся и тут же застонал: спину обожгло снова.

— Потише, — сказал замочник. — Вода никуда не убежит. Уже проверяли.

Он попытался улыбнуться Щепе, но получилось только выдохнуть сквозь зубы. Фавий закончил, прикрыл обработанную кожу и велел остальным не толпиться. На работу Владиса в этот день не подняли.

К вечеру он смог поесть, лёжа на боку. Миску Щепа поставил у самой подстилки. Из-за двери доносился голос Тарквина; новый центурион требовал отвечать громче и возвращал в строй тех, кто не успел отозваться.

К ночи он смог подвинуть книгу перед собой. Написал: «Сивая вышла. Одиннадцать живы. Кладовая». На большее рука не согласилась. Владис положил уголь и долго лежал, стараясь дышать так, чтобы кожа на спине не двигалась.

— Эй. Беглый.

Голос пришёл от соседних нар.

— Что?

— Тебя как звать? По-настоящему.

Он помедлил. Вопрос оказался неожиданно трудным после всех номеров, приказов и того, как Тарквин назвал его материалом.

— Владис.

— Владис. Ладно.

Имя повторили дальше. Без насмешки. Щепа объяснял кому-то, что место возле печи теперь занято, и назвал его тоже по имени. Владис закрыл книгу. Боль не прошла, но слушать барак стало легче. Под этот негромкий разговор он наконец уснул.

Глава VIII. Свои

— Сорок первый.

— Здесь.

— Здесь, центурион. Материал не разговаривает с офицером как с равным. Ещё раз.

— Здесь, центурион.

Тарквин перешёл к следующему. Перекличек стало три: на рассвете, в полдень и после работ. Он проверял каждый номер лично и начинал заново, если ответ казался недостаточно громким. К пятой неделе в Третьем Владис перестал различать дни по работе. Канава, дрова, переноска, построение. Вечера помнил лучше: оставалось несколько часов, когда можно было подойти к человеку без приказа.

Однажды Тарквин заметил чертёж на нарах Терена.

— Кто нарисовал? Землемер? Стереть. Материал не чертит. Материал копает.

Терен стёр. На следующий вечер Владис увидел, как он приподнимает тюфяк: новые линии находились теперь под ним. Землемер не показывал их всем подряд, но и прекращать работу не собирался.

Реестр Владис носил под одеждой. На обыске Тарквин пролистал его, вытряхнул карты, задержался над рисунком обозного дозора, который подарил Бард, и велел подобрать всё с земли. Забрать не стал. Вечером Владис разгладил помятый угол; Кенши объявил, что теперь узнает карту с оборота и играть станет ещё проще.

Костёр устроили за дальним бараком, укрыв от караулки. Хорь выдавал поленья по одному и царапал отметки на дощечке. Увидев Владиса, поднял её.

— Полено — чёрточка. Чёрточка — полкуска хлеба в четверг. Садишься?

— Нет у меня хлеба на четверг.

— У всех нет. Поэтому и чёрточки.

У огня сидел худой нескладный мальчишка с крупными кистями. Владис слышал его почти каждую ночь, но разговаривали они мало. Сейчас тот подвинулся, освобождая место.

Короткие светлые пряди у него стояли дыбом. Над тонкой шеей белело гладкое узкое лицо, а серо-голубые глаза следили за Владисом с осторожным любопытством.

— Ты который «туда»?

— Владис.

— Дрозд. То есть нет, но здесь так.

Щепа объяснил, что прозвище за песни. Настоящее имя Хорь будто бы не сумел записать. Тот возмутился: всё умеет, просто не захотел.

— Имя у меня простое, — сказал Дрозд. — Отец бумаги переписывал. За листок взяли, чужой, не его. Меня вместо него. Так и стоит: сын за отца.

Дрозд достал черепки для «Стали и костей» и разложил перед Владисом.

— На чёрточку сыграем? Я обычно проигрываю.

Хорь немедленно приготовил уголь. Первую партию Владис выиграл. На второй Щепа толкнул его локтем, показывая, как Хорь дописывает лишнюю черту, и Дрозд воспользовался промахом. Засмеялись все, кроме Хоря; тот потребовал сначала заплатить за поленья.

— За что ты здесь, я знаю, — сказал Хорь Владису. — За что я — не спросил. Невежливо.

— За что?

— Центурион съел четыре мешка. Записал четыре мешка. Он велел переписать. Переписал: четыре мешка, съел центурион. За почерк сижу.

— Врёт, — сказал Щепа.

— Половину. Какую, не скажу.

Щепа тоже рассказал о замке. За дверью сидела женщина, которую муж запирал по целой неделе. Замочник открыл. Муж оказался магистратом, а в приговор вошёл взлом чужого имущества. Владис посмотрел на его руки: те же пальцы подцепляли кружку в яме, открывали клетку, доставали полотно.

— Ещё бы открыл?

— Открыл. Медленнее только. Чтоб удовольствие получить.

Дрозд перестал переставлять черепки. Щепа попросил спеть, иначе Хорь всю ночь будет считать вслух. Мальчишка ответил, что по заказу не поёт. Поёт, когда страшно. Сейчас вроде не страшно.

Но вскоре всё-таки начал. Сначала тихо, потом увереннее. Песня была о дороге домой, в конце которой уже никого не осталось. Хорь убрал дощечку. Владис вспомнил Зоренку: там на такую песню кто-нибудь обязательно вставил бы шутку, сбил певца, заставил начинать заново. Здесь слушали до конца.

— За песню чёрточка, — объявил Хорь.

— Не за чёрточку пел.

— Всё равно записал. Мне спокойнее.

* * *

Терен приподнял тюфяк и показал Владису рисунок. Река, подходы, три отмеченных места. Это не было похоже на план барака.

— Унго, — сказал землемер. — Выше вашей переправы, на день пути. Два года назад мерил. Дно, течение, глубину. Нашёл три места, где обоз пройдёт.

Три черты и точка. Владис сразу узнал знак.

— На ящике со скобами такой.

— Фавий рассказал. Поэтому уголь достал. Скобы привезли перед боем. Перед тем, как орки напали. Империя готовила переправу два года, потом сказала, что защищается.

Владис сел ближе. Терен говорил негромко, не для всего барака.

— За Унго угля столько, на сто лет хватит. У нас каждую зиму топить нечем, там пласты лежат. Для этих обозов дорогу искал. Тогда о войне никто не говорил.

В памяти всплыл разговор караульных над ямой. Пустые телеги туда, гружёные обратно. Чёрное, руки не отмываются. Владис не стал перебивать. Землемер провёл углём по линии берега.

— Потом принесли другую карту. Промеры мои. Только броды назвали орочьими, будто готовили вторжение. Потребовали подпись автора. Отказался. Вот и здесь.

— Кто-то подписал?

— Подписали. Имени не показали. Печать знаю: не легатская. Печати Первого и Второго видел. Эта выше. Сената.

Владис вспомнил всадника на площади, слова указа. Терен стёр часть линии ладонью.

— Не знаю, что с этим делать. Но если скажут, будто не готовились, ты уже слышал. Давно готовились. Людей на нужный берег почему-то не прислали.

— Зачем мне рассказал?

— Ночью сказал людям куда идти. Послушали. Значит, ещё раз послушают. Лучше заранее знай, какие приказы пишут.

— Покажи ещё раз, — попросил Владис. — Вот этот брод. Почему именно здесь?

Терен провёл пальцем по берегу.

— Дно держит. Ниже мельче, зато после дождя размывает. Смотри: глубины мои. Проверишь на месте — сойдутся. Только подпись теперь такая, будто отсюда орки к нам идут.

— Твой путь обозам показали как их путь для нападения.

— Вот именно. Чтобы видели настоящую работу и верили остальному.

У двери послышались шаги. Терен опустил тюфяк, Владис поднялся, взяв оставленную возле нар миску. Вошедший караульный велел освободить проход и провёл за собой людей на вечернюю поверку.

После поверки Владис нашёл Фавия у печи за перевязками и присел помогать.

— Ты за что сюда попал, Фавий?

Фавий снял полосу с края котла и подал Владису.

— Держи с концов. Не сжимай.

Владис послушался. Фавий расправил середину и только тогда ответил:

— Серые холмы, два года назад. При отходе приказали оставить лежачих. Не оставил. Двоих нёс, третьего вёл. Через сутки после части пришёл.

Он расправил полосу над паром.

— В деле самовольное оставление позиции. Та же статья. Ты бежал от строя. Я за ним. Бумага разницы не видит.

Владис сжал горячую ткань и сразу переложил, обжёгшись. Фавий заметил, но не прервал рассказ.

— Те двое?

— Один жив. Другого до лекаря донёс. У лекаря умер. Лучше, чем в поле. Так решил, за это судили.

Владис перехватил ткань за сухой конец.

— Потому бегущих и не люблю. Не за трусость. Из-за них моя статья так же звучит.

Фавий снял следующую полосу. Владис поторопился освободить ему место, развесив первую на жерди.

— Я тогда не знал, — сказал он.

— Не знал.

— Про твоё дело.

Фавий посмотрел прямо.

— А мне про твоё бумагу прочли. Вышло, что оба всё друг о друге узнали.

Владис открыл рот и снова закрыл. Рассказывать теперь, как пытался поднять центуриона, было поздно; Фавий говорил о своём деле, а не просил его оправдываться.

— На посту ты ремень держал, — добавил он. — В воде тоже. Это я сам видел. Бумагу про такое читать не надо.

Владис принял у него последнюю полосу. Закончив, они развесили перевязки у печи. Фавий оставил их открыто: к утру они должны были высохнуть.

* * *

Щепа устроился у щели в частоколе, откуда видел дорогу. Когда Владис подошёл, замочник прислушивался к далёкому скрипу колёс.

— Обоз в четверг. Возчик мой. За три чёрточки Хоря передаст что хочешь до перевала. Дальше как повезёт.

— Что передают?

— Письма. Куда материалу писать, кроме дома? Ты умеешь, видел.

Владис коснулся ленты под одеждой. Письмо следовало написать давно. Теперь нашёлся человек, который мог его увезти, и откладывать стало труднее.

Писал Сильвии. Вырвал чистую страницу из конца реестра, разгладил, долго смотрел на пустое место. Первое предложение вышло слишком официальным, как у писаря, и он зачеркнул. Второе — слишком лёгким, будто отправился продавать птиц и задержался на дороге.

Наконец осталось простое: он жив. Служит уже не в Девятой. Где именно, лучше пока не спрашивать. Про Октавия пришлось написать отдельно. Друг погиб у Унго. Владис был рядом. Он остановился над этими словами, вспоминая разговор с Бардом. Добавить всё остальное в письмо не смог.

Про перепёлок написал в конце. Просил беречь Бабеткис и не отдавать ей весь корм, как бы ни кричала. Лента с ним. Хотел написать, что вернёт лично, но рука задержалась. Он перечитал письмо от начала и понял, что про птиц получилось подробнее, чем про себя.

Он уже собирался сложить лист, но перечитал и зачеркнул фразу, из которой выходило, будто у него всё хорошо. Оставил только, что жив и пишет сам. Ещё попросил передать матери Октавия весть о сыне. После этих слов долго не решался коснуться бумаги: представил, как Сильвия понесёт письмо в знакомый дом.

Владис сложил страницу, оставив обещание возвращения ненаписанным.

Щепа принял письмо осторожнее, чем принимал многие ценные вещи.

— Три чёрточки. Водой отработаешь. Хорю скажу.

— Скажи.

На следующий день Владис увидел, как возчик принимает свёрнутый лист. Щепа что-то объяснял,

показывал направление дороги, дождался кивка. Письмо исчезло под одеждой чужого человека. Владис ещё некоторое время смотрел на телегу, словно мог по её движению понять, дойдёт ли оно до Зоренки.

Когда телега скрылась за воротами, Хорь показал Владису три свежие чёрточки. Тот взял ведро и пошёл отрабатывать передачу письма.

* * *

В лазарете Кенши уже мог сидеть подольше. Увидев карты, сразу объявил, что только отсутствие денег уберегло их от проигрыша. Дрозд просил научить, и теперь проигравший должен был объяснять мальчишке правила.

— Меня тоже, — сказал Бард. — Лежу как мешок, слушаю, как эльф ругается.

— Комментирую.

Перед игрой Бард задержал Владиса.

— Про знак Терена знаешь?

— На ящике?

— Раньше поста видел. В обозе. За неделю до боя такие ящики к реке возили. Говорили, укреплять берег. Наш берег.

— Это я запомню, — сказал Владис.

Бард придержал его руку над колодой.

— Не перепутай. До боя. Потом-то кто чего возил — не видел.

Кенши велел перестать шептаться и играть. Владис проиграл, заслужив несколько замечаний о привычке сразу выкладывать всё сильное. Когда пришёл Дрозд, пришлось объяснять ему самому. Двенадцать базовых карт, шесть держав. Мальчишка разложил рисунки веером и сразу спросил:

— Почему орки с Империей вместе? Воюют же.

— Колода — это Материк, — ответил Кенши. — Он не спрашивает, кто с кем воюет. Лежит и ждёт, когда передерутся и за один стол сядут.

— Сам придумал?

— Правило. Только выучил.

Дрозд спросил про эльфов. Кенши рассказал о Кланхаре: пятнадцать лет назад выбили право на имя, Совет поставил печати, Империя забрала приграничные земли за долги. Этой весной пришёл новый указ о призыве и на те улицы. Сам он давно ходит за приказами, а мальчишки оттуда первый год. Чернила ещё мокрые.

Владис задержал орочью карту в руке. Кенши щёлкнул пальцами по её краю: ходить пора. Бард тут же потребовал показать, почему его карта опять проиграла, и эльф развернул колоду к обоим ученикам.

Дрозд сначала держал карты так широко, что соседям было видно половину руки. Владис показал, как собрать плотнее. На следующий ход мальчишка спрятал их почти у самого лица, долго выбирал, затем положил карту и вопросительно посмотрел на Кенши.

— На него смотри, — сказал эльф, указывая на Владиса. — Я уже сыграл. Сейчас он тебе проигрывает.

— Не проигрываю ещё.

— Пока говоришь, он научиться успевает.

Бард засмеялся. Владис действительно отдал следующий раунд, потом попытался вернуть преимущество и снова поторопился. Дрозд считал выигранное пальцами, не веря, что у него получается. Когда партия закончилась, переспросил, точно ли победил.

— У тебя? Правда?

— У него, — подтвердил Кенши. — Не радуйся. Играет как крестьянин: всё сразу на стол.

— Ещё раз, — потребовал Владис.

Дрозд торжественно начал сдавать заново, но в дверях появился Фавий. Он велел раненым отдыхать, а здоровым убираться и напомнил, что живот Кенши не заживает от количества учеников. Эльф крикнул вслед Дрозду, чтобы тот запомнил свои карты: на следующей партии будет объяснять, почему выиграл.

Вечером Фавий обнаружил пропажу четырёх полос полотна. Он не прятал перевязки от своих, и потому злился особенно сильно. Хорь быстро нашёл след: у дальнего барака человек скрывал ногу, обмотанную слишком чистой тканью.

Владис застал его возле частокола. Тот дрался с Хорем у хлебного ларя. Теперь сидел, натянув штанину на повязку. Кожа возле раны чернела.

— Фавию скажешь, в лазарет сдаст. Тарквину — столб. Выбирай, хорошо получается.

— Никого не сдам. Фавий сюда придёт. Полотно отработаешь.

— С чего придёт?

— Попрошу.

Фавий пришёл. Выругался так, что даже Щепа, подошедший посмотреть, не стал вставлять шутку. Пришлось снимать и старую грязную повязку, и украденную поверх неё, промывать, переделывать. Человек терпел, сжимая доску, но отодвинуть ногу не решался.

— Думал, сверху чистым закроешь — внутри тоже чисто станет?

— Думал, до вечера хватит.

— До какого вечера? Вчерашнего?

Штрафник закрыл лицо ладонями. Фавий потребовал показать, где болит, и тот, выругавшись, ткнул пальцем выше повязки. Пришлось промывать ещё раз. Владис

придерживал ногу, пока Фавий работал; украденные полосы Щепа складывал отдельно, чтобы выстирать пригодные.

— Четыре чёрточки Хорю, — сказал Фавий. — Завтра покажешься. Не придёшь, притащу. Пока ногу сохранить можно. Дальше так прятать будешь — нечего станет.

На следующий день тот сам пришёл к Фавию. Владис увидел его в проходе с поднятой штаниной; Фавий места не освободил, но велел сесть и ждать.

* * *

Сорока чистила репу у кухни. Нож двигался быстро, отходы падали в отдельную миску. Владис остановился рядом, не зная, как начать разговор о четвёртой строке. Она сама подняла глаза.

— Десятая? Щепа рассказал, что на трибунале спрашивал. Дорого. Ладно, тебе в долг.

Она говорила, продолжая работать, будто обсуждала, сколько ещё овощей нужно почистить.

— Её не посылали. Приказ из столицы, из Драевиля, за два дня до боя. Девятую на переправу. Десятую в резерв до особого. Рациус вслух прочёл, один раз. Сжёг. Я за пологом кувшин держала.

— Кто прислал?

— Та печать. Как на втором листе надзирателю. Больше легатской.

— Сенат.

Сорока посмотрела внимательнее.

— Учишься. При Тарквине не произноси. Тоже знает, боится больше тебя.

Владис присел на край скамьи. Рациус знал, что Десятая не придёт. И всё же сказал ему у шатра, что они идут ей на

помощь. Теперь вспоминалась каждая подробность разговора, спокойный голос, блестевший панцирь. Сорока не торопила.

— За это ты здесь?

— Одному центуриону сказала. Он другому передал. Дошло до легата. Дальше никто не передавал. Меня в клетку. Рассказ вверх, человек вниз.

— Конвойного укусила?

— На руку сапогом встал. Укусила. Не жалею.

Она взяла следующую репу. Владис спросил, почему верит, что он не побежит пересказывать первому встречному. Сорока усмехнулась: потому что его уже судили за то, что он сделал, теперь есть возможность подумать прежде, чем откроет рот.

— Тебя как по-настоящему зовут?

— Сорока. Здесь другого имени не услышишь. Хоть что-то должно остаться у меня, книжник.

— Откуда про книгу?

— Лампа у щели. Щель на кухню смотрит. Ты пишешь. Очень сложное расследование.

В другой вечер она заговорила о том, что слышно возле котлов. Приказы Первому проходят через столицу, там каждую строку вычищают прежде, чем ставить печать. Кому-то наверху берегут безупречную бумагу, пока штрафнику хватает трёх строк приговора. У Межи Феодалы передвигают столбы, по ночам. Возчик видел зелёное знамя со львом. Паладины в молитвах ждут, когда Бог откроет второй глаз.

— Возчик сам льва видел? — уточнил Владис.

— Возчик видел. Я слышала. Про Паладинов вообще у котлов болтают. Ты хоть это разделяй, книжник.

Она поставила перед ним пустой котёл.

Когда кухня опустела, он помог отнести его на место. Сорока вымыла руки, остановилась рядом.

— Пишешь имена. Зачем?

— Чтобы были.

— Моего нет.

— Не сказала.

— Не скажу. Мне нужен кто-то, кому не всё равно, кто что сказал. Здесь таких ты и Фавий. Он не торгуется. Ты не умеешь. Значит, ты.

— Предложение?

— Рассказываю, слушаешь, запоминаешь. Пока так. Остальное решай сам.

Она подошла ближе. Владис посмотрел на неё. Сорока не улыбалась и не торопила его. Он протянул руку, но остановился, оставляя ей возможность передумать. Она сама накрыла его пальцы ладонью.

Он наклонился и поцеловал её. Сначала Сорока не двигалась, словно проверяла, не последует ли за этим требование или насмешка. Потом ответила на поцелуй и притянула его ближе.

Остывшие котлы остались у стены. В бараке за тонкими досками кто-то перевернулся на жёстких нарах, и оба на миг замерли, прислушиваясь. Никто не позвал их. Никто не пришёл.

Они не говорили о завтрашнем дне и не обещали друг другу того, чего не могли обещать. Этой ночью им хватило близости и короткой передышки от лагеря, где каждое прикосновение обычно означало приказ, помощь или удар.

Позже Сорока лежала рядом и смотрела в темноту над собой. Владис различал только бледный овал её лица.

— Хорю за это ничего не должен, — сказала она. — Ты спросил моё имя и не полез с кулаками, когда я отказалась говорить. Здесь такое редко бывает.

— Здесь бьют за это?

— Здесь бьют за всё. Спи, книжник. Завтра перекличка, и Тарквин считает, кто где ночевал.

На выходе она окликнула его уже другим, деловым голосом:

— Тарквин рапорты заранее пишет. Воду носила, видела. На листе «материал», дальше место. «Дрогнул» или «выстоял» потом впишет. Уже решил.

— Откуда знаешь, какое?

— У кладовой все выжили. К столбу кого привязал? Бруска или тебя? Подумай.

* * *

За песню после отбоя Тарквин продержал лагерь под дождём два часа. Дрозда поставили впереди. Мальчишка стоял с опущенной головой, слушал, как центурион объясняет порядок, а ночью запел снова. Тише, но тем же напевом.

Кенши вернулся в барак сам. Шёл медленно, с плащом на плече, стараясь не показывать, сколько сил отнимает дорога от лазарета. Терен освободил приготовленное место. Эльф лёг осторожно, дождался, пока утихнет боль.

— Там сыро. Здесь тоже, зато воняет по-другому. Воду справа.

Владис поставил кружку. Позже пришёл Бард на палке. Сел рядом, заглянул в раскрытую книгу и не стал спрашивать о записях.

— Октавий бы с этим эльфом сцепился в первый день.

— Проиграл бы, — сказал Кенши.

— Проиграл. И играл дальше, пока не отыграется. Такой был.

— На последние деньги не стал бы, — возразил Владис. — Сперва оставил бы на еду.

Бард засмеялся и вспомнил три буханки, которые Октавий тащил из дома.

— Значит, умнее тебя играл, — заключил Кенши. — Ты бы ещё и хлеб поставил.

Владис возмутился, Бард начал вспоминать прошлую партию, а эльф тут же потребовал колоду, чтобы проверить. Впервые об Октавии удалось поговорить, не возвращаясь к тому месту, где он погиб.

На третий из этих вечеров Хорь сам подбросил полено, без дощечки. Щепа спросил, не заболел ли.

— Заболел. Возчик новости привёз. С орками мир, на западе война. Феодалы у Межи ударили. Первый пошёл гнать, его погнали обратно. Отходит через Костяной брод на Ольхе.

Терен поднял голову.

— Мой брод. За год до Унго мерил. Три черты и точка.

— Значит, нас туда, — сказал Щепа. — Материал на переправу, Первый по переправе.

— Их легион. Нас сто человек и Тарквин. Четыре дня марша.

У костра замолчали. Дрозд спросил, спеть ли.

— Страшно? — уточнил Хорь.

— Да.

— Тогда пой.

Бард узнал песню, сказал, что в Зоренке на проводах пели с другим концом. Дрозд предложил подхватить свой. Кенши слушал с порога, завернувшись в плащ. Фавий сначала оставался у печи, потом вышел и сел неподалёку. Сорока устроилась у кухонного навеса спиной к огню, но до конца не ушла. Когда песня стихла, подняла ладонь. Владис ответил. Хорь заметил и промолчал.

* * *

Гость указал на строку в книге.

— Здесь черта. Имя зачёркнуто?

— Рядом, — поправил Орк. — Он оставлял имя.

Старик подвинул страницу. Теперь было видно: короткая отметка не касалась букв. Гость прочёл, сколько смог разобрать при свете лампы, и отнял руку. Орк продолжил с приказа, который утром прочли Третьему.

* * *

Тарквин развернул лист перед строем. Феодалы нарушили границу у Межи. Первый отходит через Костяной брод. Третий переводится на запад, занимает переправу и держит до последней телеги. Только после этого отходит сам.

— Прикрытие? — спросил Фавий.

— Материал вопросов не задаёт. Прикрытие — я и караул. На нашем берегу, с обозом. Оттуда лучше видно.

Владис переглянулся с Фавием. Оба поняли, кто будет стоять в воде, а кто смотреть с берега.

— Сто тринадцатый с обозом. Котлы, вода. Выход на рассвете. Оружие из кладовой, щиты свои. Кто дойдёт до брода, тот и легион. Разойтись.

В бараке проверяли ремни и щиты. Фавий осматривал крепления, Терен пытался устроить вещи так, чтобы не давили на больную ногу. Щепа ругался на выданное оружие, однако выбирал внимательно, пробовал, как держится рукоять. Дрозд спросил, тяжело ли идти четыре дня. Хорь ответил, что тяжело будет на пятый, и получил от Фавия такой взгляд, что больше не продолжал.

Владис поставил свой щит к нарам, снял ремень, переставил пряжку. Теперь знал, где натрёт прежде всего.

Книгу завернул в ткань, но снова вынул, пока ещё оставался свет.

Перед сном Владис открыл чистую страницу и переписал имена тех, с кем шёл к броду: Кенши, Фавий, Терен, Щепа, Бард, Хорь, Дрозд. Некоторые уже встречались на предыдущих листах. Здесь он собрал их рядом, а ниже вывел: «Сорока». Под прозвищем оставил пустую строку. Настоящего имени она не дала, и придумывать за неё он не собирался.

Книгу убрал под голову. За стеной готовили телеги. До рассвета Владис так и не уснул.

Глава IX. Легат штрафников

На четвёртый день перехода караульные остановили Третий над долиной Ольхи. Сто двенадцать штрафников теснились на дороге, придерживая щиты и мешки; задние ещё поднимались по склону и напирали на тех, кто уже встал. Внизу Тарквин выбирал место для обоза. Центурион проехал вдоль высокого берега, нашёл сухую площадку и указал туда плетью. Штрафникам предстояло перейти реку и прикрыть отступление Первого легиона. Для этого их и привели на Межу — спорную полосу между Империей и Королевством Феодалов.

Владис опустил щит и переложил ремень на другое плечо. Дрозд рядом с ним сделал то же самое, только прислонять щит к земле не стал. Обнял его обеими руками, прижав к животу. Последние два дня мальчишка почти не пел, и от этого дорога казалась непривычной даже тем, кто прежде просил его заткнуться.

— Костяной, — сказал Терен, приблизившись к ним. — Вон там. Где вода светлее.

Владис посмотрел в указанную сторону. Через реку тянулась неровная полоса, похожая издали на затопленную дорогу. Справа от неё вода стояла спокойнее, зато у противоположного берега торчали увязшие в иле ветки.

— Камень слева. Три шага ширины, местами меньше, — продолжал землемер. — Я здесь мерил. Лошадь туда поведут, где твёрдо. Если прижмут — правее не уходите. Там только кажется, что мелко.

— Тарквину говорил?

Терен повернулся к нему всем корпусом.

— Я тебе говорю.

Терен нашёл спуск и принялся расталкивать стоявших впереди: нужно было вести людей по одному, иначе передние полетят в реку вместе с щитами. Владис поднял руку, останавливая задних. Землемер распоряжался так уверенно, что караульный, собиравшийся его одёрнуть, сперва сам заглянул вниз.

Кенши в нескольких шагах позади вытряхнул стрелы на расстеленный край плаща. Разложил, проверил наконечники и принялся собирать обратно. Лук ему выдали под расписку Фавия. На просьбу выдать больше стрел ответили, что и двадцать для штрафного достаточно.

— Если пересчитать в третий раз, прибавится? — спросил Щепа.

— Ты мне мешаешь надеяться.

— У караула попроси.

— Я просил. Сказали, беречь имущество Империи. Придётся феодалам заранее объяснять, чтобы возвращали.

Несколько человек засмеялись. Дрозд только поднял голову.

— Они большие? Эти, на конях?

Кенши убрал последнюю стрелу и затянул пояс.

— Кони большие. Сами разные. Латы у них хорошие, мечи длинные. Увидишь зелёное знамя — лучше щитом любуйся.

— А Первый успеет?

На этот раз Дрозд смотрел на Владиса. Тот уже слышал, что им предстоит пропускать отступающих, а не идти в наступление. И знал ещё кое-что: если бы дело было простым, вряд ли за ним послали бы Третий.

— Успеет.

— До темноты?

— Если до темноты не успеет, будем держать в темноте.

Дрозд наконец поставил щит и расправил затёкшие пальцы.

— Ладно.

Тарквин поднялся к колонне и, не слезая с коня, объявил порядок перехода. На дальнем берегу — полукруг, середину оставить для телег, без приказа позиций не покидать. На вопрос, кто пойдёт вместе с ними, центурион показал на караульных: те оставались у обоза и должны были передавать его сигналы. Сам он собирался руководить с ближнего берега.

Владис первым шагнул в воду. Холод сразу стянул ноги. На середине пришлось выставить руку, удерживая равновесие, и Терен взял его за локоть.

— Здесь левее. Запомни этот камень. Обратно пойдём — он под водой будет.

Обратно. Владис посмотрел на тёмную поверхность и постарался запомнить выступ берега напротив. Вода скрывала почти всё, что могло понадобиться при отходе.

* * *

Первый появился спустя час. Сначала несколько пеших, затем телега с перевязанными людьми, потом ещё одна. Колёса медленно входили в реку, за ними шли солдаты, держась за борта. Кто-то хромал, кто-то помогал товарищу, а один раненый всё время просил остановиться, хотя возчик даже не поворачивал головы. Останавливаться здесь было нельзя.

Офицер в добротном плаще придержал коня перед Третьим. Сверху осмотрел щиты, лица, номерные нашивки. Взгляд задержался на бинтах Кенши и на босой ноге одного из стоявших рядом штрафников.

— Кто держит?

— Третий, — ответил Фавий.

— Третий — это штрафной?

— Третий — это Третий.

Офицер помолчал. По его лицу было видно, что ответ ему не понравился, однако спорить он не стал. Соскочил с коня, отдал повод проходящему солдату и подошёл ближе.

— За нами конница. Зелёные. Держите до последней телеги.

— Сколько ещё? — спросил Владис.

Офицер обернулся к дороге. Из тумана уже выезжала новая упряжка, но за ней пока ничего нельзя было различить.

— Увидите последнюю — скажу.

Он ушёл помогать спускать телегу. Владис посмотрел на ближний берег. Тарквин разговаривал с караульным, показывая плетью вдоль реки. До штрафников долетали только отдельные слова. Вскоре прибежал посыльный: растянуть строй, перекрыть всё мелководье, не подпускать противника к воде.

Терен медленно покачал головой.

— Справа провалятся.

Владис шагнул туда сам. Под тонким слоем воды нога сразу ушла по щиколотку, а когда он попытался перенести вес, сапог потянуло глубже. Он выдернул его, оставив мутную яму. С другого берега Тарквин продолжал показывать плетью.

— Щиты на камень, — сказал Владис.

Ближайшие повернулись к нему.

— На камень! Сомкнуть! Не лезьте в ил, слышали?!

Фавий повторил команду дальше. Щиты начали сдвигаться, скребя краями, и полукруг превратился в короткую плотную стену. Второй ряд подошёл почти вплотную. Копья высунули между плечами передних,

направив на склон. Терен прошёл вдоль строя и поправил двоих, у которых ноги стояли слишком близко к краю.

— Правильно, — сказал он Владису.

— Когда будет неправильно, тоже скажи.

Звук рогов прокатился над рекой раньше, чем показались всадники. Высокий, протяжный, совсем непохожий на то, что Владис слышал у Унго. Так могли звать гостей на большой праздник. Только люди впереди сразу подались за щиты, и офицер Первого, стоявший у очередной телеги, резко обернулся.

На холме поднялось зелёное знамя. Золотой лев выгнулся на ветру, расправив лапы. Под ним один за другим выходили закованные в железо всадники. Они не торопились, выравниваясь у вершины. Владис видел, как передние поворачивают головы, проверяя соседей. Эти люди собирались ударить по ним так же спокойно, как штрафники недавно собирались копать канаву.

— Не смотрите на знамя! — крикнул Фавий. — Перед собой смотрите!

Рога оборвались. Конница пошла вниз.

Сначала слышно было только железо. Затем загрохотали копыта, и вода возле сапог покрылась мелкой дрожью. Владис упёр щит, выставил меч и почувствовал, как ему в спину прижалось чужое плечо. Дрозд стоял немного правее, во втором ряду. Его рта теперь не было видно за деревом.

— Копья ниже! Ниже, я сказал!

Перед копьями первые всадники натянули поводья. Клин смялся, задние напёрли на передних; кони вздыбились, забили копытами в щиты. Владис присел, закрывая голову, и ощутил удар всей левой стороной. Чужой меч соскочил с окованного края, прошёл возле щеки. Сосед подставил своё дерево, не давая всаднику

ударить вторично, а из-за плеча Владиса выдвинулось копьё. Наконечник упёрся в нагрудник рыцаря и скользнул по металлу.

— Ниже! В коня! — надорвался Фавий.

Копейщик перевёл древко. Всадник отдёрнул повод, спасая лошадь, и освободил место следующему. Тот ударил уже наискось, рассчитывая достать над склонившимися головами. Удар — ещё удар! Дерево трещало, вдавливалось в плечи. За передним рядом кто-то пронзительно вскрикнул. Дрозд отпрянул, но Фавий схватил его за пояс и подтолкнул обратно.

— К спине прижмись! Не давай ему упасть!

Владис ощутил за собой мальчишку. Теперь, когда щит снова повело вниз, Дрозд удержал его вместе с ним. Перед глазами метались ноги коней, под сапогами вода смешивалась с кровью. Поворачивать голову было нельзя: рыцари выискивали именно такие мгновения.

— Держать! Копья вперёд!

Владис увидел лицо всадника под поднятым краем шлема. Тот смотрел не на него, а поверх головы, выбирая, куда достать длинным мечом. Владис ударил снизу. Лезвие скользнуло по металлу, не причинив вреда, зато рыцарь отдёрнул руку. Между щитами тут же вышло копьё. Конь попятился, и на его место полез другой.

Справа всадники попытались обойти щиты. Первый конь вошёл в ил, оступился и повернулся боком; следующий налетел на него, едва не выбросив седока. Терен поднял руку, показывая опасный край.

— За ними не лезть! Увязнут — пусть сидят! Стой на камне!

Несколько штрафников уже подались туда с копьями, обрадовавшись лёгкой добыче. Владис загнал их обратно. Стоило разомкнуть этот край — рыцари на твёрдом дне

ударили бы сбоку. Строй удержался, хотя теперь передние стояли почти в воде: первый натиск продавил их от берега на несколько шагов.

Кенши стоял у края, где мог видеть поверх плеч. Лук разгибался в его руках коротко и резко. Эльф выпускал стрелу, опускал голову за щит соседа, доставал следующую.

— Восемнадцать! Не стой под рукой! Семнадцать!

Всадники начали отступать, освобождая друг другу дорогу к холму. Двое задержались перед Третьим, ещё доставая поверх щитов; Кенши натянул лук, и один из них резко завалился набок. Второй потянулся поддержать, затем бросил товарища и увёл коня. Только тогда между стройной стеной и рыцарями появилось свободное место. В воде остался конь без всадника. Переступал возле упавшего тела и не давал приблизиться никому из своих.

— Не расходиться! — Фавий перехватил за ворот человека, потянувшегося к реке. — Раненых назад. Остальным стоять!

Дрозд пел. Очень тихо, почти без голоса. Владис услышал знакомую строку и повернул голову, но мальчишка не заметил. Смотрел прямо перед собой, шевеля губами. Никто не требовал от него замолчать.

* * *

С ближнего берега прозвучали два коротких сигнала. Караульные возле обоза задвигались, освобождая место на телегах. Один побежал вдоль воды, подбирая тех, кто ещё оставался у спуска.

— Отход, — сказал Фавий.

Владис не сразу понял.

— Первый ещё здесь.

— Караулу. Не нам.

Тарквин уже сидел в седле. Он что-то приказал возчику, потом повернул коня к дороге. Плащ качнулся за спиной, закрывая седельные сумки. Ни на штрафников, ни на реку центурион не посмотрел.

Владис смотрел. Не мог отвести глаз, хотя следовало следить за холмом. Он слишком хорошо помнил, как сам бежал от Унго, не разбирая дороги, думая только о том, чтобы чужой клинок не достал до спины. Но он не ставил тогда этих людей между собой и конницей. Не отдавал им приказ держать.

С последней телеги вдруг спрыгнула Сорока. Вода брызнула ей до пояса. Прижав к груди котёл, она пошла обратно, навстречу уходящим. Кто-то схватил её за плечо, но она вывернулась и продолжила идти.

— Ей-то куда! — выругался Щепа.

Сорока не слышала. Или не захотела услышать.

Посреди реки застряла последняя телега Первого. Одно колесо сошло с каменной полосы и глубоко село в ил. Лошадь тянула, мотая головой, а возчик бессмысленно дёргал вожжи. Офицер Первого упирался плечом в борт. Раненые пытались приподняться, некоторые уже сбрасывали ноги, собираясь лезть в воду.

— Лежать! — крикнул офицер. — Лежать, я сказал! Толкай!

Толкать больше было некому.

Щепа повернулся к Владису. Фавий тоже. Даже Кенши опустил лук, ожидая, в какую сторону теперь придётся стрелять. На холме снова выравнивались зелёные всадники.

— Держим телегу! — Владис шагнул вперёд, закрывая место Щепы. — Терен, покажи камень. Щепа — к колесу! Остальные — щиты!

Щепа сорвался в воду со щитом наперевес. Возле телеги дно уходило ниже; он провалился до груди, выругался и ухватился за спицу. Офицер продолжал толкать борт, стараясь вернуть колесо на камень.

— Назад её подай! — закричал замочник. — Да назад же, мне щит подсунуть!

— Лошадь не держит!

— Так держи лошадь, а не борт обнимай!

Офицер метнулся к оглобле. Щепа нырнул руками в мутную воду, завёл край щита под колесо. Сверху ему помог раненый с перевязанной головой: перегнулся через борт, схватил за ворот и не дал соскользнуть глубже. На телеге поднялась суета; кто мог, передвигался к противоположной стороне, разгружая увязший край.

Терен стоял на каменной полосе, указывая возчику:

— Ко мне тяни! Прямо ко мне! Не отворачивай, сейчас опять уронишь!

Лошадь натянула постромки. Щепа упёрся плечом, офицер вернулся к колесу. Телега дёрнулась, скрипнула и снова осела.

— Ещё! Разом! — рявкнул Щепа.

Под колесом хрустнул его щит. На этот раз обод зацепился за дерево и вышел на твёрдое. Телега накренилась, раненый на краю едва не выпал; офицер поймал его, затолкнул обратно. Возчик погнал лошадь к указавшему дорогу Терену. Щепа ещё держался за спицу, пока не понял, что теперь его самого тащит следом, и поспешно разжал руки.

Рога протрубили снова.

— Закрыть! — заорал Владис. — Второй ряд, ближе!

Теперь всадники уже знали, где твёрдое дно. Передние направили коней к самой середине, не пытаясь искать обход в иле. Копья встретили их, но задние напирали, и

тяжёлый конь боком вдавился в щиты. Владис почувствовал под пяткой пустоту. Его повело назад; он ударился затылком о Дроздов подбородок, услышал сдавленное ругательство. Оба удержались, когда сосед подал плечо. Над ними немедленно сверкнул меч.

— Стоять! Не давайте разорвать!

Песня Дрозда ещё пробивалась сквозь грохот. Одно слово, другое. Затем оборвалась. Владис ждал продолжения, не понимая, почему мальчишка замолчал именно сейчас. Повернуться было нельзя: его щит закрывал промежуток, куда уже дважды пытался ударить всадник.

Дерево взлетело перед лицом. Владис успел выставить его под лезвие, но вторым ударом рыцарь прижал щит к плечу. Справа тянули упавшего. Чья-то рука скользнула по ремню у Владиса на поясе и отпустила; он не смог увидеть, чья. Теперь сзади давил уже другой человек. Владис ударил мечом в открывшийся промежуток под чужим локтем. Всадник отшатнулся, дёрнул коня назад. Следующей строки песни так и не прозвучало.

— Телега прошла! — донеслось сзади.

Терен махал рукой от середины реки. Щепа уже возвращался, без щита, держась за борт. На ближнем берегу раненых принимали солдаты Первого.

— Отход по камню! Фавий, раненых вперёд! Кенши, прикрывай!

Фавий посмотрел на Владиса.

— А ты?

— Последним. Иди!

Фавий повёл раненых по полосе, которую указал Терен. Передних пропускали назад через узкие щели между щитами; на их место вставали следующие. Владис задержался у дальнего конца, пока весь строй медленно

вытягивался в реку. Теперь повернуться спиной означало открыть дорогу людям, спешившимся у кромки: за телегами коням было не развернуться, и несколько латников пошли пешком.

Хорь отстал справа, пытаясь поднять раненого. Тот цеплялся за его пояс, вставал и снова падал — нога подворачивалась под ним. Хорь тянул в обе руки, не видя, что сам съезжает с камня в ил.

— Не поднимай! Волоки! — крикнул Владис.

Хорь послушался. В этот момент из-за коня показался пеший латник. Он рванулся к отставшим, подняв меч, и Владис шагнул навстречу. Удар скользнул по щиту, пробил ткань у плеча. Сначала стало горячо. Боли почти не было.

Владис толкнул противника деревом и попятился. Попробовал снова поднять щит, но рука дошла только до груди. Латник двинулся следом. За плечом Владиса коротко щёлкнула тетива, и тот внезапно остановился, выронив меч.

— Не стой! — заорал Кенши. — Стрелы кончаются!

Щепа остановился возле пустой брошенной телеги. Перерезал постромки, отогнал лошадь, крикнул двум отступавшим, чтобы взялись за борт. Владису пришлось задержаться ещё на несколько шагов: если латники подойдут сейчас, они схватят этих троих с занятыми руками. Он принял новый удар нижним краем щита и толкнул противника, не давая добраться до замочника.

Телега перевалилась через колесо и с грохотом легла поперёк твёрдой полосы. Щепа отскочил, едва не угодив под оглоблю, и побежал за остальными. Владис отступил последним через оставленную щель. Латник полез поверх борта, но колесо под ним провернулось, сбросив его в воду.

— Закрыл!

Хорь выбрался рядом с Фавием. Живой, перепачканный, с чужой кровью на обеих руках. Владис увидел его и только тогда позволил себе отойти ещё на несколько шагов.

На дальний берег выехал рыцарь в зелёных латах. Золотой лев на щите был виден даже сквозь поднятые брызги. Всадник остановился возле опрокинутой телеги. За ним появились другие, но он не дал им двигаться дальше.

Доспехи сидели на нём прочно; даже остановившись, он оставался прям в седле. Лицо закрывал шлем, и в этом всаднике пока можно было различить лишь зелёную сталь и уверенную посадку.

Владис ждал. Щит становился всё тяжелее. До берега оставалось совсем немного, однако сейчас даже этого могло не хватить.

Рыцарь поднял меч к лицу. Задержал на мгновение, как на турнире, и опустил. Потом повернул коня.

— Это он чего? — спросил Щепа, тяжело дыша.

— Посчитал, — ответил Кенши.

— Что посчитал?

— Сколько своих положит. И сколько наших осталось. Иди уже.

Зелёный всадник не преследовал их. Лица за шлемом Владис так и не разглядел.

* * *

На своём берегу Фавий усадил Владиса на камень и разрезал ткань у плеча. Тот попытался посмотреть назад, однако лекарь грубо развернул его.

— Сюда смотри. Если хочешь ещё этой рукой работать.

— Дрозд где?

Фавий не ответил сразу. Прижал к ране свёрнутую ткань, дождался, пока Владис перестанет дёргаться, и только потом поднял глаза.

Владис всё понял. Спросить второй раз не сумел.

Офицер Первого стоял рядом с дощечкой. Его плащ намок насквозь, волосы прилипли ко лбу. Он уже пересчитал спасённых с телеги и теперь ждал, пока Фавий закончит с повязкой.

Мокрые волосы оказались каштановыми, коротко остриженными. Прямой нос и крепкое гладко выбритое лицо оставались неподвижны; серые глаза следили за работой Фавия. Даже с дощечкой в руке офицер держался ровно, как перед строем.

— Сколько вошло?

— Сто двенадцать, — ответил Фавий.

— Сколько вышло?

Фавий начал считать вместе с Тереном. Вызывали по нескольку человек, отделяя ходячих от тех, кого уложили ближе к дороге. Хорь пытался помочь, но сбивался, потому что всё ещё держал за рукав своего раненого. Щепа забрал у него дощечку и велел сесть.

Когда подсчёт закончился, офицер тщательно записал итог. Посмотрел на пустую дорогу, по которой ушёл обоз.

— Сто четыре, — повторил Фавий, чтобы офицер расслышал. — Вместе с ранеными. С тех, кто лежит, второй раз не считай.

Центурион исправлять ничего не стал. Число уже стояло на дощечке. Владис попробовал отнять одно от другого и остановился: восемь человек. Восемь мест, которые ещё утром были заняты. Он узнавал их в лицо, помнил, где кто стоял на переходе, но не все имена мог произнести. От этого хотелось встать и пойти проверять снова, будто Фавий с Тереном непременно ошиблись.

— Кто командовал?

— Он, — сказал Фавий.

Владис поднял голову.

— Я не…

— Имя. Не номер. Имя для рапорта.

— Владис.

— Полностью. В приказе как записан?

— Владиславий. Из Зоренки.

Офицер занёс полное имя и протянул дощечку, чтобы проверить.

— Кассий Ветурин. Центурион Первого. Запомни, кого назвать, когда спросят, кто это видел.

— Что видел?

Кассий посмотрел на него так, словно вопрос был неуместным.

— Что ты держал после ухода своего центуриона. И что телега моя. Это тоже будет записано.

Сорока сидела неподалёку, поставив котёл между ног. Она дождалась, пока Кассий уберёт дощечку, и заговорила негромко, не обращаясь ни к кому отдельно:

— Он написал до рогов.

Кассий повернулся.

— Кто?

— Тарквин. «Материал дрогнул». Я носила воду. Чернила ещё сохли, а эти стояли.

Центурион снова достал дощечку. На этот раз писал медленнее.

— Имя?

— Сорока.

— Настоящее.

— Для рапорта хватит.

Она смотрела прямо на него. Не просила оставить её в стороне и не пыталась обратить сказанное в шутку. Владис

заметил, как Кассий чуть изменил положение дощечки, дописывая ещё одну строку.

* * *

До нового лагеря пришлось идти с носилками. Владис взялся было за жердь, но после сотни шагов пальцы разжались сами. Фавий подхватил её прежде, чем раненый выпал, и оттеснил Владиса плечом.

— Отойди! Мне тебя тоже нести, что ли? Иди сзади, за отставшими смотри!

Раненые лежали на плащах, натянутых между древками. Через каждые несколько шагов приходилось менять руки. Там, где дорога поворачивала, носильщики наступали друг другу на пятки, бранились, останавливались и снова шли. На телеге Первого свободного места почти не было. Кассий посадил туда тех, кто уже не мог держаться на ногах, и сам повёл лошадь, осторожно обходя выбоины.

Владис шёл сзади. Дальше на дороге хлопотала Сорока: переходила от одних носилок к другим, поправляла ткань, давала воду из котла. Тащить его целиком было тяжело, и вскоре Хорь, забрав посуду, стал нести рядом с ней.

— Ты хоть наполовину слей, — сказал он.

— Потом пить у тебя попросят.

— Да я понимаю. Мне свои руки жалко.

Сорока молча взялась за вторую сторону ручки. Так они и понесли вдвоём. Щепа попытался пошутить про хозяйство, но Хорь оглянулся с таким лицом, что тот ограничился вздохом.

На привале Кенши сел рядом с Владисом. В колчане у него оставалось совсем немного стрел. Он достал одну, проверил оперение и положил обратно.

— Плечо?

— Поднимать не могу.

— Не поднимай.

Владис посмотрел на него. Эльф говорил совершенно серьёзно.

— Ты же спросил. Фавий перевязал — оставь в покое. Опять полезешь таскать, ему заново возиться.

— Я мог Дрозда переставить.

Кенши перестал трогать колчан. Некоторое время слышались только разговоры возле телеги и тяжёлое дыхание носильщиков.

— Куда?

— Дальше. За других.

— Он за другими и стоял.

— В последний момент...

— В последний момент ты держал щит. Я видел.

Кенши встал, подал Владису руку со здоровой стороны и почти насильно поднял. Телега уже уходила вперёд. Спор о том, куда следовало поставить Дрозда, закончился на обочине; его вещей в обозе оставалось меньше, чем нужно было заполнить мешок.

Уже перед лагерем Кассий задержал телегу и попросил своих солдат помочь донести последних. Караульный у ворот попробовал направить их к другому проходу, но центурион назвал должность, и спор быстро закончился. Несколько штрафников удивлённо переглянулись: за весь путь никто из офицеров не повышал на них голос. Повысили на того, кто мешал.

— Моих лекарю покажете? — спросил Кассий у Фавия.

— Покажем. Только я сначала тех, у кого кровь не держится.

— Разумеется.

Кассий сказал это без раздражения. Владис заметил, как Фавий на мгновение поднял глаза от носилок, словно

проверял, не ослышался ли. Затем снова занялся раненым. У входа образовалось достаточно места, и людей начали вносить внутрь.

У ворот появился Тарквин с готовым рапортом. Он велел пересчитать материал, отсутствующих списать и убрать носилки с прохода. Кассий перебил его, требуя прежде разместить раненых. Центурион с раздражением развернул бумагу, ткнул в строку про спасение обоза. Кассий отодвинул лист двумя пальцами.

— Свой рапорт я напишу сам.

Он вернулся к телеге Первого, оставив Тарквина перед промокшим строем. Тот выровнял бумагу, проверил, не испачкали ли её, и заметил Сороку с котлом.

— Сто тринадцатый! Ты была с обозом.

Она подняла котёл.

— Упал, центурион. Я за ним. Обоз не подождал.

Тарквин оглядел посуду. Котёл оказался цел, и придраться к нему было трудно. На людей, сидевших у стены, центурион смотреть не стал.

Ночью Владис открыл книгу. Плечо ныло, мешая удобно положить руку, и перо дрожало сильнее обычного. Он нашёл имя Дрозда. Некоторое время смотрел на него, вспоминая, как мальчишка прижимал щит и спрашивал про темноту. Потом поставил короткую черту. Само имя не зачеркнул.

Лампу пришлось подвинуть. Свет падал так, что черта почти сливалась со складкой листа. Владис проверил, не попали ли чернила на соседнюю строку, вытер кончик пера и остался сидеть. Снаружи продолжали разбирать привезённое. Один из караульных требовал найти чей-то потерянный ремень. Фавий в дальнем углу просил воды, и Сорока ответила ему сразу, ещё до того, как он успел повторить.

Следом шло имя Хоря. Владис отвёл от него перо. Хорь лежал через проход и ругался с Щепой из-за мокрой дощечки; оба были живы, и вмешиваться в их возню он не собирался. На месте Дрозда кто-то оставил мешок. Бард поднял его и сунул под нары. Владис закрыл книгу, спрятал под одежду и лёг, придерживая раненое плечо.

Утром, когда он шёл к котлу, кто-то сказал:

— Легат идёт.

Владис обернулся, ожидая увидеть офицера за своей спиной.

— Какой ещё, нахуй, легат?

— Наш, — ответили из-под навеса.

Кенши засмеялся и прикрыл рукой бок.

— У Третьего никогда легата не было. Не положено. Империя сейчас рыдает.

Владис хотел оборвать шутку, однако рядом сидел Хорь, дальше Терен, Фавий раздавал раненым воду, и все они смотрели на него без привычной насмешки. Он взял миску и молча встал в очередь.

* * *

Гость немного подвинулся к огню. Снаружи тянуло холодом, и рассказчик протянул ногу, поправляя полено у самого края.

— За такое могли наказать?

Орк усмехнулся.

— За шутку? Смотря кто её услышит.

— Тарквин услышал?

— На следующей перекличке.

* * *

— Сорок первый!

Тарквин стоял перед строем, держа список обеими руками. Владис уже набрал воздух, но сзади ответили раньше:

— Легат здесь.

Центурион медленно поднял голову.

— Кто сказал?

Никто не вышел. Люди стояли ровно, глядя перед собой. У нескольких ещё были мокрые волосы. Фавий поддерживал локтем раненого, которому нельзя было долго стоять.

— Сорок первый! — повторил Тарквин громче.

— Легат здесь.

Теперь ответили с другого края. Потом ещё двое. Голоса не сливались в крик, но слов становилось всё больше. Владис слышал знакомый ритм, тот самый, под который на броду поднимали щиты.

Тарквин посмотрел на караул. Затем снова на строй. Владис ждал, что сейчас его выведут вперёд, однако центурион только опустил глаза к бумаге. Нашёл следующую строку и продолжил перекличку. Номер сорок первый в то утро он больше не произнёс.

Глава X. Третий

Через четыре дня после переправы за воротами загремела телега с центурионскими сундуками. Фавий отмачивал повязку на плече Владиса. Тарквин уезжал; провожать его никто не пошёл.

— Прогнали? — спросил Щепа.

Аврел, прибывший ещё до рассвета, стоял рядом с переданной ему ведомостью. На вопрос он ответил не сразу. Сначала проверил строку, хотя, судя по лицу, уже знал, что там написано.

— Переведён. С отличием за сохранение обоза и караула.

— Себя он сохранил отменно, — сказал Щепа. — Ни одной царапины. Нам бы такое жалование за бег давали!

Владис дёрнулся, услышав, что пора строиться. Фавий прижал его к бочке за здоровое плечо.

— Без тебя начнут. Повязку сорвёшь — снова зашивать буду. Сиди!

К строю он успел, когда преемник Тарквина уже представлялся.

Аврел оказался молод. Не мальчишка, но рядом с прежним центурионом разница была заметна сразу. Чистый плащ сидел на нём неловко; одну петлю он застегнул неправильно и теперь время от времени трогал её, не понимая, почему ткань тянет у шеи. Перед строем держался прямо, обе руки устроив на поясе.

У него были короткие каштановые волосы и широкий подбородок. Серые глаза задерживались на каждом человеке отдельно; крепкое лицо почти не меняло выражения, хотя с непослушной петлёй он ещё не справился.

— Центурион Аврел. Назначен приказом легата Второго. Порядок — по уставу. Наряды — по списку. Перекличка дважды в день.

На последних словах люди переглянулись. Никто не переспросил. После Тарквина два раза казались послаблением, и портить его уточнениями не хотелось.

Аврел прошёл вдоль переднего ряда. Возле Сороки остановился, сверился с ведомостью, снова поднял глаза.

— Сто тринадцатый… женщина?

— Сорока, — ответила она.

Центурион посмотрел на бумагу, где такого слова, очевидно, не было. Позади кто-то тихо фыркнул. Владис узнал голос Щепы и заранее напрягся.

— По уставу вода тоже в канаву должна уходить, — сказал тот. — Скажи ей, центурион.

Аврел воспринял замечание всерьёз. Оглянулся на стоящую возле кухни лужу, потом расправил ведомость.

— Первая когорта — канава. Вторая — частокол. Инструмент получить у склада. По нарядам разойтись.

Люди остались на месте. Не из упрямства: они ждали продолжения, привычной угрозы, отмены только что сказанного или нового пересчёта. Несколько человек посмотрели на Владиса. Тот поправил ремень и пошёл к складу. Строй сразу задвигался.

— Сорок первый. Задержись.

Остановились все.

Аврел открыл рот, но не сразу нашёл нужные слова. Владис видел, как у него напряглась шея над неверно застёгнутым плащом.

— Остальные — по нарядам. Я сказал.

Владис кивнул Щепе, и тот потянул за собой ближайших. Когда люди отошли достаточно далеко, центурион приблизился.

— Почему они смотрят на тебя?

— На броду приказа ждали. Пришлось мне говорить.

— Здесь приказ я отдал. Они с места не двинулись, пока ты не пошёл!

Аврел указал на расходившихся людей, но окликать их снова не стал. Владис удержался от ответа про Тарквина: новый центурион и без того едва справлялся с первым построением.

— Пойдёмте к канаве, — предложил Владис. — Терен вчера смотрел сток.

— Кто такой Терен?

— Землемер. До армии этим занимался. В ведомости вы его по номеру найдёте.

Аврел убрал бумагу и пошёл следом, на ходу расстёгивая перекошенную петлю плаща.

Возле кухни вода стояла под самыми досками. Каждый, кто приходил за едой, оставлял в грязи след, и проход успели разбить так, что приходилось обходить его по краю. На чертеже, который развернул центурион, канава шла прямо вдоль стены. Терен осмотрел линию и присел возле насыпи.

— Здесь дно выше. Вода назад вернётся. Резать надо ниже, к реке.

— По чертежу здесь, — сказал Аврел.

— По чертежу у тебя кухня сухая. А сапог сними — увидишь, что нет.

Несколько человек с лопатами придвинулись ближе. Аврел покраснел. Терен не пытался его унизить, но от этого замечание прозвучало ещё хуже: землемер просто сообщил очевидное.

Владис встал рядом с центурионом так, чтобы не говорить через всю толпу.

— Он этим до армии занимался. Пусть покажет сток. Вы посмотрите и прикажете.

Аврел ещё раз глянул на чертёж.

— Показывай.

Терен поднялся и повёл его к насыпи. Дал подержать конец шнура, поставил отметку, объяснил, где лежит плотный грунт, а где подмывает. Аврел сначала слушал с тем выражением, с каким выслушивают оправдание подчинённого, но вскоре начал спрашивать. Землемер отвечал коротко и каждый раз указывал на землю, заставляя смотреть туда, о чём говорил.

Когда они вернулись, приказ отдал сам центурион. Рабочие сразу начали копать. За первым узким проходом вода потянулась к реке, неохотно, с плавающими щепками и грязью. Щепа проследил за ней до самого выхода.

— Слушается, — сообщил он. — Значит, теперь всё по уставу.

На этот раз Аврел позволил себе усмехнуться.

Владис взял лопату здоровой рукой, но Фавий, проходивший мимо, вытащил её у него из пальцев.

— Тебе отдельный приказ написать?

Центурион посмотрел на повязку, потом на оставленную лопату.

— Раненых к тяжёлому не ставить, — сказал он. — Перепишите наряд.

Никто не стал напоминать, что прежде об этом приходилось просить. Терен только передал ему список тех, кому нельзя было работать, подготовленный ещё утром.

* * *

За Владисом пришли после полудня. Двое солдат Второго остановились у ворот, вызвали старшего и передали приказ немедленно явиться к Рациусу. Верёвки у них не было. Один даже придержал коня, пока Владис выбирался из тесного прохода между бочками.

От этого легче не стало. Он уже ехал однажды туда, где за столом лежала бумага о его дальнейшей судьбе. Тогда тоже до последнего казалось, что можно что-то объяснить.

Аврел дожидался у ворот.

— Я на тебя не писал.

— Знаю.

— Писал Первый. И Тарквин. Легат читает оба рапорта.

Владис кивнул. Взялся за седло и поморщился, когда плечо потянуло. Солдат помог ему подняться, делая вид, что просто поправляет стремени.

Из бараков вышли Фавий и Кенши. За ними Щепа, Терен, Хорь. Бард опирался на палку и двигался медленно, но всё-таки успел к воротам. Дальше собирались остальные. Никто их не звал и не строил.

— Передай, если задержат, — сказал Щепа, — мы эту канаву без тебя копать не нанимались.

— Сам передашь, когда вернётся, — оборвал Кенши.

Владис попытался улыбнуться. Конь переступал под ним, и приходилось думать о поводьях, о ногах, о том, как не свалиться перед всем лагерем. Когда сопровождающие наконец повернули к дороге, он почувствовал почти облегчение.

Шатёр Рациуса стоял недалеко от Ольхи. Второй после мира с орками перебросили на запад, и здесь, возле палаток Первого, его солдаты устраивались надолго. У входа лежали сухие доски. Внутри пахло бумагой и

прогретой тканью, не дымом и мокрой одеждой, к которым Владис привык в бараке.

Легат сидел за столом. Перед ним лежали два листа. За месяцы после учебного лагеря Рациус осунулся, лицо стало жёстче, но взгляд остался прежним: будто он успевал закончить разговор ещё до того, как собеседник открывал рот.

— Зоренка. Второй, Девятая. Помню тебя.

Владис остановился перед столом.

— Ты спрашивал, кто перешёл Унго. Остальных тогда больше занимало, когда выдадут жалование.

— Да, легат.

Рациус указал на свободное место, однако Владис не сразу сел. Ноги после седла плохо сгибались. Он опустился осторожно, стараясь не задеть больную руку.

— Два рапорта, — сказал легат. — Здесь материал дрогнул. Караул отведён для сохранения обоза. Здесь Владис из Третьего держал переправу после ухода центуриона. Последняя телега с ранеными Первого выведена.

Он коснулся второго листа пальцем.

— Подписал Кассий Ветурин. Тот, кто эту телегу толкал.

— Всё так и было.

— Я ещё не спрашивал, как было. Я объясняю, что у меня на столе.

Владис замолчал. Рациус дал ему несколько мгновений, затем продолжил:

— А ещё мне сообщают, что штрафники выбрали себе легата. На перекличке отвечают за него. Ты понимаешь, как это выглядит?

— Они пошутили.

— У костра шутят. Перед центурионом не подчиняются. Доносчику этого достаточно.

Он выровнял край бумаги Тарквина. Движение было спокойным, почти небрежным, и Владису захотелось забрать у него лист, разорвать так, чтобы больше никто не смог прочитать эту ровную строчку про дрогнувший материал.

— Я держал до последней телеги.

— Поэтому ты сейчас сидишь здесь, а не стоишь у столба. С орками заключили мир, феодалы давят на западе. Людей не хватает. Человеком, который удержал переправу, я разбрасываться не собираюсь.

Рациус отложил рапорт.

— Теперь об Унго. Не о бое. О том, что было до него.

Владис напрягся. Он не собирался начинать этот разговор сам, но вопрос прозвучал слишком определённо, чтобы притвориться непонимающим.

— Что ты знаешь о бродах?

— Их мерили раньше войны. За два года.

Легат смотрел на него не мигая.

— Дальше.

— Три черты и точка. Знак землемера. Такой же на ящиках со скобами, которые везли к реке за неделю до боя. На карте броды сделали орочьими. Тот, кто их мерил, подписывать отказался.

— Откуда знаешь?

Владис задержал дыхание. Назвать Терена здесь казалось почти тем же, что привести его за руку к чужому столу.

— Он в Третьем. Под подменой печать Сената.

Пальцы Рациуса остановились на краю листа.

— Имени не говори.

Владис поднял глаза.

— Я не слышал имени. Ты его не называл. Понял?

— Понял.

— Правду ты уже увидел. А что будет с теми, кто её произносит, ещё не понимаешь. Помнишь отозванного надзирателя? После допроса от него даже должности не осталось. Поэтому слово, которое ты только что сказал, за пределы этого шатра не выноси.

— А тех, кто карту менял, тоже допрашивали?

Рациус захлопнул лежавшую рядом папку.

— Сейчас я спрашиваю тебя. Землемера оставь в лагере. Ни к кому с этими словами не посылай и сам не ходи. Если хочешь сохранить свидетеля, сначала научись не кричать его имя на каждом углу.

Владис вжался в сиденье. Он действительно собирался назвать Терена, доказывая, что говорит правду. Рациус отвёл закрытую папку в сторону и снова взял рапорт о броде.

— Здесь есть третья подпись. Сорока. Она видела, что Тарквин написал «дрогнул» до того, как запели рога.

— Видела.

— Её слово против центуриона почти ничего не стоит. Но Кассий записал, я прочёл. Теперь это существует. Береги её. Не дай запугать.

— Из Первого спросили, кто такой Владис, — продолжал он. — Я ответил: материал.

Он перевернул узкий лист и показал приписку. Владис наклонился. «Материал не держит броды».

— Когда вызовут, отвечай о переправе. Не о том, какую награду считаешь заслуженной.

Рациус выдвинул ящик. Положил на стол сложенную бумагу, и Владис узнал её раньше, чем увидел имя на обороте. Неровный край, где лист был вырван из книги.

— Твоё. Возчик продаёт всё, что везёт. Я купил. Не читал.

Владис схватил письмо. На сгибе осталось серое пятно, имя Сильвии чуть расплылось, но лист не был развёрнут.

Он провёл пальцем по собственному почерку и начал было раскрывать, затем остановился: не здесь. Она ничего не получила. Возможно, всё ещё ждала вести, пока возчик торговался за этот клочок бумаги.

— Почему не читали?

— Чужих писем не читаю. Единственное правило, которое себе оставил. Следующее попадёт другому. Не пиши следующего.

Владис убрал лист за пазуху. Поблагодарить не смог. Слова застряли, и Рациус не стал ждать.

— Назначаю тебя старшим по Третьему сборному. Центурионской должности это не даёт. Легатской тем более. Аврел утверждает бумаги, ты ведёшь людей. Научитесь договариваться.

— Почему я?

— Потому что они уже тебя слушают. Разумнее этим воспользоваться, чем ломать лагерь.

— А если не договоримся?

— Тогда Империя вспомнит о столбе. Их у неё много.

Рациус поднялся. Разговор был окончен.

— Право на знамя дают в Драевиле. До этого твой легат — шутка. Когда понадобится сделать её должностью, узнаешь.

Владис встал вслед за ним и задержался у выхода. Хотел ещё раз спросить об Унго, но под одеждой шуршало возвращённое письмо. Он вышел, не произнеся ничего.

* * *

— Ремень подтяни. До ворот щит потеряешь.

Знакомый окрик прозвучал сбоку, у тесно поставленных палаток. Владис уже взял поводья и резко обернулся. На скамье сидел центурион Девятой. Перед ним стоял солдат с

плохо закреплённым щитом. Увидев Владиса, командир оборвал начатое замечание.

— Зоренка.

Владис шагнул к нему и остановился.

— Вы живы.

— Подойди. Не через весь лагерь разговаривать.

Центурион отпустил солдата. Подвинулся на скамье, освободив место, но Владис продолжал стоять. Из-под ворота белела повязка. Лицо осунулось, только глаза и привычное недовольное движение бровей оставались теми же.

— Я пытался вас поднять. Там, за щитами.

— Помню. За ворот тащил. Чуть не задушил.

— Потом нас оттеснили. Я больше не видел.

— Меня тоже оттеснили. На щите. Двое дотащили до берега.

Он снова указал на скамью. Владис вернул поводья сопровождавшему солдату и наконец сел с краю.

— Девятую потом по остаткам собирали. Тебя среди вернувшихся не было. Где пропадал?

— В Третьем. За бегство.

Центурион подцепил пальцем номер на одежде Владиса, разглядел и отпустил.

— Я бросил строй, — добавил Владис.

— Слышал. Спросил, где ты был.

Мимо прошли солдаты с мисками. Один задержался, собираясь обратиться к центуриону, но тот махнул рукой, и солдат ушёл. От кухонь пахло тёплым хлебом.

— А второй? С тобой всё ходил. Октавий.

— Погиб. При мне.

Центурион отвёл лицо. Владис видел, как он стиснул край скамьи. Кусок отслоившегося дерева треснул под ногтем.

— Кенши?

— Жив. С нами. Уже ходит без палки. Бард тоже в Третьем.

— Эльфу скажи, рад, что выкарабкался. Только без твоего удивления. Начнёт издеваться.

Владис невольно улыбнулся. Улыбка сразу пропала, когда центурион осторожно оттянул ворот от раны.

— Вам ещё нельзя вставать?

— Лекарь так считает. Сидеть и всем мешать разрешил. К Рациусу зачем?

— Старшим назначил. После брода.

Центурион поднял брови.

— Тебя?

— Сам ещё не привык.

— Легче стало?

Владис посмотрел на палатки, на людей с мисками, на солдата, который так и не сумел правильно закрепить щит и теперь возился возле коновязи.

— Всё время считаю, сколько не вернулось.

Центурион кивнул. Некоторое время они сидели молча. Уходить не хотелось, а продолжать разговор было всё труднее.

— Я должен был остаться, — сказал Владис.

— Должен.

Владис сжал руки между коленями. Хотел объяснить, что не помнит самого бегства, что после гибели Октавия ноги понесли сами. Центурион не дал начать:

— Только не проси меня сейчас решить, кто чего стоил в том бою. Я сам лежал, пока моих добивали. Не обо всём сразу могу судить.

— Я не за оправданием.

— Тогда приходи ещё. Расскажешь, кто остался. Кенши приведи, если дорогу осилит.

У коновязи ненавязчиво кашлянули. Владис поднялся. Центурион встал следом, придерживая одежду у повязки.

— Владис, — сказал он. — Вы всегда звали номером.

— Я помню, как тебя зовут.

Рука командира оказалась крепкой. Владис пожал её осторожно, но отпускать сразу не хотел.

* * *

Аврел прочёл приказ перед вечерним строем. Лист дрожал на ветру, и центурион удерживал его за оба края. Старший подчинялся центуриону, центурион легату, материал старшему. Слова были знакомые, написанные привычным языком, только имя Владиса никак не помещалось между ними.

— А номера снимут? — спросили сзади.

— Такого приказа нет.

Фавий посмотрел на Владиса и кивнул, показывая, что услышал именно то, что требовалось. Люди расходились спокойно. Теперь им не нужно было искать его в середине строя: он стоял рядом с Аврелом.

Аврел задержался у пустого прохода. Отдал Владису лист завтрашних работ, затем протянул руку.

— Утром по людям сверим. Я твоих ещё не знаю, а ты в бумагах путаешься. Давай хотя бы не мешать друг другу.

Владис пожал руку и позвал Фавия: в списке снова стояли те, кому лекарь запретил поднимать тяжёлое. Пришлось исправлять тут же, возле пустого строя, пока Аврел не унёс ведомость.

* * *

— Империя дала ему Третий, — сказал Гость.

Орк покачал головой. Потянулся к кружке, проверил, осталась ли вода, и поставил обратно.

— Разрешила делать то, что он уже делал. Рациусу нужен был порядок. Он увидел, кого слушаются.

— Владис понимал?

— В тот вечер у него были другие заботы. Сто четыре человека, многие без имён в книге. И те, для кого место уже опустело.

* * *

Владис вывел сверху: «Третий сборный». Ниже написал число оставшихся, посмотрел и перечеркнул его одной линией. Открыл новую строку. Фавий. Терен. Щепа. Кенши. Бард. Хорь.

Дальше пришлось ставить номера, оставляя возле каждого достаточно места. Он поймал себя на том, что уже представлял человека до того, как писал: высокий у двери, хромой возле кухни, тот, кто на броду потерял сапог. Имена предстояло узнать утром.

На прежней странице, начатой ещё у Сивой, оставалось прозвище Сороки и пустая строка под ним. Владис проверил её, перелистнул обратно к новому списку и не стал дописывать ничего без спроса. Сама Сорока принесла воду и поставила кружку справа от Кенши. Эльф открыл один глаз.

— Скерь.

— Сам скерь.

Сорока ушла, забрав пустую посуду. Кенши проводил её взглядом.

— Видел, куда поставила? Учись.

— Тебе бы ворчать.

— Значит, ещё живой.

Он повернулся к стене, но не сразу замолчал.

— У меня старший в Кланхаре тоже всех записывал. Говорил, кого записал, за того отвечаю.

— И что?

— Многих записал. Спи. Завтра первая твоя перекличка.

Владис убрал перо. Вернувшееся письмо лежало между страницами, и он подвинул его глубже, чтобы край не помялся. В бараке кашляли, кто-то ворочался, Хорь вполголоса требовал не наступать на чужую одежду.

Потом всё оборвалось.

Владис поднял голову. Лампа продолжала гореть, но её свет больше не доставал до противоположной стены. Нары уходили вдаль, дальше самого барака, рядами, которым не могло быть здесь места. На каждых лежала раскрытая книга.

Он потянулся к своей, хотел проверить страницу. Лист перевернулся под пальцами, и одновременно зашелестели все остальные. Владис замер. Между номерами проступали имена, написанные его рукой, только разобрать их не получалось. Он наклонялся ближе, узнавал наклон букв, нажим пера, а слово распадалось прежде, чем удавалось прочесть.

Из-за последней строки донеслось дыхание. Владис схватился за обложку. Пальцы прошли сквозь бумагу, и снизу навстречу им поднялась другая рука. Знакомая ладонь, знакомое движение. Только кожа дряблая, постаревшая.

«Теперь у тебя есть имя. Сколько их ты положишь за него?»

Он отдёрнул руку. Книга ударилась о колено и чуть не упала. У стены закашлялся Кенши, снаружи ответил караульный. Ряды нар кончались там, где должны были, а на полу лежал брошенный Хорем сапог.

Владис по одному согнул пальцы. Проверил ладонь с обеих сторон. Потом снова посмотрел на книгу. Имена читались свободно. Письмо Сильвии выступало между листами неровным краем.

До рассвета он сидел, положив здоровую руку на колено. Закрыть книгу так и не решился.

Глава XI. Право на знамя

Дощечка Кассия покоробилась от воды. Когда он положил её на стол Рациуса, один угол поднялся, и центурион прижал его ладонью, прежде чем начать говорить.

— Третий оставался после ухода караула. Видел сам. Последнюю телегу вывели. Мои раненые живы потому, что эти люди задержались.

Аврел раскрыл ведомость Третьего рядом с рапортом. Владис стоял у края стола; с этого места были видны оба списка, и под одним уже успели отметить спасённую телегу. Под другим — погибших штрафников.

Рациус выслушал Кассия, проверил подпись и придвинул бумагу к Аврелу.

— Приложишь свой список.

— С именами, — ответил тот.

— Как есть.

Владис следил за пером центуриона. Всё наконец делалось правильно: свидетель говорил при нём, его не перебивали, бумагу не прятали. Только Тарквина здесь не было.

— И что теперь?

Рациус поднял голову.

— Теперь займёмся Третьим.

— А им?

— Его перевод исполнен. Рапорт ушёл дальше вместе с назначением.

Владис шагнул ближе.

— Он бросил брод. Бросил людей на телеге. Нас бросил. И за это получил отличие?

— За рапорт. Рапорт составлен хорошо.

— Так исправьте! — Владис ткнул пальцем в рапорт. — Вот свидетель. Вот наши люди. Вы для чего нас собрали, если бумага Тарквина дороже живых свидетелей?

Рациус убрал его руку со стола.

— Я собрал вас, чтобы решить судьбу Третьего. Перевод Тарквина уже исполнили. Сегодня отменить его не могу. Для твоих людей могу сделать больше — если дашь мне договорить.

Кассий придвинул свой подписанный лист к ведомости Аврела. Он его не забирал, хотя разговор повернулся совсем не так, как надеялся Владис.

Рациус убрал рапорты и развернул карту.

— Неделю назад Второй оставил укрепление. Здесь, на Меже. Феодалы вошли почти без боя. Теперь смотрят со стены на нашу дорогу.

На карте стоял маленький квадрат. Владис наклонился, прикидывая расстояние до реки.

— Почему оставили?

— Центурион решил, что выгоднее отойти.

— Тоже написал?

Рациус не улыбнулся.

— Холм надо вернуть. Пойдёт Третий.

В шатре стало тихо. Аврел перестал складывать бумаги.

— Сколько там людей?

— Полсотни. Возможно, больше.

— У меня сто четыре после брода. Не все стоят на ногах.

— Знаю.

— Стена целая?

— Целая.

Владис провёл пальцем вдоль обозначенной дороги. Если подниматься прямо, защитники увидят их задолго до ворот. Людей, которых можно было поставить впереди,

оказалось бы меньше, чем требовалось для одной плотной линии.

— Если Второму нужен холм, почему не идёт Второй?

— Потому что держит тридцать миль границы. Другого свободного подразделения нет.

— А после этого будет?

Рациус выдержал взгляд. Отвечать не стал.

Владис выпрямился. Попросить отменить приказ он мог, но уже понимал, что ничего не изменится. Оставалось выжать из предстоящего разговора всё, что пригодится на склоне.

— Нужен человек, который видел ворота изнутри.

— Дам тех, кто оттуда уходил.

— И верёвки. Инструмент. Стрелы Кенши.

Рациус кивнул Аврелу.

— Составь заявку. Сегодня.

Карту Владис взял с собой. У выхода Кассий задержал его на мгновение.

— Мои показания остаются. Что бы ни решили о Тарквине.

Владис кивнул. Благодарности пока не получилось, но руку центуриона он пожал крепко.

* * *

— Ну здравствуй, щегол!

Гарц, старый помощник центуриона Девятой, стоял у ворот с горсткой ветеранов Второго. После ранения он заметно берёг ногу, но ухмылка осталась прежней — с такой он приглашал новобранцев проиграть ему всё жалование в кости.

— Мне сказали, списали тебя. А ты, гляди-ка, живой.

— Списали. Передумали.

— Ха! Значит, кости всё-таки к тебе добрые.

Он посмотрел на повязку, потом на людей, собравшихся вокруг.

— На одно дело нас отпустили. Потом назад во Второй. Чтоб не подумал, будто нового начальника себе ищу.

— Холм знаешь?

— Мы с него и уходили. Ворота на запад, двор тесный. Колодец в углу. Петли у створки дрянные ещё при нас были.

Щепа, стоявший немного в стороне, сразу подошёл ближе.

— Насколько дрянные?

Гарц оглядел его и усмехнулся.

— Настолько, что дважды просили заменить. Нам советовали аккуратнее открывать.

Вечером карту расстелили на земле. Аврел принёс дощечку, Терен несколько камней, чтобы прижать углы. Фавий сел так, чтобы не сгибать больное колено. Бард устроился рядом с ним и сразу спросил, где будут выносить раненых.

Аврел указал на дорогу.

— Две колонны до рассвета. У ворот сомкнуть щиты. Створку выбивать.

— Чем? — спросил Терен.

— Бревном. Найдём.

— До ворот донесёшь? Здесь глина. Двое ещё пройдут, строй увязнет. Особенно если каждый смотрит вверх и ждёт стрелу.

Гарц подтвердил кивком. Землемер провёл ногтем вдоль другого края холма.

— Овраг. По дну вода, по краю подойти можно. Стена закрывает от тех, кто наверху. Только заранее пройти, проверить, где осыпается.

— Мне до створки попасть, — сказал Щепа. — Дальше разберусь. Если петли такие, как он говорит.

— Такие, — ответил Гарц. — Только изнутри могут подпереть.

Щепа нахмурился, обдумывая. Попросил у Аврела дощечку, нарисовал два коротких штриха и начал расспрашивать о креплениях. Центурион терпеливо подождал, пока ему вернут запись, хотя на ней теперь оказалось значительно больше ворот, чем приказа.

— Кенши прикрывает подход, — сказал Владис. — Пока Щепа не даст сигнал, никто не лезет.

— Долго ждать нельзя, — заметил Гарц.

— Раньше тоже нельзя. Увидят толпу — ему к воротам не подойти.

Эльф проверил карту и выбрал место, откуда будет виден верх стены. Терен сразу предупредил, что там придётся лечь: стоящего заметят. Кенши пожал плечами.

— Лягу. Лишь бы вы перед луком не бегали.

Гарц попросил освободить середину карты. Поставил несколько камней, показывая, как устроен двор, где лежат хозяйственные вещи и к какой стене нельзя прижиматься. Терен сразу передвинул один из камней.

— Здесь низина. Если дождь был, сапоги останутся.

— Был. Перед самым отходом, — ответил Гарц. — Колодец выше. За него можно держаться.

Бард подался вперёд.

— А нам?

— Когда откроют — первыми внутрь. Держите проход. Что бы во дворе ни случилось, проход не отдавать. Через него Фавий будет выносить.

Бард посмотрел на лекаря, затем на ворота, нарисованные Щепой.

— Всю песню у двери стоять?

— Всю.

— Ладно. Потом хоть будет о чём.

Аврел начал записывать. Владис следил за ним, ожидая возражений, но центурион только уточнял число людей на каждом участке. Когда закончил, поднял глаза.

— План не по уставу. Если не выйдет, спрашивать будут не с замочника.

— Со мной запиши.

— Уже.

Фавий придержал дощечку, которую Аврел собирался убрать.

— А носить кто будет? Все твои уже во дворе.

— Двоих оставим, — сказал Бард.

— Со щитами? Носилки зубами возьмут?

Владис зачеркнул две отметки у ворот и перенёс их к дороге. Терен указал сухую площадку под склоном, но лекарь оттолкнул его палец.

— Сюда по ступеням таскать. Мне ниже.

— Ниже вода.

— Лучше мокрые сапоги, чем уронить человека.

Они выбрали край оврага, где можно было уложить настил из веток. Аврел дописал поручение и забрал дощечку прежде, чем Щепа успел нарисовать на ней ещё одну петлю.

— Всё. По местам. К рассвету должны быть под стеной.

Кенши задержался у потухшего костра, пересчитывая стрелы. Отложил две с кривыми наконечниками. Владис протянул за ними руку, но эльф накрыл их ладонью.

— Сам выправлю. Иди спи.

— Боишься?

— Да. Поэтому и проверяю. Утром пригнуться не забудь.

* * *

К оврагу подошли затемно. Стена выступала на фоне неба неровной тёмной полосой. Знамени над воротами не было. На одном из выступов двигался человек, затем исчез, и Гарц тихо указал дальше.

— Шестерых вижу. Считай, втрое больше.

— Почему?

— Эти высовываются. Остальных увидишь, когда полезешь.

Терен первым спустился на край оврага. Проверил землю, показал, куда ставить ноги. Следующие передавали указание шёпотом. Один раз камень сорвался вниз и громко ударился о другие. Все замерли. На стене ничего не изменилось.

Щепа двигался почти без оружия, чтобы не цепляться за выступы. Инструмент нёс прижатым к животу. Гарц пошёл за ним, придерживая топор у самого лезвия. Владис дождался, пока оба скрылись за поворотом, и поднял руку, останавливая остальных.

Ждать оказалось тяжелее, чем идти. Люди теснились в узком месте, стараясь не шуметь. Сзади кто-то наступил на край чужого плаща; шёпот прошёл по ряду, и Аврел сердито приложил палец к губам. Владис смотрел на край стены. Щепы не было видно.

Кенши лёг выше, за корнями. Лук уже находился в руках. Когда наверху появился часовой, эльф не стал стрелять. Дождался, пока тот отвернётся, и продолжил следить.

— Долго, — прошептал Гарц, вернувшись на несколько шагов. — До створки дошёл. Петлю смотрит.

Владис кивнул, не опуская руки.

Наконец из-за выступа показалась ладонь. Сжалась, снова раскрылась.

— Пошли!

Передние двинулись к воротам. Кенши поднялся на колено, выпустил стрелу. На стене крикнули. Сразу за первым криком раздался второй, и к воротам побежали уже открыто.

Щепа успел вытащить расшатанный крепёж у нижней петли. Створка просела, открыв узкую щель; дальше не двигалась, хотя замочник тянул обеими руками, упершись каблуком в кладку. Внутри поперёк лежало бревно. Защитники успели подпереть ворота после первого окрика со стены.

— Подпёрли! — крикнул он. — Бревно изнутри, мать его!

Сверху ударило копьё. Щепа отдёрнул руку, и наконечник вошёл в землю возле пальцев.

— Голову пригни! — Кенши выпустил ещё одну стрелу.

Гарц оттолкнул Щепу с линии удара и загнал топор в щель. Навалился на рукоять, отжимая дерево. Бревно за воротами покатилось, ударилось о подпорку и остановилось. Внутри тоже тянули створку, не давая развернуть. Раненая нога Гарца съехала; он опустился коленом в грязь, но рукоять не выпустил.

— Тяни! Пока я тут не сдох!

— Не сдохнешь! Ты мне в кости должен!

Щепа просунул в щель руку с коротким ломом, поддел край бревна. Изнутри ударили древком по его пальцам. Замочник выдернул кисть и от души выругался, а Владис закрыл его щитом, выставив меч в разошедшиеся доски.

— С той стороны давят! — крикнул Гарц. — На меня навались! Не на железо!

Владис прижал плечо к створке рядом с ним. Подбежали двое из задних, но третий сразу застрял: дорожка у стены

оказалась слишком узкой, чтобы все взялись разом. Аврел схватил его за пояс и выдернул назад, освобождая место для замаха.

— Передних не мните! Кенши, над воротами!

Эльф выпустил стрелу в тёмный промежуток между зубцами. Копьё, которым били по рукам, исчезло. Щепа снова завёл лом, на этот раз глубже, и рванул вверх. Дерево внутри глухо бухнуло — бревно соскочило с подпорки.

— Раз-два! Взяли!

Створка подалась внутрь. Гарц выдрал топор, в последний миг отведя руку от схлопнувшейся щели. Ворота распахнулись с таким грохотом, что крик защитников потерялся за ним. Владис провалился вперёд вместе с досками, устоял на колене и отбил щитом направленный ему в лицо клинок.

— Вперёд! Проход держать!

Люди Барда ворвались во двор. Аврел остановил задних, чтобы не смяли своих. Терен кричал у ворот:

— Влево! Справа яма! Влево, там сухо!

За воротами штрафники рассыпались по двору, уклоняясь от встречных ударов. Всё, что Гарц показывал камнями на карте, теперь мешало под ногами: мешки у колодца, бочки вдоль стены, глубокая лужа справа. Один из передних угодил в неё почти по колено, попытался выскочить и тут же получил удар по шлему. Бард вцепился ему в ворот, протащил обратно к сухому краю. Двое его людей оттеснили преследовавшего к створке.

— От ворот! — крикнул он. — Не закрывайте проход!

Бард отступил на шаг, освобождая середину. За его спиной уже тащили раненого. Фавий подхватил у самых ног, почти волоком вытянул наружу и вернулся за следующим.

Слева ударило железо. Владис повернулся слишком поздно. Тяжёлая булава врезалась в щит, расколов верхнюю доску, и отбросила его назад. Он упал на камни, ударился затылком. Свет на мгновение пропал, но сознание не ушло: он слышал звон, крик Аврела, чьи-то шаги возле головы.

— Третий! Щиты сомкнуть! Держать двор!

Владис попытался сесть. Рука скользнула по мокрому камню. Кто-то наступил на обломок щита, прижав ремень, и пришлось дёрнуть плечом, чтобы освободиться. Люди вокруг пятились к воротам. Они видели, как упал Владис, но не видели, что с ним. Один бросился к нему, другой вытянул руку, пытаясь остановить отступавших; копья заднего ряда упёрлись в спины своих. Аврел кричал всё громче, а строй так и не получался. Владис узнал эту беспорядочную тесноту: ещё немного, и люди рванутся в один проход, затопчут носильщиков и сами застрянут под ударами.

— Владис! Вставай, мать твою!

Щепа схватил за пояс и рывком поднял. Во рту оказалась кровь. Владис сплюнул, стиснул остаток щита и вскинул его над головой.

— Третий! Ко мне! Раз-два — взяли!

Щиты лязгнули. Первый ряд подался вперёд, второй сомкнулся за ним. Копья вышли между плечами. Аврел оборвал собственную команду и сразу встал сбоку, направляя тех, кто ещё выбирался из прохода.

— Левее! Не оставляй промежуток!

У колодца ещё держались трое защитников. Они не хотели уходить к остальным, понимая, что там прижмут к стене. Один бросился к разрыву между щитами, и Владис едва успел крикнуть. Аврел сам шагнул в промежуток,

принял удар, отступил на полшага и упёрся. Солдат рядом подставил плечо. Линия восстановилась.

— Здесь! — крикнул центурион Владису, показывая на узкое место между мешками.

Тот увидел. Приказал не давить прямо, а обходить слева. Передние разворачивались медленно, потому что за спиной ещё проходили раненые. Бард удерживал своих возле створки, хотя оттуда кричали помочь во дворе. Он ответил руганью и не сдвинулся. Именно через оставленный им просвет Фавий сумел вытянуть человека, которого прижало упавшим щитом.

Кенши появился на низком выступе у ворот. Не стрелял в общую схватку, где свои стояли вплотную к чужим, а следил за лестницей на стену. Стоило кому-нибудь спуститься с поднятым оружием, эльф направлял туда лук. Несколько защитников, заметив его, остановились и остались наверху, не решаясь продолжать.

Владис приказал подать копья. Древки прошли из заднего ряда, упёрлись наконечниками перед теми, кто держался у колодца. Первый из них опустил меч. Остальные переглянулись. Третий ещё пытался развернуться для удара, но товарищ схватил его за локоть и что-то сказал. Все трое медленно отступили к стене с пустыми руками.

Теперь Третий двигался вместе. От колодца к дальней стене, шаг за шагом. Защитник с булавой попытался снова ударить, однако копьё оттеснило его раньше, чем он замахнулся. Его прижали к бочкам. Другой бросил меч, подняв пустую руку.

— Оружие на землю! — крикнул Аврел. — На землю, я сказал!

У дальней стены железо падало одно за другим. Аврел принимал сдававшихся, направляя каждого в сторону от

брошенных мечей. Владис ещё держал обломок щита, когда увидел Рациуса возле ворот. Легат Второго прибыл во время штурма и наблюдал, как после его падения люди едва не отдали двор. Теперь Рациус переступил через выломанную доску и подошёл к пленным, давая Аврелу закончить работу.

* * *

У створки лежали трое. Фавий опустился возле одного, быстро разрезал одежду и позвал помощников. Двух других отодвинул, чтобы не мешали проходу.

— Этих потом.

Владис уже знал, что значит это слово у лекаря. Он присел рядом с живым.

— Что держать?

— Здесь. Сильнее. Не отпускай.

Ткань под руками быстро потеплела. Владис надавил, и раненый дёрнулся, открыв рот. Фавий велел держать ещё сильнее.

Аврел подошёл со стороны двора.

— Легату доклад нужен.

— Доложи. Я занят.

Центурион посмотрел на руки Владиса. Кивнул и ушёл. Через некоторое время привёл двоих с носилками, помог освободить место и снова вернулся к пленным.

Удержать укрепление было мало. Нужно было проверить стену, закрыть повреждённые ворота, выставить караул, пересчитать оружие. Бард кричал наверх, требуя, чтобы оставшиеся защитники спустились без мечей. Терен показывал, чем подпереть створку. Щепа, ещё недавно ломавший её с такой злостью, теперь сердился, что петлю выдрали вместе с куском дерева.

— Я же говорил, придержать надо было! Теперь крепить не к чему!

Гарц стоял рядом, опираясь на топор.

— В следующий раз постучим. Вежливо попросим открыть.

Щепа выругался, но дал ему конец верёвки.

Раненого донесли до телеги живым. Фавий не обещал, что тот выживет дальше, и Владис не стал спрашивать. Помог уложить, поправил под головой свёрнутую одежду, затем пошёл за водой. Кровь не отмывалась сразу. Он тёр ладони песком и снова поливал, пока не заметил, что содрал кожу у большого пальца.

Кенши подошёл с собранными стрелами.

— Для такой стены мало, — сказал он после переклички.

Владис держал открытый Кодекс. Потери оказались меньше, чем на броду, но сейчас это не утешало.

— Я их поставил у ворот. Знал, куда будут бить.

— В другое место поставил бы — больше легло.

— Знал и это.

Эльф сел рядом, вытянув ноги.

— Ты хотел вести их через овраг, потому что на склоне положили бы больше. Всё верно. Только у ворот тоже бьют, Владис. Я оттуда стрелы сейчас собирал. Не вздумай завтра стоять без плана из-за того, что этот кого-то не спас.

Владис записал последние имена. Отдельно оставил место для того, кто лежал на телеге. Пока возле него черты не было.

Гарц уехал к вечеру. Собрал своих солдат, проверил, все ли получили перевязки, и подошёл проститься.

— Второй обратно ждёт. Рациус на одно дело отпускал.

— Спасибо за ворота.

— Спасибо в кости не проиграешь. Выживешь — отыграюсь.

Он махнул рукой и пошёл к проходу, заметно прихрамывая. Владис смотрел, как знакомая фигура исчезает за повреждённой створкой, и думал, что в следующий раз непременно посадит его играть подальше от новобранцев.

* * *

Рациус дописал строку и только тогда поднял голову.

— Видел двор. Аврел командовал, а они ждали, когда ты встанешь.

— Аврел хороший командир.

— Хороший. Поэтому не стал кричать громче тебя, когда люди наконец пошли.

Легат подвинул лист. Внизу стояли подпись и печать Второго.

— Представление в Драевиль. Легатом Третьего — тебя.

Владис не потянулся к бумаге.

— Подпишут?

— Поморщатся. Посчитают. Подпишут. Им нужен легион, а не бунт в штрафном.

— А если нет?

— Тогда вернёмся к разговору о столбе. Только теперь, вероятно, оба.

За шуткой не было веселья. Рациус поставил свою печать под решением, которое ещё предстояло защитить перед людьми, не видевшими двора. Владис наконец взял лист и прочёл. Его полное имя стояло перед названием легиона.

— Владиславий, — произнёс он вполголоса.

— В Драевиле любят, чтобы имена занимали положенное место. Не испорти впечатление.

* * *

Пока представление шло в Драевиль, Третий устроился в отбитом укреплении. Щепа починил ворота, Фавий занял для раненых сухое помещение, Аврел сводил новую ведомость. В один из вечеров Хорь притащил чёрную ткань и развернул перед всеми, чуть не задев лампу.

— Теперь не говорите, что мне нечего поручать.

Полотно растянули на коленях. Щепа распоряжался иглой, Сорока подрезала края, Бард держал свет. Владису велели не отпускать угол и не мешать вопросами. Белые и красные детали ложились на чёрное неровно, но постепенно собирались в единый знак.

На одном из поворотов шва Владис замер. Белое и красное на чёрном напомнило незнакомый знак, увиденный после Унго. Только теперь перед ним лежала обычная ткань, тёплая от чужих колен, а Щепа сердился, что он ослабил натяжение.

— Держи. У меня двух рук на всё не хватит.

Владис снова натянул край.

Указ пришёл позже, когда знамя уже можно было поднять. Аврел собрал людей перед укреплением. Читал громко, чтобы слышали раненые возле телег.

— По представлению легата Второго Рациуса. Владиславий из Зоренки — легат Третьего. Штрафной статус с подразделения снят.

Хорь первым полез к номерной нашивке. Дёрнул, не сумел оторвать последний шов и потребовал у Щепы нож. Замочник дал, сам задержав древко между коленями. За передним рядом кто-то громко переспросил, точно ли снят штрафной статус, и Аврел прочёл эту строку ещё раз — теперь с заметным удовольствием.

Сзади заговорили все сразу. Кто-то требовал повторить, кто-то хлопал соседа по плечу. Щепа так сильно дёрнул древко, что знамя качнулось над головами, и Бард подхватил снизу, помогая удержать.

Кенши подвёл Владиса к телеге. На чёрных латах ещё висели торговые бирки.

— Заказали, когда тебя старшим поставили. Всем Третьим скинулись. Казённых денег не брали.

— Меня спросить забыли?

— Запретил бы.

Владис провёл ладонью по нагруднику. Знак выковали в металле, выделив красной эмалью. За спиной уже спорили, кому какой наплечник подходит. Фавий пробовал наклониться, Щепа проверял крепления. Терен прикидывал вес и просил не выбрасывать старые ремни.

— Больше без согласования не заказывать, — сказал Владис. — Каждый отвечает за свою броню.

Кенши кивнул, пряча улыбку.

— Есть, легат.

Аврел подошёл с новой ведомостью. Владис сразу положил на неё руку.

— По именам. Всех. Номеров больше нет.

Сорока выглянула из-за плеча центуриона.

— Мне тоже имя придумаешь?

— Нет. Узнай лучше, что о нас пишут в Драевиле. И кто раньше других читает.

— Вот это другое дело! — Сорока забрала у Аврела лист, который он собирался подшить, и вернула, показав на пропуск. — А здесь моё прозвище потерял, центурион. Я с вами и брод прошла, и ворота. В столице тоже справлюсь.

* * *

Орк умолк, прислушавшись к звуку за дверью. Гость тоже повернул голову, но снаружи только прошёл кто-то по мокрой земле.

— Первый легат Третьего, — сказал Гость. — Значит, прежде такого легиона не было?

— Название было. Люди были. А знамя пришлось сшить самим.

Рассказчик подвинул кружку, освобождая место на столе.

— Бумага пришла, когда они уже знали, кто под ним встанет.

Глава XII. Дочь Императора

Перед штабом Первого Владис остановился и поправил перевязь. Новые латы уже не казались чужими, но стоило приблизиться к посту, как снова захотелось проверить каждую пряжку. Терен держал карту под мышкой. Аврел просматривал записи о раненых, загибая угол листа, который требовалось показать первым.

Кассий вышел им навстречу. Поздоровался со всеми, задержал взгляд на чёрном знаке Третьего и чуть заметно улыбнулся.

— Рапорт здесь читали. Сначала рассказывать не придётся.

Владис вытащил руку из-под перевязи и одёрнул плащ, прикрывая помятое крепление. Кенши напоследок посоветовал не садиться на чужое место и не трогать оружие на стенах; другого представления о встречах двух легатов у Владиса пока не было. После лагеря, где его по-прежнему окликали из-за котла, караул Первого и раскрываемый перед ним полог действовали странно.

Постовой отступил, пропуская их. Кассий откинул полог.

За штабным столом стояла женщина. Она придерживала рукой большую карту, пока писарь убирал с края несколько листов. Услышав шаги, подняла голову. Владис замедлился, решив, что пришёл не вовремя: командира ещё нет, а здесь заканчивают другое дело.

Короткие огненно-рыжие волосы открывали сильное собранное лицо. Зелёные глаза смотрели прямо; светлая кисть удерживала карту без усилия. По крепким плечам и тому, как женщина стояла у стола, было видно, что доспехи она носила привычно.

— Легат Маргариана, — сказал Кассий. — Владиславий из Зоренки. Командир Третьего.

Владис посмотрел на знак Первого, затем на Кассия. Центурион держался совершенно серьёзно. Женщина тоже ждала, не пытаясь облегчить ему заминку.

— Так Первый… под вашим командованием?

— Под моим. Первый вы уже видели. Теперь познакомились с командиром. Пропустите землемера, Владиславий, он за вами с картой застрял.

Он поспешно посторонился. Терен прошёл мимо, положил свой свёрток и начал расправлять, прижимая ладонями загнувшиеся края. Владис почувствовал, что краснеет, и сердился на себя за это ещё больше.

— Дочь Императора Сарицианиа, — добавил Кассий.

— Кассий, мы обсуждаем переправу. Звания достаточно.

Маргариана повернула к Владису небольшую дощечку с порядком движения обозов.

— Мои раненые дошли. Это благодаря Третьему. Но вопросы к вашему отходу у меня остались.

— У меня тоже, — ответил он.

Она задержала взгляд на его лице, затем освободила Терену больше места. Ни номера, ни приговора не спросила. Аврел приготовился читать перечень людей и остановился, когда Маргариана указала на принесённую карту.

— Сначала местность. Потом решим, как проводить обоз.

На штабной карте река шла почти прямо. Узкий изгиб возле переправы обозначили аккуратной синей линией, опоры поставили по обе стороны. Терен разложил свою поверх и сразу сдвинул край, чтобы можно было видеть оба варианта.

— Здесь вода уже не так идёт. Этот берег подмыло. Опора встанет над ямой.

Маргариана наклонилась.

— Насколько старая основа?

— Лет десять. За это время река на полсотни шагов ушла. Тут, где брод, сейчас глубина с человеком.

Кассий взял штабной лист, проверил дату в углу.

— Прошлая весна.

— Значит, перерисовали прошлой весной, — сказала Маргариана. — Сам берег не смотрели.

Маргариана сдвинула штабную карту к самому краю. Терен потянул её обратно: удобнее показывать ошибку, когда оба берега лежат рядом. Она освободила для него середину стола и подала тяжёлую чернильницу прижать скрученный угол.

— Что можно использовать?

Терен показал верхнюю дорогу. Объяснил, где грунт выдержит телеги, какой пролёт нужно укрепить и куда нельзя пускать тяжёлое. Маргариана задавала вопросы быстро, не давая уходить в сторону. Сколько людей поставить у опоры? Как завести брус? Откуда видно, что край начал проседать?

Владис сначала только слушал. Ждал ошибки, непонимания простого слова, приказа сделать невозможное к назначенному часу. Но Маргариана понимала ответы и спрашивала именно там, где на месте пришлось бы задержаться. Терен перестал поглядывать на него и заговорил свободнее.

— Рабочих дадите — до вечера сделаем. Если торопить не будете.

— Рабочих получите. К вечеру участок должен быть готов. Утром пойдёт Первый.

— Раненых раньше, — сказал Владис.

Маргариана повернулась к нему.

— Когда проверят настил.

— Им ещё ночь в поле лежать нельзя. Фавий и так половину на руках держит.

— Непроверенная телега перевернётся. Закроет проход и вашим, и моим.

Владис указал на место выше реки.

— Пока здесь будут ждать, люди умрут.

— А если пустить до проверки, умрут в воде. Порядок движения существует потому, что до нас уже пробовали идти все сразу.

— Удобно порядок писать, когда не сам в телеге лежишь!

Аврел неловко задел локтем стол. Кассий поднял руку, собираясь вмешаться, но Маргариана резко повернулась к нему, останавливая.

— В шестнадцать лет я стояла у переправы, которую продавил обоз с ранеными. Центурион тоже пожалел людей: решил пустить раньше проверки. Телега упала и перегородила путь следующим. Мне продолжить?

Владис убрал ладонь с карты. Возразить было нечем, а согласиться означало вернуться к Фавию с приказом ждать. Он уставился в нарисованную реку, прикидывая, можно ли хотя бы часть лежачих перенести на руках.

Терен осторожно придвинул к себе оба листа.

— Можно совместить.

Маргариана сразу повернулась к нему.

— Первую подводу без людей. С грузом по весу. Прошла — раненых вслед. Пока второй пролёт крепят, первые уже на берегу.

— Груз какой?

— Песок в мешках. Камень. Сколько весит телега с лежачими, столько и положим.

— Кто проверяет после первого прохода?

— Я. И люди у опор. Сигнал с той стороны, когда всё встало.

Маргариана взяла перо, обозначила порядок возле края карты. Уточнила, где будут ждать следующие, чтобы не налезали на настил. Попросила Аврела число телег. Центурион наконец нашёл применение своим листам и зачитал, отделяя лежачих от тех, кто мог перейти с помощью.

— Хорошо. Проверочная подвода. За ней раненые Третьего, потом Первого. Кассий, запишите, что изменено по предложению землемера.

— Спасибо, — сказал Владис.

— Не мне. Терен нашёл способ. Если бы не нашёл, порядок остался бы прежним.

— Пусть будет по его, — ответил Владис и придвинул Аврелу список своих телег. — Впиши порядок сейчас, чтобы на берегу снова не спорить.

Терен попросил уточнить ещё одно. На схеме верхняя дорога выходила к лагерю Первого через узкое место. Если там остановят передовую телегу для проверки документов, следующие встанут на спуске. Развернуть их будет невозможно.

Маргариана подозвала Кассия.

— Пост предупредить. Список обозов передадим заранее. Проверка на ровном, за съездом. На спуске никого не задерживать.

— Сделаю.

* * *

Кассий собрал необходимые распоряжения. Терен ещё задержался возле стола, перенося пометки на свою карту, а Аврел вышел передать заявку на рабочие руки. Владис уже собирался попрощаться, когда Маргариана добавила:

— Как закончите, сигнал Первому. Самостоятельность легиона не означает, что соседи должны угадывать ваши действия.

— У Унго соседей тоже ждали.

Он сказал это быстрее, чем успел решить, стоит ли начинать. Терен перестал сворачивать карту.

— Вы считаете, командование должно было заранее знать исход боя? — спросила Маргариана.

— Считаю, нам не должны были говорить, что Десятая держит переправу, если её там нет.

— Десятая когорта?

— Да. Нам сказали, ждёт помощи. В бумагах потом оказалось, что она в другом месте. По плану. А мы пошли к ней через реку.

Маргариана положила перо.

— Покажите запись. И тех, кто подтвердит.

— На суде мне договорить не дали.

— Здесь вы не на суде.

Владис посмотрел ей в лицо. Она всё ещё слушала, но теперь в её взгляде появилась жёсткость, которой не было при разговоре о настиле. Он задел не только чужое военное решение.

— Войну объявил мой отец, — сказала Маргариана. — Приказы подписывали назначенные им люди. Если хотите обвинить его, говорите прямо.

— Я не знаю, кто нас послал. Никто не называет. Везде бумага, а за бумагой ещё одна.

— Мой отец не прячется.

— А те, кто под ним?

Маргариана упёрлась обеими руками в стол. Кассий шагнул к пологу, закрывая его от ожидавших снаружи. Владис понял, что сейчас выгонят — и вопрос об Унго снова останется без ответа.

— Я не был у вашего отца. Не знаю, что ему говорили.

— Меня на участке Унго тоже не было.

— Но сводки вы получали.

— Назначения проходили через Сенат. Мне сообщали участок, силы и задачу. О соседях я знала из того же донесения, которое присылали остальным.

— О Десятой там было?

— Нет, — отрезала она. — О Десятой в моих сводках не было.

— Принесите то, что можно проверить. Переправу сегодня закончить. Остальное обсуждать будем отдельно.

Терен свернул карту. Владис поклонился неловко, слишком резко, и вышел вслед за ним. Кассий проводил их до края штаба, но о разговоре ничего не сказал. Только ещё раз уточнил, куда присылать людей.

Аврел догнал уже у дороги.

— Что случилось?

— Спросил про Унго.

Центурион вздохнул.

— И?

— Теперь надо закончить переправу.

Терен, шедший впереди, не обернулся. Его заботило, что обещанные брусья могут привезти позже рабочих. Своё мнение о разговоре он оставил при себе.

* * *

На месте спорить было некогда. К воде уже подвели телеги, и возчики сердились, что их отправляют вверх, удлиняя дорогу. Щепа стоял на старом настиле и показывал одному из них свежую щель. Тот продолжал возражать, пока доска под ногой не хрустнула. После этого сам отвёл лошадь назад.

Рабочие Первого пришли с инструментом. Сначала держались отдельно от Третьего, привычно ожидая команды своего офицера. Кассий показал им Терена.

— Распоряжения по работе от него.

Землемер распределил людей без церемоний. Одних к опоре, других разгружать брус, ещё четверых на верхнюю дорогу, проверить спуск. Владис помогал расставлять телеги так, чтобы сохранялся проход к раненым. Аврел отмечал прибытие, договаривался с возчиками и не позволял загруженным подводам подходить ближе раньше времени.

Фавий уложил своих под навесом. Кого-то пришлось перевязать заново после утреннего пути. Сорока подавала воду, Бард искал сухую ткань, Кенши следил, чтобы любопытные не мешали рабочим у берега.

— Где дочь Императора? — спросил Щепа, когда Владис подошёл проверить настил.

— В штабе.

— Я думал, сама покажет, куда молотком бить.

— Она дала людей. Бей туда, куда Терен говорит.

Щепа посмотрел на него внимательнее и перестал улыбаться. Устроил крепление, подал знак двоим держать брус. Ударил раз, другой. Скоба села плотно, и он попросил следующую.

Работа двигалась медленно, но теперь Владис понимал почему. Каждый положенный брус приходилось проверять по отдельности; доска, казавшаяся крепкой сверху, могла качаться у дальнего конца. Терен не позволял закрывать настил, пока не осмотрит опору снизу. Люди ворчали, ожидая, но после того, что уже случилось у старой переправы, спорить не решались.

Один из рабочих Первого замахнулся молотком прежде, чем Терен вышел из-под опоры. Щепа поймал его за

запястье и дёрнул так, что инструмент едва не полетел в воду.

— Куда бьёшь? Тебе махнули?

— Мне приказано к вечеру закончить! А ты третий раз с одной доской возишься!

Солдат рванул руку к себе. Щепа не отпускал. Владис успел встать между ними, пока дело не дошло до драки.

— Терен! — позвал Владис.

Землемер поднялся снизу, вытер руки о штаны. Присел, надавил на край доски. Другой конец поднялся на палец.

— Подкладка ещё не встала. Забьёшь — потом выдирать.

Солдат замолчал. Щепа уже собирался торжествовать, но Владис остановил и его.

— Объясни прежде, чем за руки хватать. Он не видел, что снизу.

Щепа недовольно отвернулся. Через некоторое время всё-таки позвал того же солдата держать брус. Вместе переставили подкладку, проверили, дождались кивка Терена. Молоток застучал снова, теперь без спора.

Кассий сразу отозвал остальных рабочих и заставил повторить, чьего сигнала ждут. Под настилом пока оставались люди; очередной удар молотком мог прижать им руки.

К полудню принесли мешки для проверочной подводы. Их пришлось взвешивать не весами, а сравнением груза, который обычно везли те же телеги. Аврел потребовал записать, что положили. Щепа обозвал его писарем, но мешки пересчитал и показал каждый.

Владис увидел, как Фавий выходит из-под навеса, и сам подошёл к нему.

— Долго ещё? — спросил лекарь.

— Первую готовят.

Фавий оглянулся на раненых.

— Я с ними пойду. Переднюю подводу не трясите на съезде. Там у одного бок, он каждую выбоину чувствует.

Владис передал возчику. Тот кивнул, потом сам спустился к дороге и убрал несколько камней. Эта простая работа подействовала лучше обещаний. Фавий перестал стоять у самого настила и вернулся к людям.

Когда подвели проверочную телегу, вокруг стихло. Лошадь переступала перед свежими досками, неохотно вытягивая шею. Терен встал сбоку, откуда видел край опоры. Щепа присел у креплений. Кассий остался перед въездом, удерживая остальных.

— Веди, — сказал землемер.

Первое колесо взошло на доску. Она прогнулась, но встала на место. Второе прошло следом. Телега двигалась медленно, мешки покачивались, и Владис поймал себя на том, что задержал дыхание.

У середины что-то треснуло. Возчик остановился.

— Не дёргай! — крикнул Терен.

Щепа лёг на живот, посмотрел под край. Провёл рукой по соединению, выругался и поднял голову.

— Крайняя щепа. Держит.

Терен проверил сам. Только после этого велел продолжать. На другом берегу рабочий поднял руку. Телега вышла, колёса спустились на землю, и люди заговорили разом, словно каждому требовалось освободиться от задержанного воздуха.

— Ещё не всё, — остановил их Терен. — Опоры смотреть.

Проверили. Усилили одно крепление. Фавий уже стоял возле первой телеги с ранеными, держа лошадь под уздцы, и ждал, не задавая вопросов.

Владис подошёл к нему.

— Теперь можно.

На настил они вошли вместе. Фавий следил за лежачими, Владис за колёсами. Позади Кассий остановил следующую подводу, не позволяя сократить расстояние. С другого берега Терен показал, куда поворачивать после съезда.

Первый раненый не открыл глаз до самой суши. Второй всё время смотрел вверх и сжимал край подстилки. Когда телега остановилась на ровном месте, он повернул голову к Владису.

— Прошли?

— Прошли.

Тот разжал руку. Владис только теперь заметил, как побелели пальцы.

* * *

К вечеру обоз оказался на верхней дороге. Последнюю тяжёлую телегу провели после укрепления второго пролёта. Терен устал так, что говорил ещё короче обычного. Щепа сидел у края, вытряхивая из сапога щепки, и сердился на собственный нож: кончик погнулся, когда пришлось поддевать застрявшее крепление.

Владис задержался у переправы, чтобы проверить с Кассием завтрашний порядок. Стало быстро темнеть. Рабочие собирали инструмент, а Терен ещё заставлял двоих держать свет у опоры: хотел запомнить уровень воды до утра.

Маргариана приехала без свиты. Привязала коня и прошла к настилу. Владис заметил её, когда она уже проверяла крайнюю доску носком сапога.

— Работу закончили, — сказал он.

— Вижу.

Она наклонилась над опорой, посмотрела вниз, затем прошла несколько шагов по мосткам. Владис двинулся рядом. Он ожидал замечания о задержке или возвращения к утреннему спору, но Маргариана молча осматривала сделанное.

— Здесь раньше была земля? — спросила она, остановившись у края.

— По старой карте.

— Ваш землемер прав. С ней половина обоза оказалась бы в воде.

— Он редко ошибается с водой.

Она достала сложенный лист. Владис узнал печать Первого.

— Кассий пишет: вышло сто четыре. Вошло сто двенадцать.

— Да.

— Вы всех записали?

Он посмотрел на её руки, державшие рапорт.

— Кого знал. Остальных узнал потом. Тех, кто не вернулся, тоже.

Маргариана сложила лист по старым сгибам. Благодарить ещё раз не стала. Об Унго не спросила.

— Завтра пусть Терен покажет моим остальные места, где берег изменился. Одной карты мало.

— Передам.

За их спинами рабочие убирали последний инструмент. Один попытался поднять тяжёлый ящик сам. Маргариана повернулась и велела позвать второго. Дождалась, пока оба возьмутся, затем продолжила осмотр.

Маргариана вернулась к коню, выдернула повод из размокшего узла и перехватила у самого железа. Конь попятился от качнувшегося у опоры огня; она осадила его, затем поставила ногу в стремя.

— Утром Первый пойдёт с положенным промежутком. Если кто-нибудь полезет раньше сигнала, остановите. Независимо от знака на плаще.

Владис кивнул. Она села на коня и уехала одна, как приехала.

Владис подождал, пока Терен закончит, забрал у него карту и проводил до лагеря. Землемер шёл, щадя натёртую ногу, и сердился, что два человека весь день так и не научились правильно держать лампу.

* * *

Кенши сидел у котла и придерживал для него свободное место. Когда Владис подошёл, эльф подвинул миску.

— Ну?

— Не знал, кто командует Первым.

— Теперь знаешь. Командовать умеет?

Владис сел, снял перчатки. На коже остались следы от мокрой верёвки.

— Умеет.

— Вот и ладно.

— Мы поругались.

Кенши невозмутимо зачерпнул еду.

— Заметил. Терен вернулся молчаливее, чем ушёл. Это сложно, но у тебя получилось.

Владис хотел ответить, однако тоже усмехнулся. Щепа с другой стороны требовал, чтобы эльф не загораживал свет: ему нужно было выправить нож. Фавий велел обоим отойти от раненого, которого только что удалось уложить спать.

Легат Третьего взял свою миску и подвинулся, освобождая проход.

* * *

Гость некоторое время рассматривал огонь, затем поднял голову.

— Она ему не поверила?

Орк провёл пальцем по краю кружки.

— В переправе поверила Терену. В броде Кассию. Об Унго ей ещё предстояло слушать.

Гость хотел спросить ещё что-то, но Орк вытянул руку к шевельнувшемуся полену. Из очага выскочили искры; оба отодвинулись, а рассказчик прижал полено кочергой.

— До утра настил выдержал, — продолжил он, устроив огонь. — Первый прошёл. А спор про Унго они с собой забрали, ещё надолго.

Глава XIII. Граница

Зима закончилась, оставив на Меже разбитые дороги и спорные холмы, которые каждая сторона продолжала считать своими. Третий успел привыкнуть к чёрному знамени. Старые номерные нашивки исчезли, новые латы перестали блестеть, а люди снова стояли перед конницей под зелёным полотном с золотым львом.

Владис узнал всадника, когда тот отделился от переднего ряда. Теперь между ними не было речной воды и тумана. Рыжие волосы выбивались из-под снятого шлема, на щите золотился тот же герб. Рыцарь остановился достаточно далеко, чтобы ни одна сторона не сочла встречу нападением.

Рыжие усы загибались над уверенным широким лицом. Светлые серо-голубые глаза смотрели спокойно, словно у них было достаточно времени на разговор, а не только несколько шагов между двумя войсками.

— На броду у тебя щитов было меньше.

— Вас тогда это не остановило.

— Не остановило, — согласился он. — Лорд Рилнборт. Будем хотя бы знать, с кем дерёмся.

— Владиславий.

Рилнборт коротко кивнул. Посмотрел на знамя Третьего, затем снова на него. Никакого вызова не произнёс, повернул коня и вернулся к своим.

Владис проводил его взглядом. Злости, которой следовало бы встретить противника, не было. Была тяжесть под рёбрами и память о последней песне Дрозда. На дальнем краю поля люди Рилнборта тоже проверяли оружие, поправляли ремни, разговаривали с соседями. Скоро всё это должно было закончиться.

— Он? — спросил Кенши.

— Он.

— Хороший рыцарь. С такими трудно.

Эльф проверил, удобно ли выходит стрела из колчана. Владис повернулся к своим. Аврел выравнивал ряд, Терен показывал Фавию сухое место позади. Щепа ругался с человеком, который положил запасное древко поперёк прохода. Обычные последние приготовления.

Гонец появился между войсками, когда передние уже опустили копья. Его конь спотыкался. Всадник держался одной рукой за гриву, другой поднимал свёрнутую бумагу и кричал, требуя остановиться. Сначала его услышали только ближние, потом крик передали дальше.

У гонца было узкое загорелое лицо; короткие волосы взмокли под шлемом, а щетина темнела на впалых щеках.

— Приказ Императора Сарицианния! Прекратить бой!

Владис поднял руку. Аврел повторил сигнал.

Гонец остановился, едва не свалившись из седла. Передал один лист Владису, другой подъехавшему Рилнборту. У обоих стояла императорская печать, но слова различались. Легату приказывали явиться в Драевиль, лорда просили приехать на общий совет держав.

— С севера Падшие, — выдохнул гонец. — Совет о вторжении. Немедленно.

Владис проверил печать. После Унго поверить неожиданной бумаге с первого взгляда не получалось. Рилнборт тоже дочитал до конца, затем передал распоряжение своему сопровождающему.

— По рядам: оружие опустить. Боя не будет.

— Аврел, пусть каждый услышит, — сказал Владис. — Дальние тоже.

Люди не сразу поверили. Впереди опускали копья, сзади всё ещё тянулись посмотреть, что происходит. Лошадей

отводили, щиты ставили на землю. На месте, где через несколько минут должны были лежать убитые, теперь стоял измученный гонец и жадно пил воду.

Один из легионеров начал смеяться. Тихо, неловко, будто хотел подать знак соседу, что можно выдохнуть. Сосед не ответил. Он всё ещё смотрел на конницу, ожидая, что рыцари используют остановку и ударят, пока Третий не готов. Аврел прошёл вдоль ряда, повторил распоряжение и приказал оставаться на местах до отхода передних.

Владис подошёл к Терену. Землемер уже сворачивал приготовленные для носилок верёвки.

— Ты слышал о таких? Падших?

— Слышать мало что значит. Нужно видеть, откуда идут.

— Гонец с севера.

— Он из столицы. На север другие ездили.

Терен сказал это без желания спорить. Владис посмотрел на посланца, вокруг которого собрались офицеры. Тот пересказывал сведения, полученные вместе с бумагами, и всякий раз уточнял, что сам на месте не был. Страшная угроза пока состояла из чужих слов. При этом она уже оказалась достаточно серьёзной, чтобы Император остановил очередной бой на Меже.

Фавий подошёл спросить, возвращать ли носилки к обозу. Владис ответил, что пока не надо: держать ближе. Лекарь кивнул, не требуя объяснений. Вместо облегчения у людей появлялось новое беспокойство, которому никто ещё не мог дать ясную форму.

* * *

Пока готовили сопровождение, Рилнборт подошёл к походному столу с колодой. Положил её на край ящика и вопросительно посмотрел на Владиса.

— Немного времени есть. Сыграем?

Владис посмотрел на своих. Аврел уже распределял обязанности, Терен обсуждал дорогу, люди спокойно разбирали поклажу. Каждый знал, что делать, и ждать возле них, только мешая, не было нужды.

— Сыграем.

Они сели напротив. Рилнборт сам раздал карты. Первые ходы делали молча, прислушиваясь к распоряжениям вокруг. Потом лорд указал на выложенный Владисом ряд.

— На переправе тоже любишь удерживать до последнего?

— Когда за спиной телега.

Рилнборт поднял глаза, но продолжать не стал. Партия вышла короткой, оба слишком часто отвлекались на подходивших людей. Когда потребовали последние распоряжения перед отъездом, карты собрали, не пытаясь превратить незавершённую игру в спор о победе.

— В другой раз, — сказал Рилнборт.

— Желательно не перед боем.

Он усмехнулся и убрал колоду.

В дорогу вышли раздельно. Первые полдня сопровождения держались так, чтобы можно было видеть оружие соседей. Потом расстояние постепенно сократилось. Приходилось выбирать одну и ту же сухую полосу, объезжать одну колею, останавливаться возле одного колодца. К вечеру Владис и Рилнборт ехали рядом.

— Ты мог уйти с брода раньше, — сказал лорд. — Мы видели, как ваш обоз поворачивает.

— Последняя телега ещё стояла.

— Первого?

— Да.

Рилнборт посмотрел на дорогу между ушами коня.

— Мы думали, за Империю держите.

— Империя нас поставила и уехала. За телегу держали.

Некоторое время слышался только стук копыт. Рилнборт поправил повод, пропуская встречную подводу.

— У меня оттуда тоже не все вернулись. Имена помню.

— Я записываю.

— Всех?

— Стараюсь.

Рилнборт отвёл коня к краю, пропуская встречных. На узкой полосе рядом с Владисом осталось место для одной лошади; когда телеги миновали, лорд снова занял его.

На второй день встречных подвод стало больше. Люди везли связки одежды, мешки, детей, которым не находилось места среди поклажи. Некоторые не отвечали на вопросы, только просили пропустить. Одна телега остановилась у края дороги, и сопровождающим пришлось помочь сдвинуть колесо из глубокой колеи. Рилнборт спешился сам. Владис взялся за другой борт. Подвода вышла, возчик заторопился дальше, забыв поблагодарить.

Лорд некоторое время смотрел вслед.

— Как думаешь, договорятся?

— Нас только гонец остановил.

— А там у каждого за спиной своя война.

До Драевиля добрались с дорожной грязью на плащах. Третий отвели в лагерь у столицы. Аврел получил приказ ждать, разместить раненых и держать людей готовыми к выступлению. Владис отправился во дворец, ещё не успев как следует поесть.

* * *

Зал оказался меньше, чем он представлял по разговорам о столице. Достаточно просторный для стола, сопровождающих и нескольких писарей, но голоса здесь не терялись. Каждое слово было слышно всем.

Сарицианий сидел во главе. Старый Император с трудом удерживал ладонь на подлокотнике. Когда начинала дрожать, прижимал сильнее и ждал, пока сможет продолжить. Рациус стоял возле кресла, наблюдая за прибывшими.

Белые волосы и короткая белая борода делали его лицо ещё бледнее. Под морщинистым лбом глубоко запали серые глаза. Император сидел согнувшись; тяжесть больного тела была заметна даже сквозь придворную одежду.

Владис занял указанное место. Рилнборт сел напротив. Среди представителей держав были люди, которых он прежде знал только по названиям на карте. Их объявляли, называли полномочия, извинялись за тех, кто не успел прибыть. Собрали оказавшихся поблизости: послов, командиров, тех, кто мог хотя бы обещать передать решение дальше.

— Север разорён, — начал Сарицианий. — Нужно определить рубеж, силы и дороги для подхода. Сегодня защищать придётся весь материк.

Писарь развернул карту. Владис следил за отметками, пока не назвали Орчий Союз.

Тонкие пальцы писаря двигались над отметками; на подушечках уже засохли чернила.

Ура-Борос.

Он узнал раньше имени. Огромные руки спокойно лежали на краю стола. Лицо, которое у Унго мелькнуло над

Октавием, теперь находилось в нескольких шагах, при ровном свете из окна. Владис вцепился в своё сиденье.

Орк посмотрел на него. Узнал тоже.

— Быстро ты тогда бегал, — сказал негромко.

Владис почти поднялся. Рациус заметил движение и коротко повернул голову. Ура-Борос уже смотрел на Императора, словно сказанное больше не имело значения.

— По нашим землям они прошли. Вы опять хотите ждать, пока мы примем удар?

— Теперь через Королевство идут, — ответил Рилнборт. — Дороги теряем быстрее, чем приходят вести.

Владис упёрся каблуками в пол. Рациус ещё смотрел на него, и он заставил себя разжать пальцы. Сесть как остальные. Слушать, сколько войск приведёт человек, убивший Октавия.

Посланник Триединства представился Лизиусом. Говорил спокойно, не тратя сил на возмущение.

Длинные серебристые волосы высокого тонкого эльфа были скреплены фибулой. Светло-серые глаза почти не меняли выражения на точёном лице; тёмно-зелёная ткань ложилась ровно на неподвижные плечи.

— Совету необходимо знать, кто возглавит общие силы. Империя вчера воевала с присутствующими. Сегодня просит подчиняться её приказам.

— Пока вы обменяетесь письмами, они будут у ворот, — сказал Рациус. — Сколько людей доступно сейчас?

— После договора о Кланхаре одного вашего слова недостаточно.

Владис поднял глаза. Название, связанное для него с голосом Кенши, прозвучало здесь как привычный довод в споре, который вели уже не первый год. Лизиус не смотрел на легата Третьего. Его разговор шёл с Рациусом и теми, кто сидел выше.

Вельдаро Светлый стоял, когда говорил. Даже рядом с остальными военными его доспехи казались тяжёлыми. Он представился святорыцарем и сообщил, что говорит за Дуократию до прибытия послов престолов.

Святорыцарь возвышался над сидевшими за столом. Серебряные латы несли жёлтые знаки; в прорези круглого шлема виднелись жёлто-золотые глаза. Ни волос, ни остального лица Владис разглядеть не мог.

— Пути для раненых и жителей открыть немедленно. Что касается моих рыцарей, я не передам их тем, кто ещё недавно закрывал перед нами границы.

Ура-Борос повернулся к нему.

— Ваши проповедники к нам с палашами приходили. Об этом расскажи.

— Мы обсуждаем вторжение.

— Вот и обсуждай. Чужих людей своей вере сначала не подчиняй.

Татия, мэр Толленграда, вмешалась прежде, чем спор успел перейти в крик. Она говорила от ВАГГ, пока остальные города не прислали представителей, и начала с подвод.

Тёмные волнистые волосы были собраны у затылка. На уверенном лице карие глаза смотрели поочерёдно на каждого, кто говорил о дорогах; неброское золото украшений чуть выделялось на синей одежде.

— Обозы найдутся. Охрана нужна. На каждом рубеже вы собираете пошлины, а когда грабят, дорога оказывается чужой. Сейчас кто за неё отвечает?

— Через мои земли пройдут, — сказал Рилнборт.

— Через ваши. За остальных лордов тоже отвечаете?

Он задержал ответ на мгновение. Лизиус воспользовался паузой, снова заговорив о едином командовании. Рациус напомнил старые обязательства. Ура-Борос ещё отвечал

Вельдаро, и некоторое время в зале шли сразу три разговора.

Сарицианий поднял руку.

— По очереди. Сначала рубеж и войска. Претензии потом.

На несколько мгновений стихли. Писарь указал место на карте, предложенное для сбора. Татия спросила о запасах. Рилнборт начал объяснять, какие дороги ещё открыты. Кажется, дело сдвинулось.

Татия протянула руку через стол и удержала край карты.

— Погодите. Вот этот склад ещё цел?

Писарь перебрал листы. Подвинул один, потом убрал: донесение было старым. Татия дотянулась до отметки и прикрыла её пальцем.

— А мы уже послали сюда обоз. Чья охрана?

Рилнборт отодвинул кубок, мешавший развернуть лист до конца.

— До этой развилки моя. Дальше должны принять имперские.

— Должны — или примут?

Рациус подозвал писаря. Пока тот искал нужное распоряжение, Лизиус потребовал оговорить, кому будут принадлежать склады после войны. Вельдаро заговорил о святынях на пути войск. Сарицианий ударил ладонью по подлокотнику, попытался перекрыть голоса и закашлялся. Рациусу пришлось оставить бумаги и подать ему воду.

— Начните с того, чем можете распорядиться без новых писем, — выговорил Император, отодвинув кубок.

Рилнборт подтвердил готовность своих всадников. Вельдаро обещал помощь жителям там, где уже находились его рыцари. Ура-Борос с шумом отодвинул стул.

— Мы сражаемся. Вы пока название выбираете.

— Сядьте, — велел Сарицианий.

Орк остался стоять. Возле его локтя лежала карта; край загнулся, закрыв часть северной дороги. Владис потянулся расправить его, но рука остановилась. Он снова увидел пальцы, сжимавшие клинок над Октавием.

Рилнборт дотянулся с другой стороны, распрямил лист и положил сверху кубок.

— Северный рубеж, — напомнил он. — Мы его даже не выбрали.

Вошёл новый гонец. Сапоги оставили на полу мокрые следы. Он поклонился Императору и передал донесение.

— Передовые у границ Империи. Земли Союза и Королевства уже прошли.

Писарь передвинул отметку. Владис следил за его рукой. Вот здесь ещё утром собирались создавать рубеж. Теперь маленький знак оказался южнее.

За столом снова спросили, кто будет командовать.

— Да сколько можно?!

Владис сам не заметил, как поднялся. Рилнборт замолчал. Лизиус повернул к нему голову, словно только теперь вспомнил, кто сидит у другого края.

— Пока делите власть, они полматерика прошли! Сколько людей ещё должно лечь, чтобы вы начали двигаться?

— Владиславий, — произнёс Рациус. — Решение о выступлении не принято.

— Мой легион готов. Я выведу его.

Стул скрипнул по полу. Владис вышел, не ожидая разрешения. За дверями стало тише, но почти сразу раздались шаги следом.

— Остановись. Это приказ.

Рациус догнал его у поворота коридора.

— До решения совета Третий остаётся в лагере.

— Падшим тоже прикажите ждать.

— Один легион весь материк не закроет.

— Тогда ведите остальных следом. На дороге встретим.

Рациус схватил его за предплечье. Не сильно, но достаточно, чтобы остановить.

— Ты понимаешь, что делаешь?

Владис посмотрел на его руку.

— Да.

Владис высвободил руку. За спиной Рациус ещё раз назвал его полным именем; он свернул к лестнице. У дворцовых ворот никто его не задержал. Рилнборт остался в зале.

* * *

Аврел встретил его возле лагерных ворот.

— Собирай. Выступаем против Падших.

— Договорились?

— Нет. Приказ мой.

Аврел шагнул наперерез, загородив узкий вход:

— Рациус знает?

— Велел ждать.

Аврел снял с пояса дощечку с печатью Третьего, но передать караульному не спешил.

— Нам только сняли штрафной статус.

— Знаю.

— Завтра вернут. Вместе со столбом.

— Если будет кому.

Кенши, проходивший за оградой, остановился. Фавий и Терен оторвались от телеги. Аврел увидел их и отступил в сторону, пропуская Владиса.

— В уставе нет, как поступать, когда шесть держав не могут договориться, — сказал Аврел.

— Запиши на меня.

— Привык уже.

Он подозвал караул, распорядился передать сигнал. Через несколько мгновений лагерь пришёл в движение. Кенши отправился за луком, Щепа к телегам, Фавий потребовал взять все носилки и всю чистую ткань.

Владис стоял у дороги и смотрел в сторону столицы. Ждал хотя бы гонца. Подтверждения, отмены, известия о других войсках. Никто не появился.

Аврел доложил готовность. Третий вышел один.

У первого поворота Аврел догнал легата с дощечкой. Под записью о выступлении оставалось место для подписи.

— Время выхода поставил. Подпишите.

Владис взял перо. Оно царапало: пришлось опереть дощечку о борт телеги.

— Если спросят людей, отвечать будут: исполняли приказ, — сказал Аврел.

— Мой.

— Так здесь и стоит.

Центурион дождался, пока Владис допишет, забрал дощечку и побежал к затору впереди. Легат пошёл следом. Возчик пытался провести широкую подводу между двумя колеями; Владис взялся за колесо и помог вытащить на северную дорогу.

* * *

Беженцы шли навстречу. Сначала отдельные подводы, потом целые группы пеших. Дорога сузилась от брошенных вещей, которые люди не смогли унести дальше. Солдатам приходилось разбирать заторы, разворачивать телеги, объяснять, куда идти после ближайшего поворота.

Среди бегущих Владис заметил женщину в потёртой одежде. Она шла спокойно, не потому что не устала, а словно давно решила, как будет расходовать оставшиеся силы. Остановилась возле солдат и посмотрела на место, где собирались ставить телегу.

Спутанные белые волосы, кое-где заплетённые в тонкие косицы, обрамляли узкое морщинистое лицо. Между прядями выступали острые уши. Жёлтые глаза смотрели внимательно, а выцветшая одежда висела на ней несколькими слоями.

— Поперёк не ставьте. Те, кого не ждут, обходить не станут.

— Кто идёт? — спросил Владис.

— Я ушла, когда увидела. Лучше слушайте тех, кто ещё может говорить.

Она повернулась к дороге. Владис попытался спросить имя, но ответа не получил. Терен попросил пропустить следующую подводу, и пришлось заняться ею.

Бард стоял над картой у обочины. Водил пальцем по дороге, потом поднял голову.

— Она на Зоренку выходит.

Владис не успел ответить. Над склоном что-то взмахнуло. Сначала он принял увиденное за разорванное полотнище, однако ткань сложилась за спиной человеческой фигуры. Это было крыло.

Люди на дороге закричали. Передние бросились назад, мешая тем, кто ещё не видел угрозы. Телега встала поперёк. Бард схватил лошадь под уздцы, Щепа толкнул колесо, разворачивая.

— За беженцами не бежать! — крикнул Владис. — Щиты сюда! Проход держать!

Изуродованные тела спускались со склона. Человеческие плечи, руки, головы — и движения, от

которых хотелось отойти как можно дальше. По щекам тянулись чёрные дорожки. Один солдат попятился, ударился спиной о соседа и остановился только после окрика Кенши.

— На руки смотрите! Не на лица!

Первый Падший обрушился сверху. Щит под ним прогнулся. Владис ударил снизу, почувствовал сопротивление и потянул меч обратно. Существо подняло голову. Глаза были обыкновенные, человеческие. От этого стало страшнее.

— У него кольцо! — выкрикнул кто-то рядом. — На пальце!

— Бей!

Владис тоже увидел кольцо. Но рука тянулась поверх щита к горлу солдата, и времени думать о том, кто её носил прежде, не было. Он ударил ещё раз. Падший свалился на дорогу, мешая подходившим сзади.

Кенши стрелял с края. Аврел собирал задних в плотный ряд. Бард с помощниками протащил последнюю подводу, не позволяя возчику бросить вожжи и убежать. Фавий уводил тех, кто едва держался на ногах.

Существа не отходили. Пока могли двигаться, пытались достать до щитов. Приходилось валить каждого, следить за руками, освобождать застрявшие клинки. Люди уже дышали так, будто целый день поднимались в гору.

У самой обочины один из Падших упал и снова поднялся, опираясь на изломанную руку. Солдат перед ним уже отвернулся к следующему противнику. Владис окликнул, но тот не расслышал. Пришлось шагнуть поперёк, подставить щит и принять толчок на себя. Тело навалилось всей тяжестью. Чёрные следы на лице оказались совсем близко.

Кенши ударил сбоку. Существо осело. Эльф тут же отступил, освобождая Владису место, и показал на лежащих впереди.

— За ними смотрите. Не поворачивайтесь, пока шевелятся.

Команду передали дальше. Люди начали отходить осторожнее, проверяя землю перед ногами. Терен отвёл последних беженцев по краю поля, потому что на дороге уже было невозможно пройти, не наступая на тела. Женщина с ребёнком остановилась, не желая лезть в грязь. Бард взял ребёнка на руки и пошёл первым. Она сразу последовала за ним.

Владис заметил, что тот солдат, который крикнул о кольце, держит меч слишком низко. Подошёл, положил ладонь ему на плечо.

— На меня смотри. Ты цел?

Солдат кивнул.

— Тогда помоги Фавию. Вон того поднимите вдвоём.

Человек послушался. Ему нужна была понятная работа, в которой руки могли делать знакомое. Владис проводил его взглядом и снова повернулся к склону.

— Последняя прошла! — крикнул Бард. — Дорога чистая!

Владис опустил меч. На обочине лежало тело с чёрными следами на щеках. Никто не кричал о победе.

Фавий позвал раненых и велел не трогать чужую кровь голыми руками. Объяснить, почему, не мог. Просто решил перестраховаться. Кенши вытер стрелу о траву, потом оставил её на земле.

— Такого я не видел.

— Теперь видели, — ответил Владис.

Терен подошёл с картой.

— До Зоренки пойдут здесь.

Владис нашёл знакомое название. Та же дорога, по которой он когда-то уходил из дома. Он ещё не успел представить возвращение, а уже должен был выбирать, где поставить щиты.

— Твоя? — спросил Кенши.

— Моя.

Он не стал больше рассматривать тела. Позвал Аврела, велел собрать тех, кто мог идти, и отдельно проверить телеги с ранеными. Землемеру указал место для остановки, где можно было развернуть карту. О доме предстояло говорить уже как о следующем рубеже, а не как о причине свернуть с дороги.

* * *

Гость долго не задавал вопросов. Орк ждал, не торопя. Снаружи ветер прижал что-то к стене и снова отпустил.

— Убийца друга сидел рядом, — наконец сказал Гость.

— Да.

— И Владис ничего не сделал.

— Вышел из дворца. Повёл своих к дороге.

Рассказчик поправил край плаща на колене.

— В Зоренке ещё не знали, что идут к ним. Владис знал.

Глава XIV. Зоренка

Карту держали вдвоём. Аврел прижал дальний край, Владис поставил ладонь возле знакомого названия. От места первой схватки дорога шла к деревне почти прямо. Падшим не требовалось искать другой путь.

— Рациус приказал ждать решения совета, — сказал центурион. — Мы уже вышли без разрешения. Теперь меняем направление.

— Если не перехватим у Зоренки, жители останутся перед ними. За выход и за этот маршрут отвечаю я.

— Я не об этом. Как возвращаться будем?

Аврел передвинул его ладонь, закрывавшую участок южнее деревни.

— Вот этот поворот. С ранеными тут пройдём?

Терен подошёл, увидел, на что они смотрят, и присел рядом. Бард опустился с другой стороны.

— Тут можно пройти, — сказал он. — За дворами, к южной дороге. Только через площадь не надо. Там с телегами встанем.

— Сначала выводим жителей, — решил Владис. — Терен с Бардом открывают дорогу. Щепа проверяет дворы. Остальные держат подход. Фавию оставить проход к кузне.

— Кузня каменная? — спросил лекарь.

— Да. Крыша низкая.

— Подойдёт.

— Тогда без остановки, — сказал Аврел, складывая карту. — Иначе раньше нас придут.

На знакомом повороте Владис замедлил шаг. Дорога оказалась уже, чем помнилась. В детстве здесь можно было бежать сколько угодно, не думая о конце; теперь взгляд сразу отмерил расстояние от ограды до канавы. Здесь

станут щиты. Тут пропустить носилки. Этот двор придётся оставить, если ударят с края.

— Вон твой, — сказал Бард.

Владис уже видел. Знакомая резьба на воротах, перекошенный край навеса, место у стены, где раньше стояла клетка. За оградами торопливо собирали вещи. Люди слышали о бегущих с севера, но до появления солдат ещё надеялись, что беда пройдёт другой дорогой.

Бард ушёл вперёд. Через минуту Владис увидел его среди толпы: обнимал мать, так и не выпустив повод из руки. Женщина прижималась к нему, что-то говорила, а он кивал и пытался одновременно показать соседям, куда вести телегу.

Владис отвернулся, чтобы не мешать. У другой ограды стояла мать Октавия. Под передником держала три буханки, стараясь другой рукой затянуть узел на мешке.

Русые волосы скрывал платок; из-под него Владис увидел серые глаза и знакомое узкое лицо. Женщина была худощава.

Она узнала его не сразу. Потом лицо изменилось, и женщина поспешила навстречу, придерживая хлеб.

— Владис! Живой! А мой где? С обозом? Он же вечно отстаёт, растяпа.

Он остановился. Приготовленные слова о южной дороге исчезли. Здесь Октавия ещё ждали; его отсутствие пока можно было объяснить обозом, чужим поручением, обычной медлительностью.

— Он погиб. У Унго. Я был рядом.

Женщина долго смотрела на него. Потом переложила буханки из одной руки в другую, будто они вдруг стали мешать сильнее.

— Рядом... Хорошо, что рядом. Он без тебя и шагу не делал.

Узел мешка распустился у неё под рукой. Владис потянулся помочь, но женщина прижала его локтем. За оградой требовали освободить проход. Одна из буханок съезжала; он поймал её и положил поверх остальных.

— Хлеб-то съел? — спросила она. — Три сунула ему. Ругался, на осаду собрала.

Владис сглотнул.

— Съел. Со всеми поделился.

Он не знал, было ли так. Женщина крепче прижала хлеб к груди.

— Ступай. Людей уводи. Поплачу потом. Когда время будет.

Он помог поднять мешок на подводу. Попробовал взять хлеб, но она не отдала. Пошла за телегой, прижимая буханки к себе, и Владис смотрел вслед, пока Щепа не позвал его от соседнего двора.

* * *

— Владис?

Он резко обернулся. Сильвия стояла совсем близко. Никакой торжественной встречи не получилось: между ними проехала телега, пришлось отступить к ограде, и он привычно начал объяснять путь.

— На юг уходите. Бард покажет, через площадь не…

— Я о тебе спросила. Посмотри на меня.

Сильвия встала между ним и проездом. Он хотел выглянуть из-за её плеча — там снова остановилась телега, — но она взяла его за локоть.

— Владис.

Теперь он увидел, как сильно она сжала губы.

— Ты раньше громче звала, — сказал Владис.

— Раньше было кого. Сейчас стоишь и дорогу считаешь.

— Считаю.

Сильвия отпустила локоть. На ремне под её пальцами осталась засохшая кровь; заметив её, Владис отвёл руку за спину.

— Я писал. Тебе письмо.

Сильвия не ответила сразу.

— Ничего не приходило.

— Вернули. Возчик продал. Рациус купил и отдал мне.

Он потянулся к сумке, где лежал сложенный лист, но остановился. Доставать его здесь, возле проезда, пока за спиной звали носильщиков, казалось неправильным. Сильвия следила за лицом, на сумку даже не посмотрела.

— Расскажешь сам. Только хоть минуту за дорогой не следи.

Владис попробовал. Стоял, глядя на неё, и всё равно различал каждый крик позади. Щепа требовал ещё одну лошадь, Бард звал хозяина застрявшей телеги. Он повернул голову раньше, чем успел удержаться.

Сильвия отступила к калитке.

— Пойдём. Здесь недалеко.

Во дворе почти ничего не изменилось. После смерти родителей Владис привык делать всё сам и потому сразу заметил, какие вещи лежат не там. Метлу переставили под навес. У стены появились новые связки сена. Клетка стояла на прежнем месте, и внутри суетились перепёлки.

— Кормила, — сказала Сильвия. — Бабеткис просо отдельно. Как велел. До сих пор делает вид, что голодная.

Владис засмеялся. Коротко, удивившись собственному голосу. Птица действительно толкалась возле прутьев с таким возмущённым видом, словно причиной его долгого отсутствия была не война, а личная небрежность.

Он присел, подставил пальцы к клетке. В сумке вместе с книгой лежало перо, которое носил всё это время. Здесь,

перед живой птицей, оно неожиданно перестало быть последним следом дома.

— Клетку на подводу возьму, — сказала Сильвия. — Сама поставлю. Не смотри так.

Владис поднялся. Хотел помочь, но с улицы его уже звали. Сильвия взялась за ручку клетки и кивнула на выход.

— Иди. Потом поговорим.

Он задержался у калитки.

— Письмо осталось у меня.

— Я поняла.

— Не знал, что из него оставить. Что говорить.

— А меня спросить нельзя было?

Ответа не нашлось. Он вышел, оставив письмо в сумке, а её вопрос при себе.

* * *

Первые подводы успели уйти до нападения. Бард провёл их по обходной дороге, Терен расставил людей у трудных мест, чтобы не позволять останавливаться поперёк. Щепа обежал дворы. Где хозяева не отзывались, открывал сам, проверял комнаты и возвращался с найденными отставшими.

Не все хотели уходить. Старик возле площади утверждал, что пережил достаточно набегов и в собственном доме знает, где спрятаться. Рядом женщина пыталась затолкать в уже полную телегу сундук. Лошадь не могла сдвинуть груз с места, колёса стояли в ямах. Аврел сначала объяснял, затем приказал снять сундук. Женщина обняла крышку обеими руками.

У старика из-под шапки торчали седые пряди, на обветренных щеках темнела щетина. У женщины сбился

платок; каштановые волосы липли ко лбу, пока она упиралась рабочими ладонями в сундук.

— Откройте, — сказал Владис.

— Не дам!

— Выбирать будете вы. То, что поднимете. Остальное под навес положим.

Женщина ещё крепче обхватила крышку. С передка крикнули, что лошадь надорвётся, и она наконец отпустила. Владис поставил щит у стены, помог поднять крышку. Из сундука доставали одежду, посуду, тяжёлые свёртки. Женщина всякий раз тянулась забрать выложенное, затем сама откладывала обратно. Когда в руках остался один узел, Аврел сдвинул сундук с телеги, и её удалось вытащить.

Со стариком разговаривал Бард. Напомнил соседей, назвал знакомые дворы на южной дороге, объяснил, где остановятся свои. Тот спорил ещё несколько минут, потом сердито надел шапку и пошёл, продолжая ругаться. Бард дал ему нести лёгкий мешок. Когда у человека нашлось дело, остановок стало меньше.

В дальнем дворе Щепа обнаружил двух детей, спрятавшихся от шума за сложенными дровами. Младший не хотел выходить. Замочник присел, показал пустые руки, потом достал из кармана короткий обломок верёвки и предложил держаться за него. Второй конец взял сам. Так и вывел обоих к улице. Мать уже искала их возле телег и набросилась сначала на детей, потом на солдата, будто тот виноват, что нашёл не раньше.

Младший был русый, с растрёпанными волосами; старший стоял рядом в уже испачканной одежде. Их мать поправляла платок, не замечая грязи на собственной щеке.

Щепа молча передал верёвку ей. Когда она ушла, вытер лицо рукавом и посмотрел на Владиса.

— Двор пустой. Этот и следующий.

Терен отмечал освобождённые проходы не на карте, а мелом на оградах. Здесь больше не нужно искать, там остался лежачий, дальше телегу нельзя разворачивать. Владис проходил вдоль знаков и видел, как деревня постепенно превращается в понятную дорогу для отхода. Это помогало удерживать порядок, но каждый знакомый двор с отметкой заставлял сильнее торопиться.

Владис рассчитывал занять рубеж дальше от домов. Не успели. Слишком много людей требовало помощи, слишком долго вытаскивали последнюю телегу, нагруженную всем сразу. Когда с севера появились первые крылья, пришлось ставить щиты уже у оград.

— Мельница! — крикнул наблюдавший с края солдат.

Падшие шли не строем. Один показался возле дороги, другой перелез через низкую ограду, затем сразу несколько возникли за первым двором. По их щекам тянулись чёрные полосы. Некоторые двигались неровно, припадая на изломанную ногу, но от этого не становились медленнее в последнем броске.

— Вдоль ручья топко! — Терен показал на огороды. — Через них пойдут! Между сараем и колодцем ставь!

— Сарай — колодец! — повторил Владис. — Щиты сюда!

Линия собралась там, где он когда-то гонял соседских гусей. Один двор узнать было особенно легко: щель в заборе, через которую лазили детьми, до сих пор не заделали. Теперь через неё мог пройти Падший. Владис отправил двоих закрыть телегой.

Кенши поднял лук.

— На крыше! Второй двор!

Стрела ушла прежде, чем все успели посмотреть. Существо сорвалось с конька, ударило крылом по кровле и рухнуло в палисадник.

— Под крышами не стоять! Сверху прыгают!

Щепа выдернул подпорку у сорванной створки. Вместе с Хорем опрокинул её поперёк проулка. Следующую перетащили на другую сторону. Получался кривой проход, где нельзя было идти всем сразу, зато можно было направлять противника к выставленным копьям.

— Это мои ворота! — закричал хозяин, задержавшийся возле дома.

— Заберёшь после! — ответил Щепа. — Если сейчас уйдёшь!

Бард подхватил мужчину за локоть, сунул в руки узел и направил вслед за остальными. Аврел держал людей на повороте, не позволяя бросаться вперёд поодиночке. Фавий уже устроил место в кузне. Оттуда выбросили ненужные вещи, разложили ткань и принесли воду.

Первый удар Третий принял возле колодца. Владис выставил щит, ожидая тяжести сверху, но Падший подломился на бегу и ударил почти у земли. Нижний край щита врезался Владису в бедро. Он едва удержался; чужие пальцы уже ползли по дереву к его лицу. Меч вошёл под руку, застрял. Существо продолжало тянуться, приоткрыв рот, из которого не доносилось ни звука.

— Оттолкни его! — крикнул Аврел.

Владис упёрся каблуком в каменную отмостку колодца, толкнул всем корпусом. Клинок освободился. Падший упал, однако из-за его плеча уже летел другой, и добить первого Владис не успел. Копейщик рядом пригвоздил его к земле; древко согнулось, перекрыв Владису замах.

— Ниже держи! Ниже!

Следующий удар пришёлся в сомкнутые края щитов. Копьё хрустнуло, и человек справа остался с обломком. Владис сдвинулся к нему, прикрыл, пока тот вытаскивал меч. У колодца нельзя было податься назад: мокрые камни

уходили вниз, к желобу. Он крикнул задним, чтобы не давили, и отступил влево. Там стоял сарай; до него оставалось вытянуть два щита.

С крыши посыпалась солома. Кенши выстрелил вверх почти без прицела, отскочил, уходя из-под развернувшегося крыла. Падший зацепил ногой край кровли и повис над строем. Копья поднялись сразу; Владис придержал ближайшее древко, оставляя острие направленным вперёд.

— На земле тоже есть! Держи!

Существо сорвалось с крыши за ограду. Он услышал удар и женский крик, а затем Барда: «Ко мне! Оттуда выходи!» Повернуться Владис не мог — новый напор вдавил край щита ему в грудь.

Справа закричали. Крылатый перемахнул через плетень в тот момент, когда двое вытаскивали раненого. Кенши не мог стрелять: свои закрывали цель. Владис шагнул туда, подставляя щит. Удар отбросил его на колено.

За оградой тонко закричал мальчишка:

— Беги! Беги же!

Знакомое слово. Владис упёрся ладонью в землю, почувствовал под пальцами мелкие камни. Перед ним находился тот же двор, где он знал каждую неровность. За спиной люди несли раненого.

— Не в этот раз, — выдохнул он. — Щиты ко мне!

Щепа схватил под локоть, поднял. Сосед сомкнул край щита с его щитом. Крылатого оттеснили от прохода, ударили копьями. Один из легионеров поскользнулся, однако Аврел успел подхватить его сзади, не дав упасть под ноги.

— Вперёд! Разом!

Строй сделал шаг. Ещё один. У сарая подались быстрее; между двумя щитами открылся промежуток, и Владис ударил мечом по верхнему краю ближайшего.

— Стой! На колодец равняй!

Рядом проскользнул Бард с носилками. Слева он нёс один: его напарник держал раненую руку прижатой к боку. Аврел вытянул из заднего ряда солдата, поставил к свободной ручке. Носилки выровнялись; под ними на земле тянулась тонкая кровавая черта.

Терен показывал, где земля твёрже. Кенши снимал тех, кто забирался выше оград. Бард возвращался с пустыми носилками, передавал другим, сам снова шёл к дороге. За этими знакомыми движениями удавалось видеть порядок даже там, где Падшие врывались между домами со всех сторон.

У сарая одна из поставленных створок съехала. Под напором тел ворота начали разворачиваться, открывая боковой проход. Щепа бросился придержать, но один бы не справился. Владис отправил к нему двоих и сам занял освободившееся место возле колодца. Соседний солдат сразу подвинул щит, без команды закрывая шов.

— Под низ бревно! — орал Щепа. — Не руками держи! Руки оторвёт!

Хорь принёс короткую колоду. Втроём подсунули под створку, упёрли край в землю. Падший навалился сверху, его пальцы показались над доской. Щепа ударил древком, заставляя убрать руку. Копьё справа достало до плеча существа и столкнуло с преграды.

Владис видел это краем глаза. Перед ним другой противник пытался проскользнуть под выставленным мечом. Он опустил щит, почувствовал удар почти в колено и отступил туда, где помнил твёрдый камень. Сзади крикнули, что несут. Пришлось прижаться к ограде,

пропустить носилки и сразу вернуться вперёд. Всё произошло за несколько мгновений; задержись он дольше, место заняли бы Падшие.

Аврел отвёл двоих самых уставших на шаг назад. Не снял с рубежа, только дал перевести дыхание, поставив свежих впереди. Владис сначала хотел запретить любое движение, потом увидел, что линия остаётся целой. Центурион справлялся. Можно было не держать взглядом каждый щит.

Кенши спустился с удобного места, когда крылатый появился слишком близко к его стороне. Не стал ждать, пока доберётся сверху. Отступил за строй, достал нож и пропустил перед собой копейщиков. Владис успел увидеть, как эльф коротко указал на левое крыло. Те ударили туда, и существо потеряло равновесие на краю ограды.

Напор слабел не сразу. Сначала передние смогли выпрямить руки, потом появилась возможность отойти на шаг, не уступая проход. Владис велел не гнаться. Люди смотрели на него с непониманием: противник отступал, хотелось ударить вслед и закончить. Но за сараем ещё могли оставаться другие, а половина Третьего едва держала оружие.

— Стоять! За ограду не выходить!

Команду повторил Аврел. Погоня не началась. Фавий получил время добраться до тех, кто лежал в самом проходе. Одного удалось вынести только после того, как отодвинули тяжёлое тело, прижавшее ему ногу. Владис помог поднять, чувствуя, как дрожат собственные руки.

Когда последний из нападавших затих возле мельничного колеса, Владис ещё несколько мгновений ждал нового удара. Потом услышал воду, капавшую с желоба. Шум был таким обыкновенным, что поверить в наступившую тишину оказалось трудно.

Аврел передал приказ оставаться на рубеже. Никто не снял караул.

* * *

Воду таскали все. Женщины, задержавшиеся со вторыми подводами, принесли вёдра и тряпки. Фавий принимал помощь без объяснений: ставил рядом, показывал, что держать, кому подать пить. В кузне лежали свои и жители, которых задело во дворах. Разницы лекарь не делал.

Владис вошёл, пригнувшись под низким притолоком. Воздух был тяжёлым от крови и мокрой ткани. Фавий сразу дал ему подержать повязку. О раненом сказал только то, что требовалось для работы.

— Дави. Вот здесь. Сильно.

Тот открыл глаза, узнал Владиса и попытался приподняться. Фавий уложил обратно.

— Лежи. Легат от тебя сейчас вставать не требует.

Владис держал, пока пальцы не свело. Потом его сменила Сорока. Откуда она взялась среди общего движения, он даже не заметил. У неё были закатаны рукава, на щеке тянулась полоса грязи.

— Иди. На улице ищут.

Искал Аврел. Принёс перечень постов и спросил, кого снять первым для перевязки. Владис посмотрел на список, назвал тех, кого видел с ранами, затем велел Фавию проверить остальных. Разгорячённые боем, люди сами не замечали порезов под одеждой.

Бард освободил проход из кузни, оттаскивая в сторону брошенные вёдра. При каждом окрике голос срывался. Владис вышел за ним, помог сдвинуть пустые носилки к стене.

— Мать ушла?

— Ушла. На южной уже. Только…

Он откашлялся и махнул рукой: говорить больше не мог. Владис сжал ему плечо, пропустил возвращавшихся за ранеными.

У колодца Щепа черпал воду. Рядом женщины передавали полные вёдра дальше. Одна посмотрела на Владиса и сказала соседке достаточно громко:

— Это же наш. С перепёлками. Которого в штрафные забрали.

— Всех их забрали. Списали, будто мёртвых. А они встали и пришли.

— Восставшие, значит. Восставший легион.

Щепа застыл с ковшом. Вода перелилась через край и потекла ему по сапогу.

— Слышал?

Владис кивнул.

— Лучше, чем штрафной, — сказал замочник и передал ведро.

— Восставший, неси сюда! — позвала женщина из кузни.

Щепа подхватил полное ведро обеими руками и понёс, расплёскивая на сапоги.

* * *

Сильвию он нашёл возле оставшихся узлов. Она подавала воду женщине с северной дороги. Та сидела на низкой скамье, держа мешок на коленях, и смотрела туда, откуда пришли нападавшие.

— Знаешь её? — спросил Владис негромко.

— Ведьма из Серых земель. За солью раньше ходила. Дети боялись.

Женщина услышала. Повернула голову, но не стала ни подтверждать, ни возражать. Приняла кружку, выпила и вернула.

— Дорога открыта, — сказала она. — Это не значит, что они кончились.

— Знаю.

— Тогда своих не укладывай далеко.

Владис посмотрел на север. Над оградами уже не было крыльев, однако покоя деревня не получила. Слишком многие прислушивались, слишком быстро замолкали при каждом крике.

Сильвия поднялась. Отвела его к стороне двора, где не мешали носильщикам.

— Опять уйдёшь.

— Сначала нужно, чтобы вам ничего не угрожало.

Она ждала продолжения. Владис понял, что снова ответил распоряжением вместо обещания. Сказать, сколько останется, не мог. Пообещать вернуться скоро — тоже.

Он поправил наруч. Из-под края показалась красная лента. Сильвия заметила сразу.

— Не потерял.

— Нет.

Она протянула руку, коснулась ткани и отпустила. Забрать не попросила. Владис тоже не снял.

— Бабеткис уже в телеге, — сказала она. — Очень недовольна.

Он хотел засмеяться, но усталость мешала. Только улыбнулся. Сильвия поправила ему ремень у плеча, тот самый, который весь день сползал после ударов.

— Ты хоть ешь?

— Фавий следит.

— Хорошо, что кто-нибудь следит.

Их снова позвали. На этот раз Владис не отвернулся сразу. Постоял ещё несколько мгновений, глядя ей в лицо, затем сам помог донести оставшиеся вещи до подводы. Клетка стояла между мешками. Птицы возились внутри, живые и совершенно не понимающие, почему покинули привычный двор.

Сильвия села рядом. Владис проверил крепление, хотя его уже проверили до него. Отпустил борт. Телега тронулась, и он пошёл несколько шагов следом, пока с северного края не позвал Кенши.

* * *

— Дом спасён? — спросил Гость.

Орк медленно кивнул.

— Людей успели вывести. Те, кто мог, ушли. Остальных ещё везли.

— А сам Владис вернулся?

— На несколько разговоров. На знакомый двор. Потом снова встал у дороги.

Рассказчик протянул ладони к огню. Некоторое время смотрел, как на коже меняется свет.

— Калитку даже закрыть не успел.

* * *

Аврел успел передать, что тяжёлые телеги прошли южный поворот. Жители ещё шли, однако между последними дворами и дорогой больше не было затора. Теперь можно было отвести щиты к камням за деревней, где Терен присмотрел узкий подход.

— Кузню сначала, — сказал Владис. — Пока Фавий не выйдет, мой край стоит.

Бард вернулся с двумя помощниками, взял свободные носилки. Лекарь вывел ходячих, затем стали выносить остальных. В проёме кузни каждый раз показывались чужие сапоги подошвами вперёд, мокрая ткань, лица, смотревшие в низкую притолоку. Аврел отзывал людей по двое, закрывая освободившиеся места. Пустые ворота, укреплённые Щепой, остались поперёк проулка.

Владис отступил последним. У своего двора задержался: калитка так и висела незапертой. Закрыть её можно было одним движением, но для этого пришлось бы выйти из строя. Он перехватил щит, не позволяя ему стукнуть о соседний, и повернул к дороге.

Кенши уже занял место у камней. Ждал, повернувшись к северному склону, а когда Владис подошёл, оттянул тетиву.

— Опять.

Над склоном показалось крыло. Второе раскрылось чуть дальше, за деревьями. Владис вскинул руку.

— По местам! Телеги с дороги убрать! Фавий, носилки ближе!

Люди смыкали щиты, освобождая промежуток посередине. По нему пронесли последнего из кузни. Бард встал у поворота, где ещё двигались жители, и махал обоими руками, торопя их. Уже не кричал.

Над строем расправилось чёрное знамя. Владис нашёл Аврела справа и передал ему край. Из-за камней было слышно, как поскрипывают колёса уходивших телег; где-то там ехала Сильвия с клеткой между мешков. Он выставил меч. Перед ним к дороге спускались Падшие.

Глава XV. Изумрудный Лев

Правый край начал отходить прежде, чем закончился вывоз. Владис видел последние подводы у поворота: двигались медленно, одна задерживала другую, потому что впереди шли люди, уже не способные бежать. Бард расталкивал стоящих, освобождая середину дороги. Сорванного голоса почти не было слышно.

— Подменить некем! — крикнул Аврел.

Владис шагнул в просвет. Чужое тело обрушилось на щит, едва не прижав его к груди. Он упёрся ногами, сосед подал плечо. Вместе оттолкнули Падшего, и копейщик сзади достал его под руку.

— К камням свести! Дорогу не отдавать!

Терен повторил приказ дальше. Люди пятились не прямо, а понемногу смещались, собирая линию на более твёрдом месте. Каждый такой шаг сокращал пространство для носилок. Фавий уже перестал подходить к строю сам: стоял возле телег и отправлял пустые носилки обратно прежде, чем успевал заняться принесённым.

Владис поискал глазами дорогу из Драевиля. За телегами было пусто. Ещё утром он надеялся увидеть там гонца; теперь отвернулся, едва возник просвет между подводами. Падший вцепился в край его щита, едва не вывернув руку.

Кенши стоял рядом с щитом. Лук приходилось откладывать всё чаще: противник подходил так близко, что стрелять мешали собственные люди.

— Ещё назад — обойдут.

— Знаю.

На правом краю кто-то упал. Аврел поднял руку, вызывая последнюю небольшую группу из резерва, но

Владис остановил. У дороги уже скапливались раненые, которых некому было поднять. Если отдать всех вперёд, Фавий останется среди лежащих один.

Рога прозвучали за склоном. Владис не смог обернуться: перед ним Падший цеплялся за верх щита, стараясь перелезть, и приходилось держать обеими руками. Кенши поднял голову первым.

Над дорогой появилось зелёное знамя.

— Конница! — крикнул Терен.

Золотой лев расправился на ветру. За ним выходили всадники, ряд за рядом, тяжёлые латы блестели между головами коней. Они двигались к боку наступавших, туда, где Третий уже не мог повернуть ни одного щита.

Щепа, увидев знакомое полотно, на мгновение остановился с носилками.

— Теперь с какой стороны держать?!

— От Падших! — заорал Владис. — Рилнборт помогает!

Щепа толкнул носилки вперёд, закричал на напарника, который всё ещё таращился на знамя. На правом краю перестали пятиться. Аврел ударил мечом по камню, показывая передним, где стоять.

Рилнборт подъехал к краю, не теряя времени на приветствие. Шлем был опущен, голос звучал глухо, но Владис узнал бы его и без знамени.

— Решили всё закончить до меня?

— Дорогу едва держим!

Лорд посмотрел на строй, потом на телеги. Сразу понял, почему Третий не отходит дальше.

— Сомкни здесь. Мои пойдут по краю. Если ваши разойдутся, конницу через них поведу!

— Не разойдутся. Только без сигнала не поворачивай! Мне людей выносить!

Лорд указал мечом на низкий участок между дорогой и краем поля. Владис сразу покачал головой. Терен, стоявший достаточно близко, понял без объяснений и подбежал, пригнувшись за щитами.

— Там рыхло! Кони провалятся. Выше бери, вдоль камней, потом на сухое!

Рилнборт посмотрел туда, куда он показывал. Часть земли сверху казалась ровной, однако возле следа колеса уже выступила вода. Всадники, ударившие прямо, увязли бы в самом начале. Лорд поднял руку своему ближайшему человеку и передал направление. Тот развернулся, понёс приказ назад.

— Жду у тех камней, — сказал Рилнборт. — Подними руку, когда дорога освободится. Только сам. Мне не разглядеть, кто из ваших чего машет.

Владис вытянул руку над головой, показывая, до какой высоты достанет из-за щитов. Рилнборт ответил поднятым мечом.

— Здесь удержишь? — спросил он, указывая на край строя.

— Если не придётся закрывать ещё и твой проход.

— Не придётся.

За спиной Владиса проехала подвода, едва не задев колесом лошадиную ногу. Рилнборт осадил коня, пропуская. На лордовом мече темнела кровь. На броду тем же клинком он отдавал приказ остановиться.

Рилнборт поднял меч, показав, что услышал. Развернул коня и вернулся к своим. Ни благодарностей, ни объяснений, откуда он взялся, не последовало. Всё это могло подождать, если они выдержат следующие минуты.

* * *

Чёрное знамя качнулось. Несколько человек подались за ним, принимая движение полотна за приказ, и линия начала изгибаться не в ту сторону.

— Не к знамени! — заорал Терен. — К камням! Левее!

Аврел подхватил команду. Прошёл вдоль заднего ряда, руками разворачивая тех, кто не слышал. Бард поддержал оседавшего солдата и передал двум носильщикам. Места становилось всё меньше.

Владис увидел знакомого молодого легионера. Тот тащил раненого, обхватив за грудь, и шёл прямо к камням, потому что там казалось короче. Только за камнями уже появились Падшие.

— Не туда!

Юноша не услышал. Продолжал идти, согнувшись под тяжестью. Владис посмотрел вправо: отправить было некого. Выругался и шагнул из строя.

— Место! — окликнул Кенши.

— Подержи!

Он догнал обоих в нескольких шагах от опасного края. Подхватил раненого с другой стороны, резко повернул к дороге.

— К Фавию! За Бардом, видишь?

— Я думал, там ближе…

— Ближе. Только не туда, куда тебе надо. Иди!

Над головой ударило что-то тяжёлое. Камень брызнул крошкой. Владис пригнулся, довёл их до свободной полосы и толкнул вперёд. Бард заметил, принял раненого, показал юноше, как держать удобнее.

Когда Владис вернулся, Кенши молча подвинул щит, освобождая ему место.

— Легат за каждым не бегает.

— Я его знаю.

— Скоро всех будешь знать. За всеми не набегаешься.

Спор закончился следующим ударом. Владис встал плечом к плечу с эльфом. Щит снова стало выворачивать из руки. На мгновение показалось, что старое ранение открылось, но проверить было нельзя.

Аврел повторил вопрос о резерве.

Владис посмотрел через плечо. У Фавия лежали люди. Одни шевелились, другие ждали совсем неподвижно. С линии продолжали кричать, требуя носилки, а носить уже почти никто не мог.

— К дороге. Все оставшиеся к Фавию. Здесь держим теми, кто стоит.

Аврел развернул резерв к дороге. Один уже поднял щит, собираясь встать вместо раненого, и не сразу понял приказ. Центурион снял с его руки ремень, сунул щит заднему.

— Обе руки нужны. Поднимай.

Люди разошлись к лежавшим. Пустое место справа Аврел закрыл сам, дождался, пока из заднего ряда подадут новый щит, и передал участок сменившему его солдату.

Кенши показал на дальний край.

— Рилнборт ждёт.

Конница занимала место для удара. Несколько всадников ещё обходили неровный участок, не позволяя лошадям сбиваться. Лорд мог начать раньше, но тогда пересёк бы дорогу, по которой Бард выводил последних. Владис видел зелёное знамя и понимал: теперь сам заставляет другого командира ждать под угрозой.

— Ещё носилки! — крикнул он назад. — Этих сначала!

Бард поднял руку. Не готово.

Падшие ударили снова.

На этот раз впереди оказались те, у кого крылья почти не двигались. Они пробирались между упавшими,

опирались на руки и бросались снизу, заставляя щиты опускаться. За ними поднимались другие. Линии приходилось работать неровно: один закрывал голову, второй ноги, третий держал копьё между плечами. Владис быстро понял, что привычная ровная высота щитов здесь не поможет, и приказал задним следить за верхом.

Крик повторили. Несколько копий поднялись, остановив существо, уже нависавшее над передними. Оно упало поперёк своих. На несколько мгновений образовалась груда тел, через которую остальным пришлось перелезать. Владис использовал паузу, чтобы сменить хват и снова подтянуть ремень на предплечье.

Справа Щепа помогал тащить щит, застрявший под ногами раненого. Не мог поднять, пока тот держался за край. Замочник опустился к нему, сказал что-то почти в лицо. Человек наконец разжал пальцы. Щит ушёл в сторону, носильщики подняли раненого, и проход освободился.

У следующих носилок разошлась подстилка. Рука раненого соскользнула вниз, пальцы волочились по земле; Бард присел, подхватил плечо. Щепа сорвал с себя плащ и подсунул снизу, связал углы вокруг древков. Двое из резерва несли, Бард поддерживал голову. От камней донёсся нетерпеливый конский храп. Рилнборт удержал поднятый меч у плеча.

* * *

Щиты гремели так, что отдельные команды терялись. Владис перестал кричать длинно. «Держать!» — «Ниже!» — «Шаг!» Люди понимали по движению, по чужому плечу, по тому, куда направляли копья сзади.

Один из нападавших навалился сверху, расправив повреждённое крыло. Плотная ткань ударила Владиса по лицу. На мгновение всё закрылось, запахло чужой кровью и мокрой землёй. Он пригнулся, ударил на ощупь, почувствовал, как сосед толкнул щитом в ту же сторону. Существо скатилось под ноги. Его оттащили древком, освобождая место.

На левом краю солдат не смог поднять руку. Щит висел, удерживаемый ремнём, лицо перекосилось от боли. Подмены не было. Аврел подошёл сзади, принял дерево на себя и велел раненому отходить. Тот несколько мгновений стоял, не понимая, как выйти из общего строя. Центурион толкнул его локтем, и человек наконец попятился к дороге.

Владис видел всё это, но помочь не мог. Собственное место тоже нельзя было оставить. Он приказал задним плотнее подойти, чтобы удерживать уставших. Несколько человек упёрлись ладонями в спины передних. Теперь давление принимали вместе, и линия перестала отступать.

Камни, к которым их свёл Терен, помогали стоять. Но между ними застревали ноги. Землемер двигался вдоль края, показывая, куда отступить на полшага, где нельзя поворачиваться. Сам он тоже держал оружие, хотя чаще работал голосом и руками, вытаскивая своих из опасного места.

Фавий наконец получил достаточно носильщиков. Раненых начали уносить быстрее. Бард вернулся за последним, лежавшим почти у самых щитов. Вместе со Щепой подхватил под руки. Человек вскрикнул, потерял сознание. Они не остановились: подняли, донесли до носилок, передали другим.

Бард поднял обе пустые руки и махнул к югу. Последние носилки миновали узкое место.

— Держи мой край! — крикнул Владис Кенши.

Эльф подставил плечо. Владис отступил на полшага, выпрямился за щитами и вскинул руку с мечом. У камней блеснул клинок Рилнборта. Лорд увидел.

Рога ударили снова. Конница пошла вперёд.

Владис не видел всего удара. Между ним и всадниками стояли собственные щиты, тела Падших, качающееся знамя. Он услышал нарастающий топот, затем грохот, крик коня. На правом краю наступавшие вдруг перестали теснить так сильно. Часть повернулась к новой угрозе.

— Держать! — крикнул он. — Не бежать за ними!

Всадники Рилнборта проходили вдоль линии, ударяя туда, куда пехота не могла достать. Падшие цеплялись за лошадей, поднимались на крыльях, падали под копыта. Один рыцарь вылетел из седла. Двое соседей сразу приняли в сторону, закрывая место, но поднять его на ходу не смогли.

Владис отправил туда тех, кто освободился у дороги. Аврел показал безопасный проход. Теперь носилки возвращались с людьми в чужих доспехах, и Фавий принимал их с тем же нетерпеливым движением руки.

Рилнборт вывел первый ряд на разворот. Скрылись за краем склона, затем показались снова. Лошади уже шли тяжелее. Не было бесконечного запаса свежих сил, который представлялся при первом появлении зелёного знамени. Был другой отряд, тоже терявший людей и ожидавший, что Третий удержит своё.

Владис велел податься вперёд на несколько шагов. Не гнаться, а вернуть пространство для движения конницы. Передние не сразу смогли двинуть ноги. Потом Щепа, вернувшийся к линии, толкнул плечом соседа, Бард указал вперёд древком, и строй пошёл.

Зелёное знамя на мгновение исчезло за крыльями. С того края донёсся крик, и Владис решил, что лорд упал. Он

уже повернул голову к Аврелу, собираясь отправить помощь, когда полотнище поднялось снова. Рилнборт был в седле. Указывал в сторону, отводя своих от слишком тесного участка.

Один из рыцарей спешился: лошадь опустилась на передние ноги. Он дёргал повод, пытаясь поднять её, пока другой всадник не схватил за ворот и не оттащил. Следующий ряд уже заходил на удар. Рыцарь побежал к дороге, волоча меч; в латах он не мог пригнуться достаточно низко и всё натыкался плечом на подставленный ему щит.

Владис послал к ним свободного носильщика, затем остановил ещё двоих, собравшихся идти следом. Нельзя было оголять дорогу. Помощь требовалась всем сразу, и выбирать снова приходилось здесь, среди шума, без карты и времени пересчитать возможные последствия.

Аврел показал на левый край. Там несколько Падших пытались обойти, пользуясь тем, что все смотрели на конницу. Владис сам развернул ближайших, выставил копья под углом. Атаковавшие упёрлись в новый участок и потеряли скорость. Этого хватило Кенши: эльф уже подобрал лук и выпустил две стрелы подряд, выбирая тех, кто мог ударить сверху.

Когда опасность отступила, Владис вернул людей в общую линию. Плечо ныло всё сильнее, пальцы на рукояти меча словно распухли. Чтобы показать направление, приходилось поднимать целую руку. Аврел заметил, перехватил команду и передал к левому краю раньше, чем Владис открыл рот.

Шаг. Ещё шаг. Щиты снова оказались на ровном месте. Падшие пытались зацепиться за линию, но справа уже входил новый ряд всадников.

Впервые за весь бой Владис увидел перед собой свободную землю.

* * *

Отступление противника заметили не сразу. Просто стало меньше рук над щитами, меньше ударов. Появилась возможность поднять голову и посмотреть дальше ближайшего тела. Затем Кенши указал на склон, откуда существа уходили к северу.

— Не преследовать! — сразу крикнул Аврел. — По местам! Счёт!

Несколько легионеров уже собирались шагнуть следом, но остановились. Сил на погоню всё равно почти не оставалось. Один сел прямо там, где стоял. Другой опустился на колено и никак не мог расстегнуть ремень щита.

Владис помог ему. Пальцы обоих дрожали, пряжка выскальзывала, пришлось позвать Щепу. Тот справился одним привычным движением и сразу ушёл к следующему.

Аврел вызывал имена. Люди отзывались из строя, с дороги, от телег. После некоторых имён центурион ждал, повторял громче и ставил отметку. Владис слушал каждую паузу.

Одно имя повторили трижды. Сначала никто не ответил, затем с дороги замахали. Человек лежал под навесом, слишком далеко, чтобы услышать. Аврел исправил отметку. Владис почувствовал облегчение такой силы, что пришлось опустить голову. Через несколько строк ответ снова не пришёл, и на этот раз никто не махнул.

Хорь проверял списки вместе с носильщиками. Не позволял записывать погибшим того, кого только не нашли, и отправлял ещё раз посмотреть у телег. Щепа

сердился, что людей гоняют после боя, но сам пошёл проверить. Вернулся с известием о двоих, которых отнесли к другой стороне дороги. Один был жив, другой нет. Придётся записать обоих точно, и Владис попросил повторить, чтобы не перепутать.

Кенши сел возле камня. Долго отстёгивал колчан, потом положил на землю. Владис подошёл, увидев кровь на рукаве. Эльф сразу закрыл её ладонью.

— К Фавию, — сказал Владис.

— Царапина.

— Он посмотрит.

— Ему сейчас хватает.

Владис не стал спорить, подозвал Сороку. Та принесла воду, оттянула ткань, осмотрела и всё равно направила эльфа к лекарю. Кенши выругался, но поднялся. Когда знакомая фигура ушла между телегами своим ходом, Владис вернулся к списку.

— Дорогу удержали, — сказал Фавий, подойдя. — Теперь за теми, кто у рубежа. Там ещё ждут.

Владис пошёл вместе с ним. Между камнями ещё лежали люди; носилки цеплялись за острые края, их приходилось поднимать над головой. Там нашли ещё одного всадника. Он был жив. Лошадь стояла неподалёку, растерянно переступая у брошенного щита.

Фавий осмотрел, потребовал не сгибать, велел подать другое древко. Рыцарь пытался что-то сказать, но лекарь оборвал:

— Потом. Дыши.

Владис помог перенести. Герб на чужом щите испачкался так, что почти не различался. На броду он бился против людей под этим знаком. Сейчас держал носилки с одной стороны, Щепа с другой, и старался не наступать в глубокие следы от копыт.

Рилнборт подошёл, когда закончили первую переноску. Снял шлем, вытер лицо тыльной стороной ладони. Рыжие волосы прилипли ко лбу.

— Остался, — сказал он.

— Ты пришёл.

Лорд опустился на землю рядом. Положил шлем у ног, некоторое время смотрел на свои руки.

— Они ещё спорили, когда я уехал собирать всадников. Знал, что один полезешь. Не оставлять же.

Владис не нашёл ответа. Слова благодарности казались слишком маленькими для того, что только что произошло. Он протянул руку. Рилнборт пожал, коротко, крепко, и снова откинулся назад.

— В следующий раз посуше место выберем.

— Для встречи?

— Хотелось бы.

Они посидели молча. Потом лорда позвали свои. Владис поднялся вместе с ним: у Третьего тоже ещё не закончился счёт.

Далеко за отступившими Падшими задержалась одинокая фигура. Стояла на склоне достаточно долго, чтобы её можно было принять за отставшего. Смотрела на чёрное знамя, затем скрылась за гребнем. Владис этого не видел. Он пытался помочь Фавию снять повреждённый нагрудник с человека, который кричал при каждом движении.

Пока фигура стояла на склоне, за неподвижными плечами темнели сложенные крылья. Высокий силуэт выделялся на фоне неба, но черты лица с такого расстояния разобрать было нельзя.

* * *

Ночью возле костра стало тесно. Не от праздника: сюда подносили свет, грели воду, садились те, кто ещё мог помочь и ждал следующего поручения. Хорь распределял оставшееся, время от времени проверяя, не взял ли кто-нибудь лишнее для своей группы.

Рилнборт пришёл без лат, в простой рубахе. Караульный уже собирался остановить чужого, но узнал голос и отступил. Лорд нёс флягу.

Владис сидел над Кодексом. Перед ним лежал список Аврела. Некоторые строки уже были перенесены, возле других требовалось уточнить, куда отнесли человека. Рилнборт остановился рядом.

— Говорят, записываешь всех, кого теряешь.

— Да.

— Мои тоже здесь легли. За твою дорогу. Запишешь? Или только своих?

Владис снял с колена список Аврела и подвинулся. Рилнборт сел, поставил флягу между сапогами. Лампа за его плечом закрылась тенью, и Щепа, проходивший с водой, переставил её ближе к книге.

Владис перевернул страницу, освободил место. Протянул перо, но Рилнборт покачал головой.

— Я скажу.

Он начал называть. Медленно, без запинки. Имя, прозвище, откуда человек. Иногда задерживался, чтобы Владис успел, иногда поправлял окончание названия деревни. Знал каждого. Не пришлось звать писаря, искать ведомость, спрашивать сопровождающего.

Владис писал. На соседних строках оказывались бывший штрафник и рыцарь Рилнморска. Он не делил страницу на

разные части. Когда чернила кончались на пере, обмакивал снова и ждал следующего имени.

У костра стихли разговоры. Фавий продолжал работу чуть дальше; к нему подходили сбоку, обходя сидевших над книгой.

Когда список закончился, лорд долго смотрел на написанное.

— Бароны скажут, отдал их за имперскую дорогу.

— А ты?

— За людей, которые по ней шли. Твои то же скажут?

— У меня Фавий. Скажет, быстрее нести надо было.

Рилнборт впервые за вечер рассмеялся. Усталый смех тут же оборвался. Он передал флягу. Владис отпил и вернул.

— На броду, — сказал он после паузы. — Ты мог пойти следом.

Лорд посмотрел на огонь.

— Мог. Потерял бы ещё людей. Ты это тоже видел.

— Меч поднял.

— Вы стояли, когда за вами уже никого не было. Хотел, чтобы знали: я видел.

Владис перевёл перо к последней строке и дописал место, которое Рилнборт назвал раньше. Лорд придержал страницу, когда её подняло ветром. Некоторое время они сидели так, над книгой, пока чернила не перестали блестеть.

Позже лорд ушёл к своим. Владис остался заканчивать записи. Фавий принёс ещё одну отметку, потом другую. Даже после прекращения боя список мог измениться, и ждать рассвета было тяжело.

Под утро Рилнборт прислал людей к телегам. Фавий распределял их, не спрашивая званий: этот к носилкам,

двое держат раненого, остальные освобождают место. Аврел уже выстраивал обоз для возвращения.

Владис дождался, пока высохнет последняя строка, закрыл Кодекс и уложил в сумку. На дороге его окликнул Хорь. Требовалось подержать борт, пока закрепят носилки. Он подошёл, взялся обеими руками.

* * *

Слухи пошли впереди телег. На привалах уже спрашивали о чёрном знамени, о легате из штрафных, о зелёной коннице, пришедшей в последнюю минуту. Бард услышал первые строки новой песни и долго молчал, прежде чем сказать, что порядок событий в ней перепутан.

— Пусть припасы так же быстро идут, — заметил Хорь.

— Про припасы припева нет, — ответил Щепа.

Щепа уже набрал воздуха для следующего стиха, но Фавий позвал помочь с телегой. Он засунул ложку за пояс и пошёл.

* * *

Гость посмотрел на руки рассказчика.

— Их уже называли Восставшим Легионом?

— Да. Слова из деревни разнесли дальше. Каждый добавлял то, что запомнил или захотел запомнить.

— А в книге?

Орк наклонился к огню, поднял упавший край полена и вернул на место.

— В книге Владис старался не добавлять ничего. Только имена. Тогда ему казалось, что хотя бы это сможет сохранить точно.

Глава XVI. После войны

Над улицей висело изображение Владиса. Он заметил его раньше, чем понял, кого художник пытался изобразить. Уверенное лицо, ровно поднятый меч, плащ, которому не мешали ни дождь, ни грязь. Чёрное знамя за плечом нарисовали так, будто оно само освещало человека впереди.

Настоящий Владис остановился посреди прохода. Аврел коснулся его локтя.

— Вперёд смотри. Ещё не освободили.

— Смотрю. Там тоже я.

Центурион поднял голову и ничего не ответил. Толпа кричала, звала победителей по именам, хотя большинство видело их впервые. Кто-то поднял ребёнка над головами и показывал на легата. Владис не знал, нужно ли помахать. Поднял руку, и крик стал громче.

Над чужими плечами мелькнули мягкое детское лицо и непослушная русая прядь.

Впереди шёл Третий. Люди старались держать строй, но слишком часто отвлекались на горожан. Щепа уже успел ответить на чей-то вопрос, Хорь поймал брошенный свёрток с едой и проверял, не раздавили ли его. Кенши шёл с таким лицом, словно торжество затеяно нарочно, чтобы помешать ему добраться до места и сесть.

Телеги с ранеными провели другой дорогой. Владис сначала возразил, но Фавий настоял: там ровнее и нет толпы. Теперь среди приветствий он всё равно прислушивался, не донесётся ли знакомый окрик лекаря.

У поворота женщина пробралась сквозь караул к легионеру с перевязанной рукой, заткнула ему за пояс свёрток хлеба. Он пытался поблагодарить, но его уже

толкали сзади. Владис подождал, пока ряд выровняется, и поднялся к Сенату.

У женщины выбились из-под платка каштановые волосы, на щеке остался мучной след. Легионер был коротко острижен; щетина темнела на загорелом лице.

* * *

Заслуги читали долго. Владису велели стоять на возвышении; свет падал прямо в лицо, а у стены ещё оставалось свободное место, куда можно было бы сесть. Он несколько раз перенёс вес с ноги на ногу. Раненое плечо тянуло под ремнём.

О потерях сообщили тем же ровным голосом. Число заняло одну строку. Владис машинально прижал ладонь к книге под плащом.

Награду подняли так высоко, что Владису пришлось потянуться. Вручавший ещё не отпускал её, договаривая о единстве и порядке, обеспечивших победу. Владис стоял с протянутой рукой.

Он вспомнил зал совета. Писаря, двигавшего отметку к югу. Рациуса в коридоре, приказывавшего остановиться. Хотел спросить, в каком именно месте их порядок решил выступать, но увидел Аврела, стоявшего в стороне с документами Третьего. За сегодняшней церемонией должны были последовать припасы, лечение, выплаты людям. Скандал не помог бы никому из них.

— Рилнборт тоже держал дорогу, — сказал он, когда дали слово.

В зале ненадолго стало тише.

— Помощь союзников учтена, — ответили ему.

— Он пришёл, когда подменить щиты было некем.

Представитель Сената повторил благодарность всем участникам общей победы и наконец выпустил награду. Сбоку уже подводили следующего. Владис отошёл к Аврелу.

Представитель Сената был узколиц, с приглаженными волосами и аккуратной бородой; тонкие пальцы уже тянулись к следующей награде.

Из зала пришлось пробираться боком: каждый хотел пожать руку или задержать вопросом. Аврел поднял стопку прошений над плечом легата и объявил, что их ждут по делу о раненых. Люди расступились.

Аврел вывел его в приёмную, объяснив, что предстоит подать бумаги о снабжении. Здесь шум торжества стих. За столами работали писари, в проходе ждали люди со свёртками. Кто-то жаловался, что пришёл ещё утром, и получал неизменный ответ о порядке очереди.

— Дальнейшие прошения через секретариат. Поздравляю с признанием заслуг.

Владис узнал голос прежде, чем увидел лицо.

Тарквин сидел за аккуратным столом. Одежда стала лучше, движения остались прежними. Он поправил стопку бумаг и посмотрел на бывшего штрафника спокойно, без попытки отвести взгляд.

— Секретарь? — спросил Владис.

— Государству нужны умеющие сохранять порядок в бумагах.

— Бумаги вы сохранили.

Тарквин не ответил на то, что стояло за словами. Придвинул чистый лист, показал, куда подавать заявление. За его плечом писарь продолжал работать, даже не поднимая головы.

Тарквин протянул руку за прошением. Владис прижал бумагу к столу и на мгновение удержал, не давая взять. Аврел коснулся его запястья.

— Отметку о приёме, — сказал центурион. — На нашем экземпляре тоже.

Секретарь пожал плечами, поставил обе отметки. Только после этого Владис разжал пальцы.

Владис развернулся и пошёл. На краю стола успел заметить письма с печатями Первого, Второго, ещё одну красную с отколотым углом. Знакомый след. Прежде чем он задержал взгляд, Тарквин накрыл стопку чистым листом.

* * *

У императорских покоев дежурил писарь с толстой книгой. Владис назвал себя и попросил аудиенции: о Падших, о тех, кто видел их на севере, о необходимости подготовиться до следующего нападения.

Гладко выбритый служащий прижал книгу тонкими испачканными пальцами; приглаженные волосы не трогала дорожная пыль посетителей.

— Император нездоров. Приёмы отложены.

— Надолго?

— До распоряжения.

— Чьего?

Писарь раскрыл книгу.

— Секретариата. Прошение рассмотрят по очереди.

На нижней строке виднелась свежая подпись. Владис только что видел руку, которая так писала.

— Какой я?

— Сорок третий.

За дверью долго кашляли. Писарь выждал, делая вид, что проверяет запись. Владис посмотрел на закрытые створки. Старый Сарицианий в зале совета хотя бы пытался остановить спор. Здесь к нему нельзя было подойти даже с донесением после победы.

Аврел тихо напомнил, что Фавий ждёт разрешений для раненых. Владис снял перчатки, сунул за пояс.

— Значит, к выдаче. Если ещё одну подпись попросят…

— Попросим. Иначе ночью снова нечем перевязывать.

На лестнице их ждал Кенши. Он берёг раненый бок и сразу потребовал говорить на ходу: стоять ему уже надоело.

* * *

Лизиус встретил их в одном из переходов. В отличие от людей Сената, не стал долго перечислять заслуги. Остановился, поприветствовал и сразу заговорил о будущем соседстве.

— Совет Триединства ценит устойчивость. Сильная Империя полезна, пока помнит меру.

Кенши остановился посреди прохода, так что Лизиусу пришлось обратиться и к нему.

— Кланхару меру тоже объясняли, — сказал он.

Лизиус повернулся к нему. На лице не появилось удивления, только прежняя вежливость стала холоднее.

— Сейчас обсуждаем нынешние дела. Старые обиды не должны определять каждое решение.

— Вам старые. Тем, кто там остался, жить с ними сегодня.

— Господин легат, — продолжил Лизиус, поворачиваясь к Владису.

Кенши остался на месте. Аврел с бумагами отступил к стене, чтобы мимо могли пройти писари.

— Если снова придут, сколько ждать решения Совета? — спросил Владис.

— Это будет зависеть от обстоятельств.

— От тех же, что на общем совете?

Лизиус внимательно посмотрел на него.

— Вы командир. Понимаете, что нельзя отдавать людей без ясной цели.

— Цель на дороге была ясна.

— Для находившихся там.

Спор продолжать не стали. Посланник пожелал Третьему восстановления, попрощался и направился к дверям, перед которыми другие ждали вызова. Ему открыли сразу.

Кенши проводил его взглядом.

— Хорошо говорит, — сказал он.

Владис кивнул. На этот раз понял лучше, чем перед советом.

Когда Лизиус скрылся, Кенши отступил к окну. Владис подошёл, но спрашивать о Кланхаре в проходе не стал. Тот сам заговорил, не глядя на друга:

— Не делай такое лицо. Я не собирался хватать его за плащ.

— Я не об этом.

— О том же. Знаешь уже, что за красивой историей могут остаться люди, о которых неудобно вспоминать.

Владис кивнул. Кенши опирался на подоконник, позволяя больному боку отдохнуть. В столице ходить приходилось не меньше, чем в лагере, только постоянно стояли перед дверями вместо того, чтобы сесть.

— Мне говорить с ним придётся, — сказал Владис.

— Говори. Я для того рядом и стоял, чтобы слышал не только его.

* * *

С Вельдаро разговор получился другим. Святорыцарь не пытался изображать осведомлённость. Предложил сесть и первым признал, что донесения с севера в Дуократии читают по-разному.

— На совете не договорили. Теперь ваши люди видели то, чему мы ещё не нашли объяснения. Слушать необходимо. Делать вид, будто всё понятно, не стану.

Владис рассказал о первой схватке у дороги. О крыльях, чёрных следах на лицах, о том, что существа продолжали идти после ран. Кольцо упомянул последним. Вельдаро не перебил и не предложил удобного названия, которое сразу превращало бы увиденное в знакомую угрозу.

— Вы ждёте знака? — спросил Владис.

— Второго Глаза Бога. Но ожидание не освобождает от обязанности смотреть первым.

— У нас Двоим молятся.

— Знаю. Светлому и Тёмному. У нас один, чей глаз светит днём. Люди спорят, кто ближе к истине. Я не разрешу этот спор рассказом о существе, которого сам не видел.

Владис достал Кодекс, собираясь показать, где это было. Вельдаро положил рядом чистый лист. Владис уже потянулся к перу, но святорыцарь придержал край.

— Пусть каждый укажет, откуда смотрел. Вы сколько их видели?

— Всех не считал. За домами не было видно.

— Тогда так и оставим. Мне нужны ваши люди: кто стоял у края, кто смотрел с дороги. Разные описания ещё не означают, что кто-то лжёт.

— Фавия от раненых не оторвать.

— Я приду к нему. После перевязок.

Святорыцарь достал из своего дорожного футляра игральную карту и протянул Владису.

— «Страж Света». Пусть будет у стоявшего на рубеже.

Владис рассмотрел рисунок, положил карту под обложку и убрал книгу. Вельдаро забрал чистый лист для разговора с Фавием.

* * *

Татия вспомнила вопрос о дорогах сразу.

— Теперь товары снова проходят. Мне понятна ваша заслуга без торжества на площади.

Они разговаривали возле окна, откуда было видно движение подвод. Мэр Толленграда следила за ними почти так же внимательно, как Владис за носилками после боя. На дворе освобождали место очередной доставке.

— Значит, договориться можно, — сказал он.

— Можно. Но нейтралитет не значит отсутствие интересов. Ваши враги не становятся нашими по приглашению.

— Падшие всех убивают.

— Именно поэтому хлеб надо возить всем, пока дороги открыты.

— А когда закроют?

— Тогда посчитаем, что осталось и как доставить. Мы всегда считаем, легат. Ваши латы тоже посчитали. Люди заплатили по полной цене.

Владис невольно коснулся нагрудника.

— Скидки не просили.

— Знаю. Поэтому с вами и разговариваю. В Сенате попросили бы.

Аврел принёс накладную. Татия попросила показать и ногтем провела под строкой с общим количеством ткани.

— Целых отрезов сколько?

— Развернём на месте.

— Вот там и считайте. Здесь подпишете всё — привезут всё. В каком виде, другой вопрос.

Аврел забрал накладную, дописал на полях и убрал. Из двора звали освобождать место следующей подводе. Татия подошла к окну, указала, куда разгружать. Владис поторопился к своим: у Фавия чистой ткани оставалось до вечера.

* * *

Припасы проверяли во дворе. Ткань развернули, пересчитали целые отрезы отдельно от повреждённых. Ремни попросили осмотреть Щепу. Тот возмутился, что теперь его зовут даже ради чужих пряжек, но всё проверил и сразу отложил несколько плохих.

Аврел записал замечания. Хорь считал мешки, не позволяя разгружать следующий, пока не отметили предыдущий. Фавий пришёл за чистым и едва не унёс свёрток раньше срока. Хорь загородил дорогу, потом, узнав лекаря, молча сделал отметку и пропустил.

Среди упаковки нашлась потёртая карта. Аврел поднял, перевернул. «Свободный караван». Ни записки, ни печати. Видимо, кто-то потерял по дороге. Он передал Владису, и тот убрал к остальным, не приписывая находке значения, которого на ней не было.

Сорока вернулась к вечеру. Села на край пустого ящика, осмотрела разложенные припасы и спросила, всё ли дошло.

— Не всё, — ответил Владис. — Аврел разбирается.

— У тебя здесь все разбираются. В городе тоже. Только там считают, к кому заходишь и с кем уходишь. Двери считают.

— Кроме дверей есть что-нибудь?

Она перестала улыбаться.

— Чужие бумаги раньше твоих проходят. Знакомые печати. Кое-какие встречи. Только связывать пока не надо.

Владис уже собирался спросить о красном оттиске, но остановился. Сорока заметила.

— Дай закончить. Не всё, что рядом лежит, одной рукой написано.

— Хорошо.

— Видел сегодня красную печать, — всё-таки сказал Владис. — Угол отбит.

Сорока остановила руку, уже протянутую к ткани.

— Где?

— У Тарквина. На столе, с чужими письмами.

— Тогда вспомни, с какими. И кому он отдал. Завтра скажешь.

Она подхватила свёрток и ушла к раненым. Владис потянул к себе ведомость, но чистого места на ней не осталось. Пришлось искать отдельный лист.

* * *

На следующий день Маргариана встретила его возле дворцовой скамьи. На этот раз рядом не было ни Кассия, ни карты переправы. Она указала на свободное место.

— Третий удержал больше, чем от него требовали.

— Не один.

— Про Рилнборта читала. В городе о нём говорят меньше.

Владис сел. Ждал продолжения разговора об Унго, но Маргариана сначала спросила о раненых. Он ответил, назвал нужды, которые ещё не удалось решить. Она запомнила и обещала проверить то, что касалось Первого.

Потом достала сложенный лист.

— Вы говорили, есть то, что не сходится. Карты, люди. Я хочу посмотреть.

На листе были указаны время и место. Владис повернул бумагу к свету.

— Терен покажет. Бард расскажет про обоз. Сорока тоже знает.

— Каждого отдельно сначала.

— Прикажете, в каком порядке говорить?

— Попрошу не отвечать за них. Это возможно?

Он сложил лист.

— Возможно.

Маргариана ушла к отцу. Владис вернулся в лагерь до вечерней выдачи и застал Терена с Бардом у котла. Показал записку, передал просьбу. Сороке пришлось повторить позже, когда та вернулась от Фавия; она сразу спросила, через какую дверь входить.

* * *

Ночью под окнами пели. Песня о Восставшем Легионе уже успела добраться до нескольких дворов, и каждый исполнял её по-своему. В одном Третий проходил через огонь, в другом Владис рубил крылатых по десятку за удар. Ни в одном не находилось места тому, кто лежал возле камней и ждал носилок.

Владис раскрыл Кодекс. Брод. Укрепление. Зоренка. Рыцари рядом с бывшими штрафниками. Он остановил палец на одной строке, потом на другой.

Кенши повернулся на постели.

— Не спишь?

— В песне никто не погиб.

Эльф прислушался к голосам с улицы.

— Потому и поют.

— Сенат одной строкой прочёл. Эти вообще не упоминают. Здесь всё есть, а кто прочитает?

— Я. Фавий. Сорока. Мало?

Владис не ответил. Он думал о человеке на портрете, которого толпа приветствовала как своего. О сорок третьем месте в очереди. О Тарквине, спокойно распоряжавшемся бумагами.

Из-за стены донеслась просьба принести воды. Кенши начал подниматься, держась за бок, но Владис остановил его. Сам сходил с кружкой. Когда вернулся, песня ещё продолжалась.

Он взял перо и поставил дату под последней записью. Затем проверил, что возвращённое письмо Сильвии лежит на месте, закрыл книгу и убрал подальше от края стола.

* * *

— Его любили, — сказал Гость.

— Многие, — ответил Орк. — Тот ребёнок на площади не притворялся. И женщина, которая принесла хлеб раненым, тоже.

— Тогда почему он злился?

— Потому что между хлебом и раненым могла лежать бумага Тарквина. И любовь на площади не заставляла секретаря убрать её быстрее.

Рассказчик налил немного воды, подвинул кружку Гостю и вернулся к рассказу.

Глава XVII. Маргариана

Маргариана пришла с картой Унго и несколькими сводками. Положила на стол, выровняла края. Владис убрал в сторону кружки, лампу и собственную книгу, освобождая место. Терен стоял у окна. В руках держал свёрток, развязать который пока не торопился.

— Я выслушаю, — сказала Маргариана. — Но не соглашусь только потому, что вы уже решили, как было.

— Тогда слушайте их. Не меня.

Владис отодвинул стул. Терен подошёл, положил свёрток на освободившееся место. Пока развязывал, тесёмка цеплялась за загрубевшие пальцы; землемер сердито потянул узел зубами.

Землемер развернул карту. Прижал загнутый край пустой кружкой.

— Сначала под уголь считали. Обозы, вес телег, где разгружать, где берег укреплять. До разговора о вторжении.

Маргариана наклонилась. Проверила обозначения, дату.

— Это ваши расчёты?

— Мои. Три черты и точка. Здесь. И на ящиках с крепежом так же ставили, чтобы знали, к какому месту везти.

Владис следил за её рукой. Маргариана не отодвигала бумагу, как ненужную жалобу. Сравнивала с тем, что принесла сама.

— Покажите путь.

Терен показал. От склада к реке, вдоль подхода, через место, которое позже назовут орочьей переправой. Затем повторил на второй карте. Линии совпали, хотя подписи возле них различались.

— Тут уже другое назначение, — сказал он. — Берег тот же. Броды те же. Только будто не мы готовили.

— Вы подписали?

— Нет. За это и оказался там, где ты его нашла.

Он кивнул на Владиса. Маргариана подняла глаза, затем снова посмотрела на карту.

— Чья печать?

— Сената. Левый нижний угол отколот. На всех бумагах один след.

Владис выпрямился.

— Видел в секретариате. На столе Тарквина.

Маргариана положила перо.

— Это пока говорит, что оттиск используется и бумаги проходят через него. Не что он составлял приказ.

— Он распоряжается письмами, — сказал Владис.

— Сейчас. А мне нужны бумаги до Унго.

Она вернула перо к дате. Терен постучал пальцем по другому краю карты, заставляя обоих посмотреть туда.

Терен дождался и продолжил о нагрузке. Здесь Маргариана задавала те же точные вопросы, что возле переправы: сколько телег, почему выбран этот берег, что требовалось укрепить заранее. Землемер отвечал, иногда брал перо и показывал расчёт на отдельном листе. Владис не всё понимал в числах, но видел главное. Работа была сделана задолго до того, как новобранцам объявили, что они идут помогать своим.

Маргариана придвинула чистый лист. Начала переносить дорогу, остановилась возле берега и выпрямила длинный изгиб, чтобы подпись поместилась рядом.

— Здесь иначе, — сказал Терен.

— Обозначение то же.

Он вытащил лист из-под её руки.

— Нет. От этой опоры до суши теперь меньше. Там телега не станет. Утонет.

— Это копия для сверки, а не приказ ехать.

— Моя первая тоже приказом не была.

Владис отодвинул кружку, чтобы землемер не задел её, сворачивая карту. Маргариана поднялась. Встала напротив Терена, но выхода не загородила.

— Хорошо. Перенесите сами. Я должна иметь возможность сравнить с другими бумагами.

— А потом появится мой знак и чужая подпись.

— Знак тоже поставите сами. После проверки.

Терен задержал уже поднятый свёрток. Владис ждал, не вмешиваясь. За окном меняли караул; послышались шаги и короткая команда. Землемер положил карту обратно, взял перо.

Маргариана села рядом. На этот раз не поправляла. Когда он закончил, спросила о расстоянии между опорами и записала ответ отдельно. Терен проверил обе бумаги, поставил три черты и точку только на своей копии.

— Дату тоже, — сказала она.

Он дописал дату. Оригинал забрал, оставленный лист ещё раз развернул к свету и лишь тогда убрал руку.

У двери Владис догнал его.

— Дальше придёшь?

— Если берег опять не выпрямят.

Землемер затянул тесёмку на свёртке и вышел. Маргариана убирала копию в папку; лист держала за края, не касаясь мокрого знака.

* * *

Барда слушали в другой день. Он пришёл с палкой, устроился ближе к стене и сразу сказал, что чертежей не понимает. Был в обозной охране. Помнил дорогу и время.

— За неделю до боя везли ящики. Тяжёлые. Скобы для переправ. Знак такой же, как у Терена.

— Вы открывали? — спросила Маргариана.

— Охранял. При погрузке проверяли, крышку сняли. Я с той стороны стоял.

Бард потянулся к карте, но стул мешал наклониться с больной ногой. Владис переставил его ближе. Бард ткнул пальцем у дороги.

— Здесь. Нам ещё велели от колеса отойти. Тяжёлое железо, ящик сорвётся — не поймаешь.

Маргариана записала место, подвинула лист, спрашивая о следующем участке. Бард заговорил быстрее: вот здесь ждали, дальше меняли охрану. Имен принимавших он не знал. Когда она спросила во второй раз, раздражённо стукнул палкой по ножке стула.

— Не представлялись они мне. Я вам лицо могу описать. Имя — нет.

— Так и запишем.

— Вы тогда знали Терена? — спросила Маргариана.

— Нет. Меня поставили сторожить. Его — мерить. Потом в одном месте оказались.

Она подвинула его отметку к отметке землемера. Снова сверила даты.

— А уголь?

— После боя. Уже пока переговоры шли. Пустые телеги туда, обратно с углём. Об этом караульные рассказывали. Руки потом отмывали долго.

Маргариана остановила перо.

— Сами обратный груз видели?

— Не весь. То, что говорю про караульных, от них и знаю. Ящики до боя видел сам.

Она прочла запись вслух. На словах «обоз с углём» Владис подался вперёд, собираясь напомнить о крепеже, но Бард перебил обоих:

— Скобы раньше. Уголь потом. Сами же велели по порядку.

Маргариана зачеркнула соединявшую строки черту, разнесла даты. Ещё раз прочла. Бард отнял палку от стула и опёрся на неё обеими ладонями.

— Теперь правильно.

— В тот месяц мне докладывали, что север тихий и обозы идут по плану, — сказала Маргариана.

— По плану и шли. Только вы не весь план видели.

Она не ответила. Закончив запись, поблагодарила и помогла отодвинуть мешавший стул, чтобы ему было удобнее выйти. Владис проводил Барда до лестницы. Тот спросил, всё ли сказал понятно.

— Понятно.

— Хорошо. А то я в бумагах путаюсь. В дороге нет, в бумагах да.

Владис помог ему спуститься до площадки. Когда вернулся, Маргариана держала раскрытой свою старую сводку. Положила рядом запись Барда, не закрывая первой.

* * *

Сорока не села, пока не осмотрела дверь. Выбрала место, откуда было видно входящих, положила руки на колени и посмотрела на Маргариану прямо.

— Про Десятую мне велели молчать ещё до клетки. Здесь говорят то же. Тише только.

— Что именно вы слышали?

— Приказ за два дня до боя. Из Драевиля. Девятую на переправу, Десятую в резерв. Рациус вслух прочёл. Один раз. Потом сжёг.

Владис сдвинул кружку. Вода выплеснулась на стол, потекла к листам. Сорока подняла ближайший, а Маргариана промокнула край рукавом и продолжила запись.

— Где вы стояли? — спросила Маргариана.

— За пологом. С кувшином. На таких, как я, не смотрят, когда читают важное.

Маргариана спросила, кто ещё мог слышать. Сорока загнула пальцы, проверяя по памяти, затем разжала руку.

— Те, кого назову, не обязательно подтвердят. Не пишите, будто они обещали.

— Пишу: присутствовали.

— Вот это верно.

Дальше речь пошла о столице. О людях Совета, которые встречались с теми, кто утверждал бумаги. О датах, известных раньше публикации. О том, какие обращения проходили быстро, а какие возвращались за новой копией.

— Встреча ещё не приказ, — сказала Сорока прежде, чем Маргариана успела возразить. — Я не стояла за каждой дверью. Но если человек знает дату раньше тех, кто должен исполнять, значит, с ним разговаривают отдельно.

— Лизиус, — произнесла Маргариана.

Кенши, слушавший у окна, выпрямился.

— Совет. Сейчас о Совете говорите. Кланхар против него кровью платил. Не начинайте опять про всех эльфов.

— Я не обвиняю эльфов.

— Хорошо. Пусть в записи тоже так будет.

Маргариана повернула лист к нему и исправила слишком общее слово. Кенши прочёл, отступил от стола.

— Я ещё не закончила, — напомнила Сорока. — Связать вы и без меня успеете.

Маргариана вернула лист к себе. На нескольких вопросах Сорока ответила «не знаю», и там остались пустые места. В конце сама придвинула запись, проверила даты, поправила одну строку о встрече: видела, как входили, а сколько оставались внутри, не следила.

После её ухода Маргариана долго смотрела на дверь.

Владис собрал оставшиеся листы и спросил, куда пойдут записи. Маргариана поняла не сразу, затем посмотрела на имена свидетелей в начале каждой страницы.

— Пока останутся здесь.

— Сороку уже заставляли молчать. Терена за отказ подписать отправили в штрафные. Я не хочу снова привести их к тем же людям.

Маргариана потянула к себе папку. Владис не выпустил листы. Между ними натянулся угол бумаги.

— Вы дали мне их выслушать, — сказала она. — Теперь не дадите проверить?

— Проверяйте. Но они должны знать, куда пойдут их имена.

Кенши прикрыл дверь, возле которой уже остановились чужие шаги. Подождал, пока человек в коридоре прошёл дальше.

— Здесь даже вопрос слышно, — сказал он. — Не то что ответ.

Маргариана отпустила папку и села. Некоторое время перебирала листы, лежавшие перед ней, затем отодвинула свидетельства в сторону.

— Даты обозов. Назначение Десятой. Связанные с этим распоряжения. Начну запрашивать их. Ваших людей для этого называть не нужно.

Владис положил удержанные листы на стол.

— А если понадобится?

— Сначала им скажу. И вам.

Кенши отнял руку от двери. Владис собрал свидетельства в отдельную стопку, оставил сверху лист с именами, чтобы Маргариана снова увидела их, прежде чем уберёт.

Она прочла верхнюю строку. Положила папку рядом с картами.

— Три приёма сидела с Лизиусом. Ни разу не спросила, откуда знает, что нам пришлют.

— Не сказал бы, — ответил Владис.

— Я и не спрашивала.

На этот раз он не стал отвечать за неё.

* * *

Осенние дожди сменились снегом, а на первые запросы всё ещё приходили неполные ответы. Первый уходил на свои участки, Третий получал работы и наряды. Встречи переносили; иногда Владис приходил к пустому столу и только здесь узнавал, что Маргариана уехала. Весной копии намокли в дороге. Летом Терен заново сравнивал плохо различимые отметки. К следующей зиме папок стало больше, но часть вопросов так и лежала сверху, без ответа.

Однажды Владис принёс лист с уже соединёнными датами. Маргариана разрезала его пополам: между двумя событиями не было подтверждённой связи. Он собрал обрезки и унёс. Через неделю вернул с новым промежутком, оставленным пустым.

В один из зимних дней принесли очередные копии. На окнах лежал иней, свет приходилось держать у самого стола. Владис торопливо нашёл упоминание обозов и показал Маргариане: вот, уголь. Она дочитала строку, затем проверила число.

— После боя, — сказала она.

— Бард так и говорил.

— Значит, ставим после. Не рядом с ящиками, будто шли одновременно.

Он раздражённо отодвинул лист.

— Смысл тот же.

— Нет. Скобы до боя показывают подготовку. Уголь после — что получали по этой дороге. Если смешать, скажут, что мы перепутали обычную торговлю с военным приказом.

Владис замолчал. Маргариана придвинула записи Барда и Терена, дала ему самому разложить по времени. Пришлось заново пройти всё: измеренные заранее броды, крепёж, пришедший к реке, рассказ о чужой угрозе, приказ Девятой, оставленная в резерве Десятая, затем движение пустых телег обратно за углём.

— Наши готовили, — сказал Владис. — Чтобы уголь возить. А нам сказали: орки перешли, Десятая ждёт.

Маргариана передвинула его палец к первой дате.

— Подготовка была до нападения, о котором вам объявили. Да.

Последнее слово она произнесла негромко, но отчётливо. Владис убрал руку с карты.

Маргариана взяла прежнюю сводку, вычеркнула свою пометку о нападении орков. Рука дрогнула на конце строки. Она положила перо так резко, что на стол упала капля чернил.

Поздно вечером принесли еду. Она не притронулась сразу. Продолжала проверять первую строку, словно там ещё могло оказаться объяснение, меняющее остальное. Владис придвинул к ней миску. Не сказал ничего. Через некоторое время Маргариана взяла ложку и попросила оставить бумаги до утра.

Однажды она разложила собственные назначения рядом с датами Унго. Долго передвигала листы. Затем откинулась, будто утомилась физически.

— Меня каждый раз отправляли туда, откуда не увидеть. Сводка приходила готовая. Я считала, так распределяют силы.

Владис молчал.

— Почему я сама не потребовала объяснить? — Она посмотрела на него. — Не говорите, что мне не дали бы. Я даже не попыталась.

Владис потянулся к оставленной на краю папке, достал старую карту Межи. На ней ещё сохранились следы от кружек после их первого спора. Убрал обратно, так и не развернув.

— Я тоже хотел одного виновного, — сказал он. — Поставить перед строем. Пусть ответит. Потом всё понятно.

— И сейчас?

Владис посмотрел на стол. Карты, даты, подписи, сведения о скобах до боя и угле после. Подготовленная Империей переправа, нападение, для которого новобранцам рассказали другую историю. Приказ о резерве. Чужие политические расчёты и собственные командиры, которые исполняли.

— Хочу знать, кто что сделал. По отдельности.

— Даже если это отец?

— Не стану решать за вас, что он сделал. Но спрашивать нужно.

Маргариана кивнула. Убрала свои назначения в отдельную стопку. Уходя, впервые оставила на столе не все бумаги: часть взяла с собой, чтобы говорить с человеком, которому прежде доверяла без доказательств.

* * *

Рациус стоял у дворцового окна. На улице было светло, и его лицо казалось ещё более усталым, чем в шатре после брода. Владис остановился, не поздоровавшись.

— Вы знали, что Десятой не будет.

— Знал.

Ни вопроса, откуда сведения, ни ссылки на приказ. Владис приготовился к защите и на мгновение потерял слова, когда защиты не оказалось.

Рациус повернулся от окна.

— Пришло за два дня до боя. Девятую на переправу, Десятую в резерв. Прочёл, сжёг. Потом сказал вам, что Десятая ждёт помощи.

— Зачем?

Голос сорвался. Владис шагнул ближе. Вспомнил строй, туман, уверенные объяснения перед рекой. Всё то время Рациус знал, кого там нет.

— С правдой новобранцы бы не пошли. А переправу велено взять.

— Значит, Октавий…

Он не смог закончить. Рациус не отвёл глаз.

— Я выбирал, кем платить. Выбрал вас.

Владис сжал кулаки. До лица легата было достаточно близко, чтобы ударить сразу. Рациус стоял, не отступая, и от этого хотелось ударить ещё сильнее. Не услышать объяснение, не добиться признания — оно уже прозвучало.

Просто причинить боль человеку, который говорил о чужой смерти ровным голосом.

В коридоре прошли двое. Один посмотрел на них, хотел замедлиться, но спутник увёл дальше. Владис проводил их взглядом и снова повернулся к Рациусу.

— Легатом тоже вы сделали.

— Я. Штрафники тебя слушались. Это тоже понадобилось Империи.

— Второй раз заплатили?

— Если хочешь так назвать.

Рациус помолчал.

— Ненавидь. Только Третий не бросай.

— Их тоже помните, когда цену считаете? — спросил Владис.

Рациус не ответил. Владис разжал кулаки, поправил смятый край перчатки. Пальцы болели при каждом движении.

Он развернулся. Рациус сдвинулся, собираясь выйти от окна, и Владис резко поднял ладонь.

— Не идите за мной.

Легат остановился. Владис прошёл мимо, не задевая его плечом, хотя коридор был узок.

На лестнице пришлось остановиться. Он держался за перила, пока дыхание не выровнялось. Затем вышел во двор и пошёл туда, где находился Третий. Сегодня говорить перед строем не требовалось. Это оказалось единственным облегчением.

У ворот Кенши сидел с колодой. Перед ним лежали несколько карт, но партнёра рядом не было: эльф просто перебирал, выправляя загнутые углы. Увидев Владиса, сразу убрал их в сторону.

— Поговорил?

Владис кивнул. Сел рядом, стянул перчатки и положил на колено.

— Знал. Сказал сам.

Кенши некоторое время молчал. Затем поднял с земли выпавшую карту, стёр грязь рукавом и положил к остальным.

— Ты чего хотел после этого сделать?

— Ударить.

— Вижу, не ударил.

Владис посмотрел на собственные руки. На коже не было крови, но пальцы всё ещё болели от того, как сильно сжимал кулаки.

— Он велел Третий не бросать.

Кенши усмехнулся без веселья.

— Умеет выбирать, что сказать.

Из двора позвали, требуя вернуть колоду, которую обещали дать для игры. Эльф ответил, что принесёт позже. Владис покачал головой, поднялся и сам подал ему карты. Не хотел, чтобы весь вечер товарищей подстроили под его злость. Кенши понял, не стал удерживать. Только попросил поесть прежде, чем снова куда-нибудь уходить.

* * *

Сарицианий лежал под лёгким покрывалом. Дышал неглубоко, с паузами. Маргариана сидела рядом и ждала, пока он закончит очередной приступ кашля. Приготовленные бумаги лежали на соседнем месте. Смотреть на них было легче, чем на его лицо, но она заставила себя поднять глаза.

— Всё ещё служишь? — спросил он.

— Да, отец.

Она поправила сползший край покрывала. В детстве казалось, что эта рука на подлокотнике способна остановить любой спор. Теперь пальцы едва удерживали ткань.

— Унго. Приказ Десятой оставаться в резерве. Ты подписывал?

Сарицианий долго молчал. Она уже решила, что он уснул, когда глаза открылись снова.

— Мне многое приносили. Той осенью особенно.

— Ты читал?

Он посмотрел на потолок.

— Первую строку. Кто принёс. Если подпись знакомая, дальше не всегда.

Маргариана прижала ладонь к колену.

— Почему?

— Доверял. Как ты мне.

Маргариана вытащила из папки лист, поднесла ближе. Император щурился, стараясь прочитать; отодвинул бумагу, потом вернул. Она опустила её на покрывало.

— Люди пошли к помощи, которой не было.

Сарицианий закрыл глаза. Несколько мгновений слышалось только дыхание.

— Хочешь, скажу, виновен или нет. Не знаю, дочка. Не знаю. Может, в этом и вина.

Его пальцы нашли её руку на покрывале. Сжали слабо. Маргариана не отняла. Она могла задать ещё вопросы: об угольных обозах, о печати, о людях Сената. Но отец уже уставал, и врач у двери сделал осторожное движение.

Она осталась, придерживая его руку, пока дыхание не выровнялось. Лист лежал рядом, наполовину накрытый покрывалом. Маргариана осторожно вытянула его, сложила по старому сгибу и убрала в папку. Отцовские

пальцы ещё держали её за рукав; пришлось подождать, прежде чем подняться.

В коридоре ей подали следующий лист на согласование. Маргариана остановилась у окна, прочла и указала строку о выполнении. Сопровождавший начал объяснять, что формулировка обычная.

— Кто исполнит?

Он повторил начало строки.

— Имя, — сказала она. — Принесите, когда будет имя.

Вернула бумагу без подписи и пошла дальше. Из отцовских покоев её не звали.

* * *

В город они вышли без карт. Первое время это мешало. Владис привык, что у встречи есть причина, место на столе, вопрос, который можно обсудить и решить. Теперь рядом шла Маргариана, и рассказывать о ведомостях Третьего казалось неуместным.

Он выбирал менее людные улицы. У каждого поворота смотрел, куда ведёт проход между домами. Наконец она остановилась.

— Здесь путь отхода не нужен.

— Знаю.

— Всё равно смотришь.

Он кивнул. Она не стала требовать объяснений.

— Тогда медленнее пойдём.

Они пошли медленнее. Мимо лавки, где хозяин спорил с грузчиками, мимо двора, откуда доносился звон посуды. В одном месте пришлось пропустить тележку. Владис отступил к стене, Маргариана встала рядом. Несколько мгновений просто ждали, пока колёса пройдут по неровным камням.

— Октавий бы сейчас сказал, что мы не туда идём, — произнёс Владис.

— Он знал город?

— Нет. В том и дело. Сначала скажет, потом спросит. А если отвечать не хочешь, начнёт объяснять, почему спросил.

Он указал на погасшее окно.

— Ляжешь, свет потушишь. Уже почти уснул. А ему надо узнать, что завтра будет. Отвечаешь: «Утро». Он злится. Говорит, я с ним никогда по-человечески не разговариваю.

Маргариана слушала. Не спросила, чувствует ли он вину, не попыталась объяснить, почему должен перестать. Просто улыбнулась там, где улыбнулся он.

— Ты сейчас вспоминал его живым, — сказала она.

— Как злился на него.

— Значит, было за что.

— Было, — сказал Владис и засмеялся. — На ночь глядя особенно.

Они пропустили ещё одну тележку. На этот раз он не отступил сразу вперёд, когда дорога освободилась, и возчик сердито попросил не стоять под колёсами.

Возчик хмурил обветренное лицо; короткие волосы потемнели от пота у края воротника.

Позже Маргариана рассказала об отце. Не повторила весь разговор в покоях, только то, что могла произнести. Владис не торопил. Теперь он понимал, почему ей недостаточно было назвать виновного и закрыть дверь. За этой дверью оставался больной человек, которого она любила до всех карт и приказов.

Когда они возвращались, улицы начали пустеть. Владис заметил, что несколько поворотов прошёл, не проверив боковые проулки. Не стал говорить об этом. Просто продолжил идти рядом.

* * *

Следующая встреча началась с бумаг, закончилась прогулкой. Потом Маргариана пришла без них. Владис сперва спросил, что случилось, и по её лицу понял, что ничего не случилось. Она просто хотела его увидеть.

К этому привыкали медленно. Он ещё мог замолчать посреди разговора, услышав крик с улицы. Она иногда возвращалась к спору слишком резко, будто всякое несогласие снова касалось отца. Но теперь они замечали это и не спешили уходить каждый в свою правоту.

Однажды Маргариана попросила посмотреть Кодекс. Владис помедлил, затем открыл на странице после брода. Она читала молча. Не пыталась пересчитать строки, вывести общий итог или уточнить, почему возле одного имени оставлено больше места. Увидела черту возле Дрозда и спросила, кем он был.

— Пел, — сказал Владис. — Почти всё время. В дороге особенно.

Она ждала, и он рассказал ещё немного: как мальчишка держал щит перед рекой, спрашивал о темноте, успокаивался после обычного ответа. Маргариана осторожно перелистнула дальше, дошла до рыцарей Рилнборта и остановилась снова. Вернула книгу раскрытой.

— Теперь понимаю, почему ты поправил их на награждении.

Он взял Кодекс, закрыл и положил на стол. Объяснять в ответ ничего не требовалось. Она уже увидела, сколько людей оставалось за короткой строкой о заслугах и потерях.

В Третьем Кенши однажды окликнул его у ворот:

— Бумаги забыл!

Владис вернулся на два шага. Эльф показал пустые руки и рассмеялся.

— Теперь знаю, зачем идёшь. Давно бы так.

Аврел спросил только, когда ждать обратно. Владис назвал час; Кенши тут же попросил свидетелей запомнить, вдруг впервые сдержит.

Однажды Маргариана задержалась у Фавия, споря о размещении больных. Лекарь требовал освободить ещё одно помещение; она объясняла, что его уже заняли. Владис ждал у двери, слышал, как оба всё громче повторяют своё. Наконец Маргариана попросила список людей, которых нельзя перевозить, и пообещала вернуться с ответом.

Когда она вышла, Владис взял её за руку. Без заранее приготовленных слов. Маргариана посмотрела на него и не отняла ладони. Некоторое время они стояли возле двери, мешая проходу, пока Фавий не велел обоим отойти.

Пришлось отойти. Они засмеялись почти одновременно.

На улице было прохладно. Маргариана поправила ворот свободной рукой, но вторую не забрала. Они дошли до скамьи, где обычно ждали сопровождающие, и сели. Сегодня никто не торопил во дворец. Владису предстояла вечерняя проверка, однако до неё оставалось время.

— Ты всё ещё ждёшь, что я попрошу оправдать отца? — спросила она.

Он подумал, прежде чем ответить.

— Уже нет.

— А я иногда жду, что ты напомнишь, как не поверила сразу.

Владис провёл большим пальцем по её ладони. На сгибе указательного темнели чернила, не отмытые после работы с Фавием.

— Напоминать незачем. Ты помнишь.

Маргариана осталась сидеть рядом. Вспомнила о вечерней проверке раньше него; Владис уже опаздывал. Он поднялся, но её руку сразу не отпустил.

— Кенши опять скажет, что знал.

— Скажи, я задержала.

— Он это и знал.

Она засмеялась, отпустила ладонь и легко толкнула его в плечо — иди. Владис дошёл до ворот и обернулся. Маргариана ещё сидела на скамье.

* * *

— Они всё узнали? — спросил Гость.

Орк покачал головой.

— Достаточно, чтобы прежний рассказ об Унго больше не сходился. Кто готовил переправу, кто солгал новобранцам, кто подписывал не читая. Но знание не убрало Сенат и не вернуло погибших.

— Тогда что изменилось?

Рассказчик помолчал, глядя на огонь.

— Маргариана перестала защищать бумагу прежде человека. Владис научился слушать её прежде, чем спорить с дочерью Императора. Для них обоих это оказалось труднее, чем казалось со стороны.

Глава XVIII. Мир

Рилнборт зацепил ножнами ножку стула, выругался и отодвинулся от стола вместе с ним. Писец у стены торопливо опустил глаза. Король перехватил этот взгляд и рассмеялся:

— Записывать не надо. К договору не относится.

Писец был тонок и гладко выбрит; пальцы у края листа уже потемнели от чернил.

Владис придержал качнувшуюся чернильницу. Перед ними лежали два экземпляра мира с Феодалами: один останется в Драевиле, другой поедет в Рилнморск. Человек напротив ещё недавно выводил конницу под Зоренкой, а теперь отвечал за всё королевство. Старый король сам передал сыну корону и полномочия, пока ещё держался в седле. Рилнборт принял их и обнаружил, что даже знакомую дорогу теперь нельзя обещать открыть одним движением руки.

— Здесь ещё раз прочти, — попросил он, придвигая лист. — Теперь моя подпись связывает не только тех, кто ходил со мной в бой.

Они сверили обязательства сторон. За окнами звонили повозочные колёса: возчики уже ехали по городу, ещё не зная, о чём договариваются наверху. Владису хотелось подписать скорее, а Рилнборт всё возвращался к строкам. За свою сторону он отвечал так же упрямо, как Владис привык отвечать за Третий.

— Хоть одна дорога без щитов поперёк, — сказал Владис, когда Рилнборт взял перо.

— Лучше несколько. Давай начнём с этой.

Он расписался, дождался, пока подсохнут чернила, и повернул лист. Владис поставил свою подпись там, где ему

показали. При Сарициании такие дела редко завершались за один разговор; к этому столу шли через долгие согласования, но теперь всё необходимое было решено. Писец осторожно забрал документы. Только тогда Рилнборт встал и протянул руку.

Рукопожатие получилось крепким, почти прежним. Владис узнал хватку человека, которого встречал после боя, и впервые за утро перестал замечать королевское облачение друга.

— На свадьбу приедешь? — спросил он.

— Если не передумаешь приглашать.

— Я уже передал твоё имя.

— Тогда придётся. Не хочу начинать правление с нарушения первого обещания.

* * *

За разговорами, прогулками и службой прошло ещё полгода. Владис по-прежнему навещал Третий, Маргариана занималась Первым, и иногда они встречались только поздно вечером. В такие дни за ужином каждый сначала рассказывал о своём легионе. Потом кто-нибудь замечал, что еда остыла, и разговор наконец переходил на другое. Они успели научиться жить рядом прежде, чем во дворце начали расставлять столы для свадьбы.

В день праздника Владис обнаружил, что его помощи здесь почти никто не желает. Он передвинул стул, освобождая проход, но служанка тут же вернула его обратно. Попытался объяснить, что через это место понесут горячие блюда; женщина согласилась, сделала поклон и снова поставила стул туда, где он стоял прежде. Маргариана наблюдала за ними от двери. Когда Владис

принялся искать того, кто распорядился расстановкой, она подошла и взяла его за локоть.

— Ты опять проверяешь выходы.

— Теперь стулья. Они мешают.

— Они для гостей. Ты сегодня тоже можешь сесть.

Щепа, уже успевший раздобыть кубок, обернулся к ним с довольным видом.

— Слышал приказ? Сам бы я не посмел.

— А тебе кто налил?

— Добрые люди. Здесь их много, если не двигать мебель.

Маргариана рассмеялась и потянула Владиса за собой. У ступеней пришлось приподнять непривычно длинный подол; жених нагнулся помочь и едва не столкнулся лбом со слугой, нёсшим поднос.

— Вот! — Владис поймал качнувшийся кубок. — Я говорил: тесно.

— Потому что жених стоит посреди прохода, — отрезала Маргариана, забирая у него кубок. — Веди меня в зал. Мебель оставь в живых.

Щепа захохотал им вслед. Владис грозно обернулся, однако жена уже увлекла его к гостям.

В зале было людно. Рядом с дорогими поясами и праздничной вышивкой виднелись простые солдатские одежды. Терен стоял возле стола с Аврелом и доказывал, что здесь поместятся ещё двое. Аврел отвечал, что двое уже пришли и именно из-за них не хватает места следующим. Бард тем временем привёл ещё нескольких соратников. Ни один из них не выглядел человеком, который сомневается в своём праве присутствовать. Увидев Владиса, они разом выпрямились, и ему пришлось махнуть рукой, чтобы никто не начинал доклад посреди свадьбы.

Торжественные слова во славу Двоих произносили без спешки. Владис слышал голос рядом, чувствовал пальцы

Маргарианы и старался не смотреть на собравшихся. Но, когда настало время ответить, всё-таки обернулся. Фавий стоял немного в стороне, Кенши не сводил с них глаз, за плечом Рилнборта виднелся Бард. Дальше, возле женщин из Зоренки, была Сильвия. Она кивнула ему, словно перед самым обычным делом, в котором не следовало робеть.

Он ответил уверенно. Маргариана сжала его руку, и этого оказалось достаточно, чтобы всё остальное перестало казаться чужим.

За столами долго не могли усесться. Щепа уступил место женщине, переставил свой кубок и обнаружил, что на новом месте уже сидит Кенши. Тот подвинулся без спора, зато забрал у Щепы хлеб. На другом конце стола Рилнборт снял мешавший ему плащ и передал его стоявшему поблизости слуге. Солдаты поглядывали на короля с осторожностью, пока он сам не попросил передать ему блюдо. После этого разговор пошёл свободнее.

Бард завёл свадебную песню. Сильвия тут же подхватила, не дожидаясь, пока найдётся кто-нибудь ещё. Владис узнал первые слова и улыбнулся; он слышал эту песню задолго до армии. Но следующий куплет запели и за столом знати. Невысокая женщина, прежде державшаяся с торжественной строгостью, отбивала пальцами ритм по краю стола. Кто-то сбился, и Бард громко вытянул нужную строку, помогая вернуться.

Под хлебом лежало вышитое полотно. Владис опустил на него взгляд и заметил знакомый узор. Таким же дома украшали праздничный стол. Здесь он оказался между серебряной посудой и тяжёлыми кубками, однако ничего в самом узоре не изменилось. Владис провёл по ткани большим пальцем и придвинул блюдо к Маргариане.

— Ешь, пока не началось следующее поздравление.

— Ты наконец понял, как здесь выживать.

Поздравление всё равно началось раньше, чем они успели поесть. Щепа поднялся, опираясь рукой о стол, и достал свёрток. Рядом с ним встал Кенши. Фавий остался сидеть, но посмотрел на Владиса так внимательно, что тот отложил нож.

— От нас, — сказал Щепа. — Не печать.

Владис развернул ткань. Внутри лежала новая карта. Чёрное знамя, белые и красные детали, знакомое сочетание, которое теперь узнавали далеко за пределами Третьего. Край ещё не успел затереться от пальцев. Владис осторожно повернул карту к свету, потом показал Маргариане. Она склонилась над его рукой, чтобы рассмотреть рисунок.

Кенши поднял кубок. Разговоры поблизости начали стихать; за столом знати тоже обернулись. Эльфа из Кланхара в Драевиле слушали нечасто, и некоторые уже приготовились услышать нечто неудобное. Кенши это заметил, но смотреть на них не стал.

— Я помню его в бараке. Номер на рубахе, верёвка на запястьях, а он спрашивает, как зовут соседа по нарам. Никто там не спрашивал. Он спросил.

Владис перестал вертеть карту. Щепа стоял рядом с Кенши без обычной усмешки.

— С тех пор он знает по имени всех. Даже тех, кого уже нет. Сегодня пусть запомнит ещё одно имя — своё. Не легат, не Восставший. Просто Владис. Которого кто-то ждёт дома.

Кубки поднялись вразнобой. Кто-то громко повторил имя, Бард попытался начать новую песню, но ему помешал общий шум. Фавий только пригубил. Щепа выпил до дна и тут же потянулся за добавкой, уже вполне довольный собой. Под столом Маргариана нашла руку Владиса и крепко сжала её. Он повернулся к ней, собираясь что-то

сказать, однако она покачала головой. Слова пока были не нужны.

* * *

В саду оказалось прохладнее. Владис вышел туда ненадолго, после того как его в третий раз попросили повторить, куда следует отправить подарки. Он уже не знал, кому отвечал прежде, и нуждался хотя бы в нескольких минутах тишины. Сильвия стояла возле дорожки. Услышав шаги, она обернулась и улыбнулась так, будто весь день ждала именно этого короткого промежутка между чужими разговорами.

— Ты наконец остановился, чтобы с тобой можно было поговорить.

— Кажется, там решили выдать за меня замуж весь дворец.

— Не жалуйся. Маргариана справляется лучше тебя.

— Она знает, кому можно приказывать.

Сильвия засмеялась. Владис постоял рядом, затем расстегнул сумку. Ленту пришлось доставать осторожно: она была убрана между вещами, которые он редко показывал другим. На сгибах красная ткань потемнела, местами потёрлась. Узел, когда-то завязанный Сильвией, давно пришлось распустить, но сама лента сохранилась.

— Обещал вернуть лично.

Сильвия взяла её обеими руками. Расправила короткий участок, посмотрела на истёртый край и снова собрала ткань в ладонь.

— Вот и вернул.

Сильвия спрятала ленту у себя. Владис всё ещё держал руку протянутой и наконец опустил её: провожать его на

новую войну сегодня никто не собирался. Из зала донёсся голос Барда, слишком громко взявшего высокую ноту.

Он застегнул сумку, задел лежавшую внутри бумагу и задержал руку. Сильвия сразу поняла, что он вспомнил.

— Там всё ещё то письмо?

— Там. Пусть лежит. Оно теперь про другого человека.

Он затянул застёжку. Возчик так и не доставил того письма Сильвии; Рациус вернул его автору непрочитанным. Написанное давно пришлось сказать самому, при встрече в Зоренке. Теперь старый лист лежал среди его вещей, а лента наконец оказалась у той, кому он обещал её вернуть.

— Я рада за тебя, — сказала она. — Только береги её. Не заставляй ждать и гадать, вернёшься ты или нет.

— Постараюсь.

— Вот это говори ей, когда понадобится. Мне можешь просто сказать спасибо.

Он сказал. Сильвия первой повернула к дому. У дверей их встретил Бард, который искал сразу обоих: песня без женского голоса совсем не ладилась. Сильвия велела ему не преувеличивать, но шаг прибавила. Владис вошёл следом и увидел Маргариану за столом рядом с Рилнбортом. Она смеялась, наклонив голову, и не заметила его сразу. Он остановился на мгновение, не желая прерывать её веселье, потом подошёл и сел на своё место.

В тот вечер ему удалось поверить, что так будет ещё много раз.

* * *

После свадьбы вернулись дела легионов, поздние ужины и короткие часы вдвоём. О наследовании Владис не думал: у Сарицианий была законная наследница, его дочь. Потому, когда их обоих позвали к больному императору, он шёл поддержать жену, а не принять государство.

В комнате стоял тяжёлый тёплый воздух. Маргариана сразу села у постели, взяла отцовскую руку и стала растирать холодные пальцы. Сарицианий нетерпеливо шевельнул ими, подзывая Владиса. На этот раз его взгляд был ясным, и говорил он без прежней путаницы.

— Владислави́й. Государство останется тебе.

Владис решил, что ослышался. Он посмотрел на Маргариану, потом снова на Сарицианий. Законная наследница сидела возле постели, и старик прекрасно видел, что дочь слышит каждое слово.

— Я не…

— Дай договорить.

Сарицианий остановился, собираясь с силами. Владис машинально подвинул ему чашу, но император не потянулся к ней. Ему было важнее закончить мысль, пока хватало дыхания.

— Я знаю, ты к этому не готовился. Но ты удержал людей, на которых остальные махнули рукой. За тобой идут, Владислави́й… Солдаты, крестьяне, даже чужие короли. Народ тебя любит. А Империю сейчас удержит только тот, за кем идут.

Маргариана тихо фыркнула. В другое время этот звук заставил бы Владиса улыбнуться, но сейчас он растерянно смотрел на жену. Она не отводила глаз от отца, продолжая держать его руку. Затем коротко кивнула.

— Ты слышал его, муж. Не заставляй меня повторять.

Обиды в её голосе не было. Владис видел, как большим пальцем она осторожно растирает холодные пальцы Сарицианий. Решение о престоле касалось её напрямую, однако в эту минуту она думала прежде всего о лежащем перед ней человеке.

— Маргариана… — начал Владис.

Она подняла на него глаза и едва заметно покачала головой: не сейчас. Сарицианий прикрыл веки, но руки дочери не выпустил. Оставалось посидеть рядом и дождаться, когда он снова захочет говорить. Владис опустился на принесённый стул. Никаких приготовленных слов о власти у него не было. Ещё утром он спорил с Аврелом о делах Третьего и собирался закончить день дома, возле жены.

Через два дня Сарицианий умер. Это случилось под утро, во сне. Маргариана оставалась у постели и поняла, что произошло, раньше остальных. Когда Владис вошёл, она сидела прямо и поправляла покрывало. Слуги ждали у стены, не решаясь приблизиться.

— Он всегда мёрз, — сказала она. — Даже летом. Я велела принести ещё одно одеяло… Вчера. Его так и не принесли.

Владис остановился рядом. Ему хотелось обнять её, но он боялся, что она сейчас не вынесет даже этого.

— Марга…

— Не надо. Просто побудь.

Он сел на пол у её колен. Она положила ладонь ему на плечо и больше ничего не сказала. В комнате было слышно, как за окном перекликается стража. Наступало обычное утро; людей сменяли на постах, открывали двери, несли воду. Владис смотрел на край покрывала и ждал, когда Маргариана сама пошевелится.

За дверью послышались осторожные шаги. Кто-то тихо спросил стражника, можно ли войти. Ответа Владис не расслышал, но затем постучали.

— Государь… Простите. Канцлер ждёт. Нужна подпись о трауре, о печати, о страже у ворот…

Владис поднял голову не сразу. Обращение было новым, и ему потребовалось мгновение, чтобы понять: зовут его. Он посмотрел на дверь, затем на Маргариану.

— Иди, — сказала она.

— Я останусь.

— Нет. Иди. Он тебе это оставил. Если ты сейчас не выйдешь, завтра они решат, что можно подписывать без тебя. Отец бы понял.

На последнем слове голос дрогнул. Владис встал, поцеловал её в висок и вышел. Уже у двери он оглянулся. Маргариана снова поправляла покрывало; теперь по её щекам текли слёзы. Она плакала беззвучно, чтобы никто снаружи не услышал. Владис задержался всего на миг. Потом закрыл за собой дверь и повернулся к людям, ожидавшим его решения.

* * *

Весть облетела Драевиль за один день. На площадях её пересказывали по-разному, но одна подробность неизменно вызывала спор: бывший штрафник, беглый с Унго, получал императорский престол. Те, кто недавно приветствовал его на торжествах, теперь пытались представить того же человека в короне. В Сенате известие встретили ещё хуже. Однако последнюю волю Сарицианий произнёс при свидетелях, а его единственная наследница поддержала решение. Оспорить его открыто никто не решился.

Перед коронацией Владису показывали, где стоять и когда повернуться к собравшимся. Он слушал внимательно, хотя необходимость заранее выучить собственные движения раздражала. Маргариана подошла, поправила застёжку на его плече и отослала помощника. Несколько мгновений они стояли вдвоём среди приготовленных вещей.

У помощника были гладкие щёки, аккуратно приглаженные волосы и тонкие ловкие пальцы.

Для церемонии предназначалась обычная корона. Неподалёку, отдельно от прочих регалий, под охраной находилась другая. Владис задержал на ней взгляд. Маргариана проследила за ним и сразу заговорила:

— Корона Власти. Не прикасайся. Её нельзя надевать.

— Почему она здесь?

— Потому что её хранят. Это не значит, что ею пользуются.

Он посмотрел на жену и кивнул. Ничего не тянуло его к запретной регалии. Перед ним лежало множество предметов, которыми он пока не умел пользоваться, и предупреждение Маргарианы было достаточно ясным. Когда его позвали, Владис отошёл вместе с ней. Обычную корону подняли с предназначенного для неё места; стража возле другой осталась стоять.

На церемонии он увидел знакомые лица далеко не сразу. Ближайшие ряды заняли люди в тяжёлых праздничных одеждах. Владис слушал положенные слова и ждал, пока они закончатся. Лишь повернувшись к залу, заметил Кенши, Аврела, Фавия. Те стояли спокойно. Они уже знали его достаточно хорошо, чтобы не ждать перемены лица из-за возложенной короны.

Когда всё завершилось, к нему направились просители. Одни хотели поздравить, другие — напомнить о деле,

которое следовало решить немедленно. Владис велел приготовить заседание Сената. Откладывать первый разговор он не собирался.

Старые сенаторы заняли привычные места. Канцлер расправил перед собой бумаги и начал говорить о порядке передачи дел. Владис выслушал его до конца, после чего положил на стол карту Унго. Никто не попросил объяснить, что это за карта.

Зачёсанные назад седые волосы открывали узкое лицо канцлера. Карие глаза смотрели над бумагами, тонкие губы двигались едва заметно; длинные бледные пальцы разглаживали лист даже там, где складок не было.

— Старый состав отправится с дипломатической миссией в Серые земли.

Канцлер замер. Один из сенаторов повернулся к соседу, но тот отвёл взгляд.

Повернувшийся сенатор был широколиц, с короткими седыми волосами. Его сосед, тонкий человек с аккуратной бородой, теперь разглядывал собственные пальцы у края стола.

— Государь… Сенат служил Империи тридцать лет.

— Вот и послужит ещё. Карта Унго с вашей печатью лежит у меня, канцлер. Серые земли — это милость.

В зале стало тихо. Владис не повысил голоса и не позвал стражу. Поручение следовало оформить так же, как оформлялись прежние почётные миссии. Все присутствующие понимали настоящую причину назначения, но требовать открытого обвинения никто из них не захотел. Канцлер побледнел, ещё раз посмотрел на карту и медленно собрал свои бумаги.

Новые места заняли Аврел, Терен, Фавий, Кенши и Кассий. Первое время они садились с заметной осторожностью, словно не желали привыкать к креслам,

пока не разберутся с работой. Рилнборт оставался союзным королём. Дружба с Владисом не превращала его ни в подданного, ни в имперского сенатора.

— От Кланхара я буду говорить, — предупредил Кенши. — Не вместо всего Кланхара думать.

— Поэтому и прошу тебя.

Фавий отодвинул высокое кресло и устроился ближе к краю стола.

— Сразу скажу: если ради этих разговоров людей в лазарете бросать, найдёшь себе другого сенатора.

Кассий закрыл рот ладонью. Аврел сделал вид, что читает, но бумага у него дрогнула.

— За легионом смотришь, как смотрел, — ответил Владис. — Кто мешает — говори мне.

— Ты тоже здесь сидишь.

— Значит, начнёшь с меня.

Терен с Кенши уже освобождали середину стола для карты. Подсвечник пришлось переставить, чернильницу передать Кассию; тяжёлые кресла с неудовольствием заскрипели по полу. Аврел подозвал писца и потребовал документы, по которым можно было понять, что действительно сделано. Первое заседание началось прежде, чем кто-нибудь вспомнил о положенной вступительной речи.

Тарквин по-прежнему носил бумаги. Он вошёл с очередной связкой, положил её у края стола и выждал, когда ему укажут место. Владис задержал на нём взгляд, затем продолжил разговор. Ни приказа об аресте, ни публичного обвинения не последовало.

Вечером Кенши вернулся в опустевший зал. Владис ещё сидел над документами. На одном подоконнике догорала свеча, и Кенши передвинул её поближе к столу, прежде чем заговорить.

— Старый Сенат ты выслал. А этот носит бумаги в двух шагах от твоего трона. Печать с отколотым углом шла через его стол.

— Шла. И пусть идёт дальше.

— Объясни.

Владис отложил перо. Он ждал такого вопроса, но от этого ответить было не легче.

— Сенат уехал. А печать осталась. Кто-то ещё ею пользуется. Если убрать Тарквина, бумаги пойдут другой дорогой, и я её не увижу.

— А так увидишь?

— Так Сорока увидит. Каждое письмо, что ляжет на его стол. Каждого, кто к нему зайдёт.

Кенши долго смотрел на него, затем хмыкнул без улыбки.

— Раньше ты хотел поставить его перед строем.

— Раньше у меня был строй. Теперь у меня Империя. Перед ней одного Тарквина мало.

— Уже смотрю, государь. С первого дня.

Сорока стояла в дверях. Владис не заметил, когда она появилась, и не стал спрашивать, сколько слышала. Она прошла к столу, забрала предназначенную ей бумагу и уточнила, нужен ли ответ сегодня. Разговор снова стал рабочим. Кенши подождал, пока она уйдёт, после чего взял с соседнего стула свой плащ.

— Хоть домой сегодня вернись.

Владис посмотрел на оставшиеся документы и наконец накрыл чернильницу.

* * *

Когда родился Трост, Владис впервые держал сына так осторожно, что Маргариане пришлось поправить ему руки. Мальчик недовольно сморщился, задвигал головой, и отец растерянно посмотрел на жену. Она улыбнулась, усталая после тяжёлого дня, и велела не стоять посреди комнаты: ребёнку было вполне удобно, неудобно было самому Владису.

На сморщенном лбу темнел мягкий пушок волос. Маленькие кулаки то сжимались, то разжимались у отцовской груди.

Через три года родился второй сын. К тому времени Владис уже умел брать младенца на руки и не звал помощь при каждом движении. Но, когда его спросили об имени, он ответил и надолго замолчал.

— Октавий.

Маргариана знала, кого он вспомнил. Она не стала расспрашивать при других. Подозвала к себе Троста, который пытался заглянуть за отцовский локоть, и подняла его повыше, чтобы он увидел брата. Владис наклонился к ним. Младший спал, старший разглядывал его с серьёзным любопытством, а из коридора уже звали императора к очередному делу.

На светлой головке младшего лежал рыжеватый пушок. Трост склонился к нему, и чёрные детские пряди почти коснулись отцовской руки.

— Подождут, — сказала Маргариана.

На этот раз Владис не возразил.

* * *

— Значит, всё-таки вернулся домой, — произнёс Гость.

Орк перевернул страницу. Гость успел заметить два имени, вписанные одно под другим, и придвинулся к столу, чтобы расслышать продолжение.

Глава XIX. Наследники

С тех пор как Владиславий принял корону, прошло тринадцать мирных лет. В Кодексе прибавилось немало названий, возле которых не требовалось записывать погибших. Договоры, посольства, дороги. Столетний мир с Рилнморском положил конец сорокалетнему спору за Межу. Из-за неё по-прежнему приходили письма, случались затруднения, но теперь Рилнборт и Владис разбирались с ними, не посылая к границе конницу.

Мир с Орчьим Союзом продлили и скрепили печатями в Бракре. Договорились с Дуократией в Илладиуме, с ВАГГ во Фраполисе. Эти названия Владис прежде видел на картах рядом с возможным направлением чужого удара. Теперь за ними стояли обязательства, которые приходилось выполнять и самой Империи. В новом Сенате внимательно читали то, что присылал Совет Триединства. Когда за новой формулировкой обнаруживали прежнюю сделку, документ возвращали. Кенши не позволял подменять словами о благополучии эльфов право Совета распоряжаться всеми, кто родился эльфом.

С северного острова пришла присяга бронкусов. Кузнецы этого народа давно снабжали легионы оружием и доспехами; теперь остров официально вошёл в Империю. Из Драевиля туда отправлялись по торговым делам, а не на завоевание. Войско росло: Владиславий создал десять оборонительных легионов, предназначенных защищать материк от возвращения Падших.

Новые знамёна делали по образцу Третьего, а за самим Третьим сохраняли старшинство по чести. Фавий ворчал, что теперь издали всех перепутает. На первом же смотре подхватил сползавшее у молодого солдата древко и велел

держать ровнее: свою руку расшатает, чужого человека по голове ударит. Владис, проезжавший мимо, с трудом подавил улыбку.

Легионы готовились защищать материк. За всё правление Владиславия державы ни разу не вступили в войну друг с другом. Солдаты стояли на службе, учились, получали оружие; их сила не превращалась в повод захватить соседнюю землю. Торговцы привыкли доезжать до места, крестьяне — возвращаться с рынка, не выясняя у встречных, под чьими щитами теперь придётся проходить. Мир был настоящим, и люди успели устроить в нём свою жизнь.

Терен принёс ему карту новой дороги и показал место, где больше не придётся разгружать повозки. Владис сразу спросил, далеко ли оттуда до заставы.

— Эта дорога теперь нужна обозам, а не отходу, — напомнил Терен, придерживая сворачивающийся край.

— Отметь оба назначения.

Терен поставил вторую отметку. За окном ссорились возчики — громко, уверенно, среди бела дня. Дорога уже работала, и каждый хотел проехать по ней первым.

* * *

Памятник стоял достаточно высоко, чтобы мальчикам приходилось запрокидывать головы. Каменный Владиславий смотрел поверх них, вдаль. Трост отошёл на несколько шагов, рассматривая щит, Октавий остался у основания. Ему было десять. Старшему было тринадцать, и он уже считал, что младший слишком долго задерживается возле вещей, на которые можно посмотреть сразу.

У Троста уже обозначились отцовские скулы и линия бровей; под чёрными волосами смотрели серые глаза.

Младший был светлокожим, с волосами цвета закатного огня и глазами, похожими на вишнёвый мёд. В лице и живых движениях Октавия чаще узнавалась мать.

— Он на нас не смотрит, — сказал Октавий.

— Это камень. Пойдём к настоящему.

— Подожди.

Октавий обошёл основание, стараясь найти место, откуда лицо было бы видно целиком. Настоящий отец выглядел иначе. По вечерам он уставал, садился тяжело и иногда долго тёр переносицу, прежде чем заметить вопрос. Каменный казался бодрым в любое время дня. Владиславию шёл тридцать девятый год, однако здесь его изобразили так, будто все эти годы он только стоял на чистой площади и ждал приветствий.

У настоящего Владислава на висках уже появились седые волосы. Лицо стало жёстче, морщины у густых бровей не исчезали сразу даже тогда, когда он переставал читать бумаги.

— Почему на памятнике Владиславий, а Бард зовёт его Владисом?

— Это одно имя. Бард знал его ещё дома.

— Меня он тоже зовёт по имени.

— А как ему тебя звать?

Октавий нахмурился. Трост подошёл, взял его за плечо и повернул к дорожке. До занятия с Рациусом оставалось немного времени; если опоздать, объяснять пришлось бы старшему. Младший вывернулся, но пошёл рядом. Через несколько шагов он всё-таки спросил, почему отцу поставили памятник, если отец ещё жив. Трост не знал. Он обещал спросить Барда, которому вообще можно было задавать такие вопросы без длинного объяснения, как следует вести себя наследникам.

Рациус ждал у фонтана. Учебный клинок Трост взял с готовностью, сразу попробовал вес и встал напротив наставника. Младший сел на ступени. Ему нравилось смотреть, когда брат нападал, и не нравилось, когда их заставляли подолгу переставлять ноги.

— Начинай, — велел Рациус.

Трост шагнул вперёд. Дерево стукнуло о дерево, мальчик попытался продавить защиту и получил короткий удар по боку. Не сильный, но достаточно обидный, чтобы тут же броситься снова.

— Стой!

Рациус удержал его клинок и показал вниз.

— Ноги.

Трост посмотрел. Он слишком вытянулся, перенеся вес вперёд. Рациусу достаточно было отойти, чтобы ученик потерял равновесие.

— Не спеши за ударом. Сначала верни стойку.

— В легионе не будут ждать.

— Поэтому я и учу тебя сейчас. В легион тебе ещё рано.

Трост молча переставил ногу. На этот раз Рациус заставил его повторить движение медленно, потом ещё раз, быстрее. Октавий перестал смотреть и открыл книгу. Сухие удары за его спиной следовали один за другим, прерываясь короткими замечаниями наставника.

После занятия братья поймали отца в галерее. Трост, ещё красный и разгорячённый, преградил ему дорогу, показывая, каким ударом почти достал Рациуса. Владис успел подхватить его за локоть, прежде чем рука задела проходившего слугу.

— Почти — это куда?

— В плечо. Если бы он не отошёл…

— Обязательно скажу ему, чтобы впредь стоял смирно.

Октавий засмеялся. Трост ткнул его пальцем в лоб, но отец перехватил руку и увёл обоих к Маргариане. Младший, прижав книгу к груди, воспользовался тем, что брат теперь идёт с другой стороны, и наконец задал мучивший его вопрос о памятнике.

— Разве ты сам не знаешь? — удивился Владиславий.

— Я знаю, что ты император. Но тебя можно увидеть здесь. Зачем ещё один на площади?

Трост усмехнулся. Отец тоже улыбнулся, и Октавий сразу нахмурился: он спрашивал серьёзно.

— Не все приходят сюда, как вы. Некоторые видели меня один раз. Некоторые вообще не видели.

— А зачем им видеть?

Владис почесал затылок, чем немедленно разрушил всякое сходство с каменным государем.

— Меня спроси про щиты, про мосты. Про то, зачем на меня смотреть… Спроси тех, кто смотрит.

— Бард говорит, ты на камне слишком чистый.

— Бард и тебя умоет, если за стол с такими руками сядешь.

Трост схватил брата за запястье, подставляя отцу ладонь. Октавий вырвался и показал его собственные пальцы, натёртые учебным оружием и перепачканные пылью. За этой ссорой Владис сумел спрятать замешательство. Сын спрашивал без насмешки, и объяснить почести, оказанные одному ему за общее дело, оказалось неожиданно трудно.

— Покажу тебе потом наши старые записи. Там гораздо больше людей, чем помещается на площади.

— Про войну? — сразу спросил Трост.

— Не только.

Мальчики проводили его до комнаты Маргарианы. Она слушала их спор из-за двери и, когда все трое вошли, велела сначала сесть. Трост немедленно начал

рассказывать об упражнении заново, теперь для матери. Та попросила показать положение кисти. Он поднялся с места, изобразил удар, чуть не задев брата, и получил замечание уже от обоих родителей.

— Вот так и погибают за обедом, — проворчал Октавий, отодвигая свой кубок.

Маргариана рассмеялась. Трост сел, но под столом толкнул брата коленом. Младший ответил тем же. Владиславий сделал вид, что занят хлебом, пока их возня не начала мешать слуге разливать воду.

Маргариана забрала у Октавия книгу, когда тот попытался читать за едой.

— После обеда.

— Я только место найду!

— Ты уже нашёл место за столом. Займись им.

Трост прыснул в кружку и получил от матери второе замечание. Владис отломил хлеб, подсунул младшему его часть и спросил, что такого срочного осталось на странице. Октавий заговорил сразу, захлёбываясь от желания объяснить всё, пока ему разрешили. В середине рассказа Трост вмешался; братья стали доказывать каждый своё, и Маргариане пришлось остановить обоих, чтобы выяснить, что именно произошло в книге, а что они уже придумали сами.

Владис слушал их и ел ещё тёплое. Донесение Терена так и лежало в другой комнате. Когда слуга заглянул спросить, понадобятся ли бумаги, император показал на закрытую дверь: позже. Октавий как раз добился права начать сначала, а Трост, закатив глаза, принялся поправлять его с первых слов.

* * *

На весеннем приёме детей посольств отправили в дальний сад. Там они должны были развлекаться, пока взрослые говорили о делах. Октавий сначала держался рядом с ними, но вскоре отошёл к фонтану. Трост с утра занимался у Рациуса и ещё не вернулся. Среди детей младший сын императора чувствовал себя увереннее, когда брат был поблизости, хотя вслух никогда бы этого не признал.

— Это младший, — произнёс за его спиной мальчик постарше. — Второй сын... того самого.

У говорившего были мягкие черты и тщательно приглаженные русые волосы; подбородок он держал высоко.

— Штрафника? — спросила девочка.

Девочка откинула с щеки каштановую прядь и посмотрела на приятеля, ожидая ответа.

— Отец говорит, в Империи теперь любого можно посадить на трон. Даже того, кто бегал от орков.

— А мать у них дочь настоящего императора. Выходит, наполовину настоящий.

Они засмеялись негромко, прикрывая рты ладонями. Октавий обернулся. Собеседники видели, что он слышал, и это, судя по их лицам, доставляло им отдельное удовольствие. Они повторяли то, что говорили дома взрослые, и были уверены, что за такие слова ничего не случится.

Октавий подошёл близко. Старшему пришлось отступить, чтобы не столкнуться с ним. Младший сын Владиславия не повысил голоса.

— Мой отец бегал от орков. Это правда. Он был молодым солдатом. На том поле почти все погибли.

Мальчик открыл рот, но Октавий продолжил, не давая себя перебить:

— А твой отец на том поле не был. Он был там, где подписывают, кому туда идти.

— Ты… что ты себе…

— Ваше посольство третий год просит у нас зерно. Мой отец каждый раз даёт. Когда ты вырастешь, спрашивать будут тебя. Запомни, что ты сегодня сказал.

Поблизости остановился посол с кубком в руке. Он успел услышать последние слова и теперь смотрел то на собственного сына, то на Октавия. Дети примолкли. Стало слышно, как падает вода в фонтане.

У посла были короткие приглаженные волосы и маленькая аккуратная борода; кубок он удерживал длинными бледными пальцами.

— Ваше высочество… Дети говорят глупости.

— Дети повторяют то, что слышат дома, посол.

Октавий развернулся и ушёл. Только возле входа остановился, ухватился за праздничную ленту и сорвал с неё алую полосу. Ткань поддалась не сразу; он дёрнул ещё раз, сердито, обеими руками. Слуга сделал движение в его сторону, но посол покачал головой. Мальчик туго завязал полосу на рукаве и прошёл мимо взрослых, не подняв глаз.

Позднее Владиславий нашёл его возле места, где занимался Трост. Брат отрабатывал стойку, Октавий сидел на каменной ступени и перебирал пальцами красную ткань. Узел получился слишком тугим, однако развязывать его он не собирался.

— Они смеются, будто мы всем должны, — сказал он отцу.

— Из-за чего?

— Из-за того, что мы Империя.

Владиславий сел рядом. Он уже знал о случившемся от других, но хотел услышать самого сына. Октавий пересказал разговор, пропустив собственную угрозу насчёт зерна. Когда отец спросил о ней, мальчик нахмурился ещё сильнее.

— Разве это неправда?

— Зерно просят не для того мальчишки.

Октавий посмотрел на него с досадой. Ему казалось, отец должен был в первую очередь рассердиться на чужую насмешку. Вместо этого тот объяснял, кому достанется зерно. Владиславий заметил его взгляд и замолчал, подбирая слова. Приказать сыну не обижаться было проще всего, но он помнил, как мало помогают подобные приказы.

Трост закончил упражнение и подошёл к ним. Октавий тут же поднялся. Он не хотел пересказывать случившееся ещё раз, особенно при брате, который наверняка начал бы убеждать его вернуться в сад и не обращать внимания.

Алую полосу он с тех пор носил постоянно.

* * *

Маргариана закрыла за вошедшим слугой дверь и подошла к столу мужа. Владиславий всё ещё читал донесение. Ужин остывал; она уже дважды просила его отложить бумагу.

— Посмотри, сколько мы сделали за эти годы. Ты хоть раз можешь этому порадоваться? Не думая сразу о том, как всё потеряешь.

— Я вижу, что получилось. Потому и проверяю.

— Ты вчера ночью снова мерил шагами сад. От стены до окон мальчиков. Стражник мне сказал: третий раз за месяц.

Он положил донесение на стол, но руку с него не убрал.

— Сорок два шага. Если лезть через стену у старой груши — тридцать восемь.

Маргариана некоторое время смотрела на него молча.

— Владис. Ты слышишь себя?

— Слышу. Поэтому велел спилить грушу.

— Ты уже велел? — Она положила ладонь на донесение и сдвинула его к себе, заставив мужа выпустить бумагу. — Эту грушу посадил мой дед. Мальчики под ней сидят каждое лето.

— На неё можно залезть со стороны стены.

— В саду есть стража!

— А если не заметит?

Маргариана приготовилась ответить и остановилась. На каждое возражение у него находилось новое «если», а дерево тем временем уже рубили. Она положила донесение лицом вниз.

— Идём есть. Грушу теперь не вернёшь. Хотя бы ужин с нами проведи.

Владис поднялся вслед за ней. За окном звякнула цепь у ворот. Он невольно прислушался и встретил взгляд жены; Маргариана держала дверь открытой и ждала именно его, а не очередного приказа.

* * *

В тот день Трост занимался у фонтана один. Рациус показал ему движение, которое следовало повторять без противника, и велел следить за тем, чтобы не заваливаться после удара. Октавий устроился на ступенях с книгой. Няня дремала в тени. У кухонной стены время от времени проходили слуги, а из открытого окна тянуло запахом готовящейся еды.

Трост сделал выпад, вернул стойку и начал снова. Деревянный клинок со свистом рассёк воздух. Мальчик остановился, недовольный собой: рука ушла слишком широко. Он уже собирался повторить движение.

Трост повернулся на сухой удар переплёта о камень. Книга брата раскрылась на траве. Сначала он увидел её — нелепо, ведь Октавий никогда не бросал книги, — потом чужую руку на его лице. Человек в серых лохмотьях прижал младшего к себе, перехватив поперёк груди. Октавий упирался пятками в ступень, но его уже стаскивали вниз. Второй чужак шёл от кухонной стены прямо к Тросту.

— Октавий!

Похититель рывком поднял младшего и потащил к кухонной стене. Там, возле водостока, кладка была ниже, а выступ помогал поставить ногу. Спиленная груша осталась далеко с другой стороны сада; через то место они вообще не лезли. Трост побежал вдоль фонтана, стараясь пересечь дорожку раньше, чем туда вытащат брата.

Второй шагнул поперёк. Увидел деревянное оружие, усмехнулся и потянулся схватить мальчика за плечо. Трост едва не ударил широким взмахом, как минуту назад на упражнении. Впереди, за спиной мужчины, Октавий дёргал ногами, а у Троста никак не получалось оторвать взгляд от брата.

«Сначала верни стойку».

Он поставил ногу. Ударил коротко по протянутому запястью — раз! Мужчина выругался, согнулся, другая рука пошла к лицу Троста. Мальчик ударил ниже, по колену. Дерево отдало в ладони, но наёмник рухнул, подхватывая себя здоровой рукой. Трост перескочил через неё и бросился дальше. Оборачиваться было нельзя: брат уже находился у стены.

— Стража! Сюда!

Няня вскрикнула. Где-то за дверью раздались торопливые шаги, однако ждать Трост не мог. Похититель поднялся к стене, закинул одну ногу наверх и пытался удержать вырывающегося Октавия. Младший бил его по руке, но ладонь всё ещё закрывала ему рот.

Трост подскочил снизу и обеими руками ударил по оставшейся ноге. Учебный клинок треснул! Отломившийся конец отлетел к камням, а мальчик ещё стоял с занесённой рукоятью, не понимая, достал ли. Похититель задел плечом водосток, сорвался и рухнул вместе с Октавием. Младший ударился о траву, сразу свернулся, пытаясь высвободить голову.

Чужая ладонь всё ещё цеплялась за его одежду. Трост навалился на неё коленом, рванул брата за плечи и оттащил на себя. Похититель потянулся снова. Мальчик поднял обломок, готовый бить, но рядом уже загрохотали сапоги. На чужака бросился стражник. Трост упал поверх Октавия, закрыв ему лицо от происходящего.

— Я держу. Я держу тебя! Не смотри на них!

Другие стражники пробежали дальше по саду, к раненному в колено наёмнику. Трост услышал приказ бросить оружие, удар, короткий крик. Он вцепился в брата крепче. Октавий кашлял под ним, пытаясь втянуть воздух.

— Ваше высочество, отпустите! Это мы!

Трост поднял обломок клинка. Стражник остановился и медленно опустился перед ним на колено, показывая пустую ладонь. Мальчик видел знакомое лицо, но всё равно не мог заставить себя разжать руки. Только когда Октавий сам попросил дать ему встать, старший немного отодвинулся. За спиной стражника на траве лежали серые лохмотья, и чужих рук вокруг брата больше не было.

* * *

Владиславий влетел в комнату, ударив дверью о стену. Маргариана стояла на коленях перед сыновьями и осторожно отнимала руки Октавия от лица. Младший не хотел показывать следы пальцев. При каждом прикосновении к щеке отдёргивался, и мать уже перестала расспрашивать, только называла его по имени, добиваясь, чтобы он посмотрел на неё.

Трост сразу повернулся к отцу.

— Он здесь. Смотрите, он дышит.

Октавий хотел что-то сказать, но сперва закашлялся. Владиславий подал ему воду. На щеке сына краснел след от чужих пальцев. Отец держал чашку, пока мальчик пил, и смотрел именно на этот след, не в силах отвести глаза.

— Я сам мог... — начал Октавий.

Он не закончил. Трост обнял его свободной рукой; в другой всё ещё держал деревянный обломок. Младший ухватился за ворот брата так крепко, что ткань затрещала. Маргариана сразу прикрыла их обоих ладонями, как будто в комнате ещё находился человек, способный вырвать сына у неё из рук.

Владис опустился рядом. Спросил Троста, куда его ударили. Тот сердито замотал головой: дело ведь не в нём! Пришлось осторожно развернуть его кисть, чтобы убедиться, что пальцы целы. Отец хотел обнять обоих, но между ними мешала деревянная рукоять, и Трост всё никак не выпускал её. Тогда Владис обхватил сыновей вместе с ней.

— Всё. Здесь. Я с вами.

Октавий затрясся. Отец почувствовал это плечом, прижал его сильнее и начал повторять те же слова, уже не

для успокоения сына, а потому, что сам не мог произнести ничего другого.

Когда пришёл Рациус, Трост наконец позволил забрать сломанное оружие. Наставник осмотрел его руку и спросил, сильно ли болит. Мальчик покачал головой, хотя пальцы заметно дрожали. Рациус не стал хвалить его при всех. Сел рядом, дождался, пока младшего уведут умываться, и только тогда сказал, что брат обязан ему жизнью. Трост опустил голову. Теперь, когда больше никого не требовалось удерживать, он сам начал плакать.

Пойманный наёмник заговорил на второй день. В Серых землях их вёл проводник — высокий, светловолосый, с зоренским выговором. Бард выслушал приметы, попросил повторить одну подробность, затем надолго замолчал. Владиславий наблюдал за ним. Они оба выросли там, где такой выговор не привлекал бы внимания.

— Эрик, — наконец произнёс Бард.

В комнате никто не перебил его. Владиславий опустил глаза на запись допроса. Имя было знакомым, но узнавание не давало ни облегчения, ни возможности немедленно что-нибудь сделать. Проводника во дворце не было. Здесь были только пойманные исполнители и их рассказ о дороге через Серые земли.

Заказ привёл к остаткам старого Сената. Владиславий вспомнил почётное поручение, которое сам подписал много лет назад. Люди, отправленные с дипломатической миссией, сумели добраться до его семьи чужими руками. Он перечитал запись, спросил, оба ли мальчика сейчас с матерью, и велел приготовить приказ гвардии.

— Оба сына под защитой. Но не превращайте их комнаты в камеры.

Он назвал каждого отдельно. Трост. Октавий. Присутствующие и без того знали, кого следует охранять,

но Владиславию нужно было услышать оба имени в ответе. Получив подтверждение, он отпустил людей и остался у стола. Перед глазами снова вставал след ладони на щеке младшего.

На следующее утро братья слушали приказ вместе. Трост посмотрел на новых гвардейцев у дверей и первым повернулся к Октавию.

— Отец разрешил выходить. Только охрана будет рядом.

— Рядом — это недостаточно близко.

Трост хотел возразить, но увидел, как младший трогает собственную щёку. Он предложил пойти к Рациусу вдвоём. Октавий покачал головой. Выйти во двор в тот день он так и не захотел.

Рилнборт застал Владиславия в саду. Император стоял у кухонной стены, рассматривая водосток. Он уже не в первый раз приходил сюда и снова проверял, куда мог поставить ногу взрослый человек.

— Владис, они живы. Оба. Иди к ним, посиди с ними хоть сегодня.

— А завтра?

— Завтра я скажу тебе то же самое.

Рилнборт не стал обсуждать высоту стены. Он дождался, пока друг отойдёт от неё, и проводил его к двери.

* * *

Ночью Владиславий отправился проверить сыновей. До поворота коридора оставалось семь шагов. Он отсчитал их и поднял глаза. Поворот всё ещё был впереди.

Владиславий остановился, посмотрел назад и пошёл быстрее. Под сапогом плеснула вода. Он сразу опустил взгляд: пол был сухим. Ещё шаг — и снизу донёсся такой же, как будто под камнем кто-то двигался вместе с ним.

Государь прижал руку к стене. Холодная поверхность ощущалась совершенно ясно, однако расстояние до двери не сокращалось.

В тёмном окне появился его силуэт. Владиславий повернулся к стеклу и увидел собственное лицо, значительно старше настоящего. Оно было осунувшимся; плечи ссутулились. Отражение прижимало что-то к груди. Он поднял руку, собираясь проверить, что держит, но в стекле ничего не изменилось.

Тогда он услышал песню. Тихую, знакомую, без различимых слов. Звук шёл из закрытого Кодекса. Владиславий не помнил, когда взял книгу, но теперь ясно чувствовал её под ладонью. Он попытался вспомнить продолжение, и коридор вытянулся дальше. За дверью раздались строевые шаги. Одновременно там плескалась вода, как дома, когда её переливали из полного ведра.

— Откройте.

Ответа не было. Кто-то считал, сбивался и начинал снова. Владиславий придвинулся к двери, стараясь разобрать, кого считают. Его сыновья должны были спать за ней. Он потянулся к ручке, но оказался возле другой двери, потом ещё возле одной. Ручек с этой стороны не было.

— Откройте! Это я!

Он слышал собственный голос далеко позади. Песня продолжалась внутри закрытой книги. Владиславий прижал её сильнее, будто так можно было заставить звук умолкнуть, и начал искать знакомую зарубку на дверном косяке. Нужно было всего лишь узнать нужную комнату. Одна из них обязательно была комнатой сыновей.

— Владис. Посмотри на меня.

Маргариана держала его за запястье. Он повернул голову, но не сразу увидел её лицо. Потом различил

знакомую комнату, стол, книгу с закладкой. Пол был сухим. От окна не тянулся длинный коридор; возле стены стоял стул, на который он сам положил одежду.

— Оба? — спросил Владиславий.

— Оба спят.

Он ещё несколько мгновений прислушивался, ожидая шагов из-под пола. Маргариана не отпускала его, пока он не посмотрел прямо на неё. Тогда он поднялся. Её ответа оказалось недостаточно: нужно было увидеть самому.

В комнатах сыновей всё оставалось на месте. Трост спал, вытянув руку поверх покрывала. Октавий повернулся к стене и поджал ноги. Владиславий стоял на пороге, разглядывая их, пока Маргариана не подошла сзади. Прежде чем уйти, он оглянулся ещё раз. Двери оставались открытыми, мальчики спали, и ничего не менялось от того, что он на мгновение переставал смотреть.

* * *

Гость провёл ладонью по лицу и пересел, поджав затёкшую ногу. Орк ждал, пока тот устроится. За стеной хижины шуршали ветки; после рассказа о дворцовом коридоре этот обыкновенный звук казался особенно отчётливым.

— Тринадцать лет, — произнёс Гость. — Даже за мирные годы он не успокоился?

— Он слишком боялся потерять семью. Постепенно ему стало казаться, что любую беду можно предотвратить, если за всем следить самому.

— А мальчики?

Орк посмотрел на огонь.

— Мальчики росли. После того дня старший ещё внимательнее слушал Рациуса. Младший ещё чаще оглядывался на стражу.

Глава XX. Предвестники

— Крупнее надо писать! — Аврел отодвинул ведомость на вытянутую руку и прищурился. — Бумагу они экономят. Спросить с них, сколько я времени на их экономию трачу.

Терен молча повернул к нему лист, на котором основные сведения были выписаны отдельно. Аврел перестал ворчать и придвинулся к столу. Владиславий наблюдал за ними, ожидая ответа. Раньше Аврел прочёл бы мелкий почерк сразу. Теперь ему всё чаще приходилось подносить бумаги к свету и сердиться на писарей, хотя дело было не только в писарях.

За годы, прошедшие после попытки похищения, переменились все. В тёмных волосах Кенши проступила седина, которую он старательно не замечал. Фавий больше не шил раны стоя: сначала садился, клал инструменты на колено и лишь тогда принимался за работу. Руки у него оставались такими же точными, но после долгого дня он медленнее поднимался с места. Владиславий тоже чувствовал прошедшие годы. Не настолько, чтобы отказываться от поездки или службы, однако достаточно, чтобы помнить каждую бессонную ночь ещё несколько дней.

Борода Фавия стала заметно светлее, седина чаще встречалась в коротких волосах. У Терена тоже побелели пряди возле ушей; на длинном лице углубились морщины, но тонкие пальцы по-прежнему точно находили нужное место на карте.

Сыновья подросли. Рациус всё реже поправлял Тросту руку и всё чаще заставлял самостоятельно объяснить допущенную ошибку. Октавию давно стала тесна одежда, в которой он сидел у садового фонтана. Алый цвет он

по-прежнему выбирал сам. Встречая мальчиков в коридоре, Владиславий иногда удивлялся, как высоко теперь приходится поднимать глаза, чтобы посмотреть старшему в лицо. Затем вспоминал о деле, ради которого шёл, и торопился дальше.

С севера приносили новые известия. Они ложились на стол поверх старых планов, которые император так и не позволил убрать далеко. Терен сводил показания, отмечал, что подтверждалось, и отодвигал всё, чему пока нельзя было доверять. Владиславий знал этот порядок и прежде не возражал. Сейчас каждая отложенная бумага раздражала его, будто вместе с ней отодвигали наступление врага.

— Сколько времени у нас осталось?

Терен не ответил сразу. Он провёл пальцем по карте, остановился у края и поднял глаза.

— По признакам это они. А сколько их — пока неизвестно. Не заставляй меня рисовать на карте войско, которого разведчики ещё не сосчитали.

— Я спросил про время.

— И про время отвечу, когда смогу. Если сейчас назову срок, ты начнёшь отдавать приказы по нему.

Аврел положил прочитанную ведомость рядом с картой.

— Десять легионов к выступлению подготовим. Можем и все сразу поднять. Только обозы вслед за ними одним приказом не ускоришь.

— В прошлый раз мы ждали объяснения, пока люди бежали мимо нас.

Фавий, до этого молчавший, подвинул к себе пустой стул. Сел и посмотрел на Владиславия снизу вверх, как когда-то возле походного костра.

— А ты вспомни, как мы потом раненых вывозили. Кого успели, кого бросить пришлось. Про это тоже подумай.

Владиславий отошёл от стола. Ему хотелось немедленного движения: послать людей, подтянуть войска, закрыть все места, через которые противник мог выйти к жилью. Он готовил государство к этому годами. Теперь, когда сведения начали подтверждать его опасения, каждый видел прежде всего причину, по которой нельзя было двигаться быстрее.

Однако никто из сидевших перед ним не спорил с необходимостью защиты. Аврел уже подсчитывал снабжение, Терен искал проходы, Фавий думал о раненых. Владиславий вернулся к карте и заставил себя слушать дальше.

— Покажи дорогу для телег.

Терен показал. Потом указал место, где движение войск могло её перекрыть. Если направить туда всё сразу, солдаты ещё сумеют пройти, а нагруженные повозки останутся ждать. Владиславий посмотрел на соседние отметки. На бумаге между ними было достаточно свободного места; на земле этого пространства могло не оказаться.

— Терен, дороги. Аврел, связь между участками. Легионы подтягивать так, чтобы не перекрыть обозы.

Аврел кивнул и записал приказ. Фавий подождал, пока остальные договорят, после чего попросил показать ему предназначенные для вывоза проходы. Он хотел проверить их до того, как там появятся раненые. Владиславий согласился. Движение началось не так быстро, как ему хотелось, но теперь у каждого было конкретное дело.

* * *

На площадке перед казармами принимали снаряжение. Солдаты стояли возле разложенных щитов, проверяли ремни, примеряли то, что привезли взамен изношенного. Владиславий прошёл между рядами вместе с Аврелом. Его узнавали, пытались выпрямиться, и приходилось всякий раз велеть продолжать работу.

Один из молодых легионеров слишком поспешно перетянул крепление. Ремень перекосился, щит повис неудобно. Стоявший рядом ветеран развернул его, показал ошибку и заставил переделать. Владиславий задержался возле них, но вмешиваться не стал. Молодой справился со второй попытки, ударил ладонью по щиту, проверяя, не болтается ли, и только тогда заметил императора.

— Продолжай, — сказал Владиславий, прежде чем тот успел заговорить.

У выхода пришлось посторониться: через двор вели колонну. Молодые старательно смотрели перед собой; старые успевали и держать равнение, и обругать возчика, вывернувшего им под ноги. Аврел придержал императора за локоть.

— Подожди. Пусть пройдут.

Владиславий дождался, пока последний ряд скроется за стеной, и услышал Фавия:

— Опускай! Вместе, не бросайте!

За поворотом стояла нагруженная повозка. Двое с носилками пытались протиснуться между колесом и стеной. Один уже прижал локоть к боку, другой держал свою рукоять двумя пальцами. Фавий заставил их поставить носилки и подошёл к возчику.

— Отведи.

— Мне сюда велели.

— А мне велели людей вывозить. Пока у тебя в телеге мешки, давай поссоримся сейчас.

Возчик увидел императора и снял шапку. Фавий обернулся вслед за ним.

— На плане свободно, — сказал он. — А вот иди посмотри.

Владиславий прошёл к повозке. За нею ждали ещё две: каждую поставили ненадолго, пока принимают груз с передней. Он подозвал старшего и велел пройти с носилками до самого выхода, а телеги отвести во двор. Возчик полез на облучок, недовольно понукая лошадь. Носильщики снова взялись за рукояти.

— Сам бы отогнал, — заметил Фавий.

— Почему тогда кричишь?

— Потому что иначе не слышат.

Император усмехнулся и потянулся помочь ему с тяжёлой сумкой. Лекарь с готовностью отдал её и пошёл следом за носилками. Владиславию пришлось догонять.

К вечеру всё, что приказали, было сделано. Десять легионов начинали движение к северу, дороги для беженцев оставались открыты. Аврел положил перед императором донесения и ждал, пока тот прочтёт.

— А на соседнем участке?

— Тоже проверили.

— Кто?

Аврел назвал человека, которому Владиславий сам доверил участок.

— Позвать его?

— Не надо.

Владиславий вернул лист. Аврел собрал бумаги, но император уже разворачивал карту.

* * *

У костра Третьего сидели так же, как прежде, хотя давно могли устроиться в тёплом помещении. Фавий чинил ремень сумки с перевязочным. Кенши тасовал карты, время от времени поглядывая через огонь. Владиславий спустился к ним без объявления. Ему подвинули место, и никто не стал вставать.

— Здесь всё готово? — спросил он, садясь.

— Ты ведь не за этим пришёл, — ответил Кенши.

Владиславий хотел возразить, но эльф уже протянул ему колоду. Он взял её, привычно провёл большим пальцем по краям и вернул. Играть сейчас не хотелось. Кенши понял и положил карты возле колена.

Огонь трещал. Фавий с усилием протянул ремень через крепление, проверил, выдержит ли, и принялся за следующий участок. Прежде он управился бы быстрее. Сейчас не торопился, зато сумка после его починки не должна была раскрыться в дороге.

— Скерь… Помнишь, как они в первый раз шли? — заговорил Кенши. — Я думал, это тучу по земле несёт. Пока не увидел лица.

— Я помню, сколько мы тогда в землю положили, — отозвался Фавий. — По именам помню. Хватит с меня той тучи.

Владиславий смотрел в огонь. Он помнил людей возле Зоренки, переполненное место для раненых, лица тех, кого приходилось оттаскивать из-под ног. За огнём сидел Фавий, но Владиславий всё ещё вспоминал его возле переполненного навеса.

— Поэтому я и поднимаю легионы. Чтобы по именам больше не считать.

— Будешь считать, — сказал Кенши. — Ты всегда считаешь. Только теперь не сотню — десять тысяч.

Фавий отложил иглу. Владиславий резко поднял голову, но Кенши не отвёл взгляда. Он говорил о том, что ожидало любую большую войну, а не пытался напугать императора новым числом.

— Не говори, будто всё уже решено.

— Я и не говорю. Я смотрю, кто у нас есть.

Кенши выложил на камень карту Империи. Рядом положил другие, раздвинув их так, чтобы все изображения были видны. Колода давно перестала быть только забавой. Эльф охотно доставал её в разговоре, когда хотел показать то, что слишком долго объяснялось словами.

— Вот ты. Десять знамён, крепко. А вот все остальные. Рилнморск, Брарк, Триединство, Дуократия, ВАГГ... Сами по себе. Если туча как в прошлый раз — удержишь. Если больше...

Он замолчал. Владиславий посмотрел на карты. Старые соглашения связывали Империю с соседями, но ни один договор не ставил чужое войско в его распоряжение одним движением руки. Рилнборт мог помочь как друг. Остальные должны были сперва решить, что опасность действительно касается их.

— Я говорю с ними.

— Знаю.

Фавий поднял сумку, проверил ремень ещё раз и наконец отложил её.

— Ты готовишься правильно, Владис. Я не спорю. Только ты готовишься так, будто уже проиграл. Это видно. Людям тоже видно.

— Лучше пусть видят это, чем потом видят меня над их телами.

Ответ прозвучал громче, чем он хотел. За соседним костром на мгновение притихли. Владиславий посмотрел туда, потом снова на Фавия. Тот не стал отвечать. Кенши собрал карты, но Империю положил сверху, отдельно от остальных. Некоторое время они сидели молча, и Владиславий не предпринимал новой попытки расспросить о готовности.

* * *

Из Рилнморска пришёл ответ. Рилнборт требовал подробных сведений: его бароны должны знать, куда и зачем поведут людей. В конце, ниже официального обращения, он приписал собственной рукой: «А мне объяснять не надо. Я однажды уже поехал за тобой. Спрошу у баронов, а поеду всё равно».

Владиславий перечитал приписку и передал письмо Аврелу, придерживая пальцем нижнюю часть.

— Вот это в переписку не включай.

— Понял.

— Сведения отправьте сегодня.

Татия отвечала от Толленграда. Закрывшиеся пути обходились ВАГГ дорого, однако мэр не могла обещать участие всех остальных. Император вызвал её посланца и долго спрашивал, какие дороги ещё открыты. Тот отвечал охотно, но на вопрос о войске всякий раз возвращался к письму. К вечеру Владиславий отпустил его с новыми сведениями, так и не получив обещания.

Вельдаро прислал собственный ответ из Дуократии. Паладин говорил об угрозе у себя и верил императору, но просил не принимать его уверенность за общее решение. Нужны были свидетельства, которым поверят и те, кто не стоял рядом с ними в Зоренке.

Владиславий велел собрать подтверждённые донесения. Потом подошёл к карте, где уже были отмечены десять легионов. За пределами Империи новых отметок пока не появилось.

* * *

Маргариана застала его за столом после очередного разговора. Он даже не заметил, что она вошла, пока её тень не закрыла край листа. Подняв голову, Владиславий начал рассказывать о полученном ответе, но жена остановила его.

— Я уже знаю. Когда ты скажешь: достаточно?

— Когда будет достаточно.

— Ты ответил о запасах. Я спросила о тебе.

Он взял следующий лист, словно там находилось дело, которое нельзя было отложить. Маргариана осталась стоять. Тогда Владиславий опустил бумагу и посмотрел прямо на неё. Она знала все военные доводы, которые он собирался привести. Сама командовала Первым и не нуждалась в объяснении того, почему следует готовить легион заранее.

— Ты позволил им выходить, — сказала она. — Теперь попробуй не требовать отчёт о каждом шаге.

— Я не вынесу, если снова…

— Знаю. Я тоже за них боюсь. Только нельзя всю жизнь держать их под замком.

— Они не под замком.

— Тогда перестань спрашивать, почему Трост задержался у Рациуса. Он задержался у Рациуса, Владис. Там, где ты сам хотел, чтобы он учился.

Император провёл ладонью по лицу. У него был готов ответ: после одного нападения нельзя считать дворец безопасным только потому, что мальчики выросли. Но

Маргариана и этого не отрицала. Она просила перестать превращать каждую обычную задержку в повод для нового допроса.

— Я не хочу мешать им.

— Значит, слушай, когда они говорят, что ты мешаешь.

Она села рядом. Владислави отодвинул документы, освобождая место на столе. Некоторое время они молчали. За дверью прошли люди, послышалось короткое обращение к страже, затем всё стихло. Он заставил себя не звать никого, чтобы уточнить, кто именно приходил.

На следующее утро сыновья провожали уходящих солдат. Трост стоял ближе к проходу и отступал всякий раз, когда мимо проносили снаряжение. Октавий рассматривал оружие и новые знамёна. Колонна вытягивалась медленно; задние ещё ждали команды, когда передние уже скрылись за поворотом.

— Этих людей отправляют, чтобы успеть вывести других, — сказал Трост.

— И чтобы больше никто не решил, будто с нами можно так.

Старший повернулся к брату, но тот уже смотрел на проходивших воинов. Октавий подался вперёд, стараясь разглядеть передние ряды. Трост придержал его за плечо: мимо несли тяжёлый свёрток копий.

Трост проводил взглядом солдата, которому у выхода передали небольшой узел. Передавшая женщина торопливо поправила завязку и отошла, пропуская следующих. Воин убрал узел, прибавил шаг и догнал свой ряд. Трост хотел спросить брата, заметил ли тот женщину, но Октавий уже рассказывал, как хорошо держатся передние. Старший дослушал и согласился. Строй действительно шёл ровно. Только теперь он видел ещё и то, как люди возле ворот ждут, пока нужный им человек

обернётся. Некоторые махали, не дождавшись, и всё равно продолжали стоять, хотя колонна уже уходила из виду.

* * *

Сорока пришла поздно. Положила на стол тонкую связку листов и не села. Владиславий посмотрел на дверь, убедился, что она закрыта, и придвинул бумаги к свету.

— Всё это время смотрю за его столом, государь, — сказала Сорока. — Тарквин аккуратен. Ни одной лишней бумаги, ни одного чужого гостя. Я уж думала, ты ошибся.

— Но?

— Но раз в полгода через секретариат уходит обоз в Серые земли. Содержание дипломатической миссии. Твоя же подпись, ты сам её когда-то поставил. Зерно, ткань, свечи...

Владиславий нахмурился. О содержании миссии он знал, однако не понимал, почему Сорока вернулась к обычным поставкам именно сейчас.

— А в ящиках со свечами письма. С той самой печатью. Отколотый угол, левый нижний.

Он медленно выпрямился. Сорока указала нужное место на принесённом листе, дождалась, пока он рассмотрит, и продолжила:

— Те, кто уехал, не молятся там за Империю. Они пишут. Кому-то здесь, во дворце, и кому-то дальше, в племена. Обоз перед похищением ушёл за месяц до того, как через стену полезли за твоим сыном.

Владиславий перечитал. За окном перекликнулись часовые. Их голоса он хорошо различал в это время, потому что давно не спал, когда другие ложились.

— Почему ты не принесла это раньше?

— Потому что раньше у меня были тени. Теперь вот. Этого хватит, чтобы спросить. Не хватит, чтобы казнить.

Он поднял на неё взгляд. Сорока не отвела глаз и не попыталась смягчить последние слова. Владиславий прекрасно понимал, зачем она их произнесла. Сейчас ему хотелось одного короткого приказа, после которого Тарквин перестанет спокойно ходить по дворцу с бумагами.

— Тарквина взять?

— Возьмёшь — канал закроется, и мы не узнаем, кому здесь пишут. Оставь. Я досмотрю.

Владиславий встал, прошёл к окну и остановился. Это было почти то же решение, которое он когда-то сам объяснял Кенши. Тогда ему удалось произнести доводы спокойно. Теперь перед глазами стоял Октавий после нападения, и рассуждать о пользе наблюдения было значительно труднее.

Сорока ждала. Она не давала новых обещаний и не называла имён, которых не могла подтвердить. Владиславий вернулся к столу, положил листы друг на друга и кивнул.

— Продолжай.

Она забрала то, что требовалось для работы, а оставшиеся бумаги придвинула ближе к нему. У двери обернулась, словно хотела что-то добавить, но передумала. Император остался один. Решение было разумным. От этого ему не меньше хотелось отменить его и немедленно позвать стражу.

* * *

Позднее он снова потребовал Аврела. Тот пришёл, застёгивая одежду на ходу, и по одному взгляду на стол понял, что новых сведений император не получил.

— На постах всё так же, государь.

— Хорошо.

Аврел задержался у двери. Владиславий видел, что его оторвали от отдыха, и всё равно едва удержался от следующего вопроса. Хотелось проверить ещё один участок, повторить чужой ответ и только после этого лечь. Но за одним участком обязательно нашёлся бы другой.

— Иди, — сказал он наконец.

Аврел ушёл. Владиславий погасил одну свечу, но, постояв возле постели, вернулся к столу. Сон не шёл. Владиславий перебрал донесения и раскрыл Кодекс. На старых страницах стояли имена людей, которых он когда-то боялся забыть. Он нашёл чистый лист и начал другой список.

Кто приходил во дворец. Чьи бумаги проходили раньше других. Кто слишком часто оказывался рядом с сыновьями. Прежде чем вписать следующего человека, он задержал перо и ещё раз проверил, на чём основано подозрение.

Вспомнился Кенши. «Мой старший тоже начинал со списка… И записал слишком многих». Владиславий положил перо. Рассказывая о Кланхаре, Кенши говорил об этом совсем другим тоном, чем о своих проделках. Тогда Владис не перебил его. Сейчас возразить было некому.

Потом дописал ещё одно имя.

* * *

Гость наклонился к огню, протянув ладони к теплу.

— Выходит, он зря поднял войска?

Орк покачал головой.

— Вовсе не зря. Падшие возвращались. Беда была в том, что даже после всех приготовлений Владис уже не мог ни отдохнуть, ни успокоиться.

Гость убрал руки. Он собирался спросить ещё что-то, но хозяин уже продолжил. Известия, которых во дворце столько ждали, наконец перестали оставлять место сомнениям.

Глава XXI. Второе вторжение

— К краю! Телегу к краю, освободи дорогу!

Возчик натянул вожжи, но повернуть уже не мог. Впереди стояли люди с узлами, сзади напирала другая повозка. Между колёсами протискивалась женщина с ребёнком на руках. Легионер подхватил её под локоть, помог выбраться из тесноты и повернулся к остальным. Его команду почти не слышали. Каждый видел перед собой свободный промежуток и старался занять его раньше, чем промежуток снова исчезнет.

Возчик сжимал вожжи широкими обветренными руками. У помогавшего женщине легионера были короткие волосы и загорелое широкое лицо; край доспеха истёрся возле шеи.

Владиславий остановил коня. Навстречу войскам шли беженцы. Тащили детей, несли оставшиеся вещи, гнали скотину. Большинство молчало. Люди уже потратили силы на дорогу и теперь поднимали головы только тогда, когда их окликали. Посыльный пытался пробраться между ними с приказом, но его лошадь испугалась тесноты и начала пятиться. Всаднику пришлось спешиться.

Северные пути заранее отметили на картах. В действительности они оказались слишком узкими для такого потока. До большого сражения ещё не дошло, а движение уже останавливалось там, где по расчёту должно было идти свободно.

Терен подъехал сбоку и показал на ответвление.

— Обходы открыты. Передним придётся дольше держаться без части резерва.

Владиславий видел, что другого выхода нет. Он велел направить туда подходящие обозы и отправить людей

помогать на повороте. Легионеры взялись за работу. Одни оттесняли пустые повозки, другие переносили узлы, чтобы их владельцы не задерживали весь поток. Женщину с ребёнком провели мимо лошадей. Она оглянулась, ища кого-то позади, но её спутники уже пробирались следом.

— Не гоните их! — крикнул Владиславий солдату, который слишком усердно замахал рукой. — Показывай, куда идти!

Тот услышал, перестал кричать и повёл ближайших людей за собой. Через несколько мгновений на дороге появилось достаточно места, чтобы пропустить посыльного. Он сразу побежал к императору, придерживая сумку у пояса. Владиславий выслушал, переспросил о соседнем участке и повернулся к Терену.

Короткая стрижка открывала узкое загорелое лицо посыльного; щетина ещё не скрывала молодости.

— Теперь можно свести всё вместе?

— Уже свёл. Трижды.

* * *

Карту разложили на первом удобном столе. Аврел держал край, пока Терен раскладывал записи. Вокруг продолжалось движение: передавали приказы, звали людей, стучали копытами лошади. Владиславий наклонился над столом и велел говорить.

— По тем, кто видел их своими глазами, — сказал Терен. — Не по слухам. Я убрал повторные рассказы об одном и том же месте. Сопоставил, когда и откуда смотрели.

— И? — спросил Аврел.

— В первый раз их было столько, что мы еле удержались. Теперь примерно вдесятеро больше.

Аврел не стал переспрашивать. Он молча переставил отметки легионов. Там, где ещё вчера оставалось свободное место, теперь свободного места не было. Владиславий смотрел на его руки, пытаясь соотнести движение маленьких отметок с тем, что только что услышал.

— Вдесятеро…

— Примерно. Я не стану называть тебе точное число, которого не знаю. Но меньше не будет.

Владиславий выпрямился. Он много лет готовился к этой войне. Строил дороги, собирал запасы, создавал легионы. Даже в мирные дни мысленно возвращался к тому, что однажды уже пришло с севера. И всё это время представлял врага по памяти о первом вторжении. Делал собственную армию сильнее той, что удержала Зоренку, словно противник обязан был вернуться прежним.

Терен ждал новых вопросов. Владиславий ещё раз посмотрел на записи. Просить пересчитать не имело смысла. Терен не принёс бы такие сведения, если бы сам не проверил их до конца.

— Передайте командирам. Без точных чисел, которых нет. Пусть знают масштаб.

Аврел подозвал посыльных. Пока те повторяли полученное, император всматривался в карту. Десять легионов оставались десятью легионами. Он мог изменить их расположение, отдать другой приказ, но не увеличить число людей движением руки.

* * *

За день беженцев отвели с главной дороги. Войска разворачивались перед нею, оставляя за правым краем проход к обозам и лазарету. Первый занял левую часть позиции, Второй — правую; Третий встал между ними, напротив открытого поля. Остальные легионы должны были поддерживать эти участки и прикрывать дороги, по которым всё ещё выходили люди.

На следующем рассвете показались Падшие. Сначала вдоль поля потянулись тёмные ряды. Затем стали видны лица, по которым стекали чёрные слёзы. На этот раз никто не принимал крылья за порванные полотнища. Легионеры знали, кто приближается, и от этого не чувствовали себя увереннее.

Команды прошли по строю. Щиты поднялись, копья выровнялись. Задние ряды придвинулись к передним; те, кто прежде вертел головой, перестали смотреть по сторонам. Владиславий находился там, откуда мог видеть Третий и получать сведения с соседних участков. Чёрное знамя с белым и красным держалось над головами. Молодые солдаты поднимали к нему глаза, проверяя, где свои.

Первый удар пришёл быстро. Передние щиты качнулись, с грохотом ударились друг о друга, но линия удержалась. Раздались короткие крики. Падший навалился сверху, пытаясь достать человека за щитом; копьё из второго ряда встретило его раньше. Тело рухнуло на край построения. Его столкнули наружу, и тотчас на освободившееся место пришёл новый противник.

— Не расходиться! Щиты вместе!

Владиславий услышал команду и увидел, как на правой стороне исправляют образовавшийся промежуток. Люди

двигались правильно, так, как их учили. Раненого оттащили назад, его место занял следующий. Но врагов становилось больше. За первыми рядами поднимались новые, дальше, чем можно было охватить взглядом.

Посыльный от Маргарианы нашёл его возле знамени.

— Первый держит участок. Легат не может растянуть его ещё на оба разрыва.

Почти следом принесли слова Рациуса: Второй тоже не бесконечен, следует решить, где принять давление. Владиславий выслушал обоих, подозвал Аврела и показал на соседние позиции.

— Передай: движения только с подтверждением. Не будем снова ждать часть, которой там нет.

Аврел отправил людей и остался ждать ответа. Один посыльный вернулся быстро, второго пришлось ждать. Владиславий уже открыл рот, чтобы поторопить Аврела, когда за щитами показался бегущий человек. Первый получил приказ; Второй подтвердил. Аврел повторил оба ответа и только тогда махнул своим. Соседние ряды сдвинулись вместе. Вдоль оставленного прохода уже несли первых раненых.

Один из них пытался идти сам. Держался за плечо товарища, бледный, с мокрым от пота лицом. Владиславий велел освободить им место. Подоспевший человек Фавия сразу спросил, получат ли носильщики помощь: если подождать, подходящий обоз перекроет проход и придётся нести в обход.

У помощника были крепкие кисти и засученные рукава, на коротких русых волосах лежала дорожная пыль.

Владиславий посмотрел на передние ряды. Там ждали смены. Люди уставали, а удар не ослабевал. Он видел сразу обе необходимости и не мог отдать одних и тех же солдат дважды.

— К Фавию. Выводить сейчас, пока проход открыт.

Аврел переспросил:

— Всех, кого приготовили на смену?

— Хватит половины?

Человек Фавия быстро оглянулся на проход.

— Если прямо сейчас.

— Веди.

Аврел разделил людей. Оставшихся хватило сменить только правую половину строя. Слева услышали обещанный свисток, но, увидев, что к ним никто не идёт, снова подались к щитам.

На этом краю строй внезапно подался. Несколько щитов разошлись, и в промежуток сразу полез противник. Передний легионер ударил копьём, но наконечник застрял. Он потянул оружие на себя, потерял мгновение и получил удар в верх щита. Сосед подхватил его за плечо, удерживая на ногах. Падший уже протискивался между ними.

— Второй ряд! Туда! — Владиславий указал мечом на разрыв и двинулся вместе с людьми.

Солдаты сомкнулись вокруг него. Ближайший щит поднялся, закрывая сбоку, и император увидел перед собой чужое лицо с чёрными потёками. Ударил снизу, не замахиваясь, отступил на полшага, освобождая место копью. Сталь вошла в тело. Падший дёрнулся, навалился на древко, и Владиславий помог столкнуть его наружу.

— Держи! Не вытаскивай один!

Двое упёрлись плечами, третий дёрнул копьё. Оно вышло рывком. Солдат чуть не упал назад, но стоявший сзади поймал его и сразу вернул в линию. Щиты снова сошлись. Владиславий остался за ними, тяжело дыша, пока не убедился, что промежуток закрыт.

— Раненого назад!

Тот, кого удержал сосед, пытался остаться. Кровь текла у него из-под края шлема, заливала глаз. Он вытирал её плечом и повторял, что может стоять. Император схватил его за ремень и передал подошедшему солдату.

— Сможешь — вернёшься. Сейчас уходи!

Легионер подчинился. На его место встал другой. Всё произошло быстро, но Владиславий почувствовал, сколько сил отнял короткий бой. Передние делали это с утра. Не один раз по собственной воле, а всякий раз, когда к щитам подходил очередной противник.

— Нам-то когда? — крикнул кто-то за плечом императора.

Владиславий обернулся. Возле древка сидел легионер, перетягивая порванный ремень щита. Закончив, он попытался подняться, но нога не выдержала. Сосед подхватил его под мышку и поставил.

Император послал выяснить, сколько ещё нужно людей Фавию. Ответ пришёл вместе с первыми вернувшимися носильщиками. Они торопились занять места; один держал окровавленные ладони подальше от одежды, пока ему не сунули щит. Владиславий пропустил их вперёд. Из линии вышли те, кого оставили ждать. Солдат с перевязанным ремнём ухватился за его локоть, переступая через чужое копьё, узнал и сразу отпустил.

— Иди, — сказал Владиславий. — Иди уже.

Аврел нашёл его возле восстановленного участка и сразу начал докладывать. С правой стороны ждали подтверждения движения. Пока император был занят у щитов, посыльный не мог получить ответ и оставался на месте. Владиславий выслушал, отдал приказ и отошёл туда, где его могли найти остальные.

— Здесь справятся, — сказал Аврел, заметив, что он всё ещё оглядывается.

Владиславий кивнул. Посыльный Второго всё ещё стоял возле Аврела. Император вытер клинок, убрал его и повернулся к нему.

— Говори. Я слушаю.

* * *

Маргариана стояла во втором ряду. Отсюда она видела оба края своего построения и могла вовремя заметить, где люди начинают теснить друг друга. Падшие ударили справа. Щиты загрохотали, один из легионеров подался назад и задел стоявшего за ним. Маргариана сразу подняла руку.

— Правый край — полшага назад! Не бежать, а шагнуть! Щиты сомкнуть!

Команду подхватили вдоль линии. Передние отступили одновременно. Удар, рассчитанный на прежнее положение, пришёлся в пустоту; Падшие подались вперёд и получили навстречу копья. Люди снова упёрлись ногами. В промежутке между щитами показалось бледное лицо, перекошенное от усилия, и тут же исчезло.

— Держать! Теперь стоять!

Маргариана прошла ближе к краю, пропуская мимо себя раненого. Его вели двое, и один собирался остановиться для доклада. Она коротко велела идти дальше. До объяснений сейчас было не ему.

Центурион обернулся на её оклик.

— Твоих с края сменить. Они держатся с ночи.

Он показал, кого собирается выводить, дождался подтверждения и передал команду. Смена проходила под ударами. Усталые отступали по одному, стараясь не развернуться спиной раньше, чем сосед закроет место. Новые воины протискивались вперёд, выставляли щиты и

сразу принимали давление. Маргариана следила за каждым промежутком. Когда последний из сменённых вышел назад, она позволила себе отступить от края.

Посыльный Владиславия застал её там же. Он передал вопрос о положении, стараясь перекричать звон оружия. Маргариана заставила его повторить часть слов: за ближайшим криком не расслышала.

— Участок держу. Резерв сейчас не нужен, пусть отдают соседям. Повтори!

Он повторил. Она кивнула и повернулась к строю. Посыльный уже побежал назад, когда Маргариана снова окликнула его. Он остановился. Она посмотрела на свою линию, где требовали смены ещё двое.

— Всё. Иди.

На соседнем участке Рациус проходил за линией щитов. Старый легат не пытался выглядеть моложе: двигался ровно, берёг силы и останавливался только там, где требовалось вмешаться. Молодой солдат слишком высоко поднял щит, открыв нижний край. Рациус ухватил его за наплечник и пригнул.

— Не выше! Щит ниже, голову ниже! Ты мне живой нужен, а не красивый.

Солдат кивнул, не отрывая взгляда от противника. Рациус хлопнул его по плечу и пошёл дальше. Рядом с молодым стоял старый солдат. Рациус ткнул пальцем в него, затем в щит юноши. Старый кивнул: присмотрит.

У края стоял посыльный, ожидавший ответа. Рациус подозвал его.

— Передайте Третьему: Второй стоит. Пусть там не выдумывают за меня.

Аврел передал эти слова Владиславию дословно. Император кивнул. Рациус не стал бы преувеличивать стойкость своего участка и не стал бы просить помощи,

которая ему пока не требовалась. Это было одно из немногих донесений, после которого не захотелось немедленно задавать дополнительные вопросы.

* * *

Третий держал центр. Здесь по старшинству чести ему и полагалось стоять, и здесь удар ощущался тяжелее всего. Люди видели знамя, слышали знакомые голоса, но день тянулся, а противник не иссякал. Аврел выждал промежуток между ударами и дал сигнал.

— Третий! Смена по свистку! Кто с ночи — назад!

Голос у него оставался сильным. Закончив кричать, он опёрся на древко и переждал, пока восстановится дыхание. Владиславий видел это, однако не стал посылать его отдыхать посреди смены. Аврел ещё сам знал, когда может продолжать.

Кенши стоял на левом краю. Поднимал лук, выбирал цель, выпускал стрелу. Руки помнили работу, но плечо уже не позволяло натягивать тетиву так легко, как прежде. Между выстрелами эльф коротко ругался сквозь зубы. Когда над ближними рядами появились крылатые, он первым крикнул остальным:

— Левый край! Заходят сверху!

Щиты поднялись. Кенши выстрелил в приближавшегося Падшего и потянулся за следующей стрелой. Другой уже снижался над ним. Эльф услышал шорох слишком поздно.

— Кенши, пригнись! Над тобой!

Щепа влетел сбоку и подставил щит. Удар отбросил его на шаг. Он охнул, согнулся, но удержался на ногах. Кенши уже ушёл вниз, выхватывая оружие. Падшего столкнули к линии копий; несколько человек ударили почти одновременно, и тело рухнуло перед щитами.

Щепа выпрямился, тряся онемевшей рукой.

— Скерь... Раньше я их видел издалека, — выдохнул Кенши.

— Раньше ты и меня издалека видел. Теперь только когда в ухо кричу.

— Поговори мне ещё.

— После поговорю. Сейчас смотри вверх.

Кенши проверил лук и снова взял стрелу. Щепа остался рядом, прикрывая его сбоку. Их короткий разговор услышали ближайшие солдаты. Один даже усмехнулся, прежде чем новый удар заставил его снова упереться в щит. Щепа отодвинул его локтем, чтобы эльфу хватало места натянуть тетиву.

Владиславий пришёл к левому краю, когда там уже восстановили положение. Кенши показал, откуда заходят крылатые. Император передал предупреждение дальше и велел не тянуть строй вслед за отходящими. Щепа всё ещё встряхивал пальцы. Владиславий взял его за запястье, но тот выдернул руку.

— Держу же. Смотри.

Он поднял щит. Кенши уже целился из-за его плеча.

Помощь другим легионам уходила одна за другой. Новые части стояли не хуже старых, держали приказ, возвращали подтверждения. И всё равно свободных людей оставалось меньше, чем мест, где они требовались. Владиславий каждый раз сверялся с Аврелом, прежде чем направить очередную группу. Он уже не мог позволить себе уверенность, с которой утром смотрел на собственное знамя.

* * *

К вечеру лазарет Третьего разросся на половину лагеря. Бард таскал воду, помогал ставить колья под навесы и ругался на тех, кто стоял без дела. Увидев Владиславия, он не побежал навстречу. Сперва доволок ведро до нужного места, передал его и только потом повернулся.

— Вот этих успели. Видишь? Все дышат. Фавий говорит, половину до утра на ноги поставит.

Он показал на лежавших под ближним навесом. Среди них Владиславий узнал легионера с раной на голове, которого сам отправил к лекарю. Тот сидел, прислонившись к свёрнутой ткани, и осторожно пил воду. Увидев императора, попытался выпрямиться, но Фавий, проходивший рядом, сразу вернул его на место.

— Лежи. Наглядится ещё.

Раненый послушно опустился на подстилку. Из-под повязки выглядывал глаз; второй скрывала ткань. Он узнал Владиславия и приподнял чашку.

— Обещал вернуться, государь. А этот не пускает.

— Этот прав, — ответил император.

Фавий на разговор не обернулся. Подозвал помощника, показал следующего раненого и сел возле него. Инструменты положил так, чтобы не тянуться далеко. Руки двигались точно. Он спросил имя, дождался внятного ответа и начал работу. Владиславий стоял в стороне, не заслоняя свет.

Бард поднёс ещё воды. Император взял у него пустое ведро, но тот тут же забрал его обратно.

— Ты не стой. Иди к своим картам. Здесь мы сами.

— Сколько ещё несут?

— Много. Фавий тебе скажет, когда сможет отойти.

Владиславий посмотрел вдоль навесов. Места уже не хватало; люди укладывали принесённых там, где удавалось расстелить ткань. Он не мог оставаться здесь и заменять Барда, пока другие ждали решений. Перед уходом велел передать просьбы лазарета Аврелу без задержки и вышел навстречу очередным носилкам.

* * *

— Там. За их последним рядом.

Терен стоял рядом с Аврелом и указывал вдаль. Владиславий подошёл к ним, проследил направление и увидел фигуру за отходившими Падшими. На расстоянии трудно было различить подробности. Она оставалась достаточно заметной, чтобы на неё обернулись ещё несколько человек.

Аврел передал наблюдение соседям. Один из солдат попытался подняться выше, чтобы лучше разглядеть, но его сразу вернули под прикрытие. На поле ещё дрались. Отдельные группы врага отступали, другие продолжали давить, и уходить вслед за теми, кто показал спину, было опасно.

— Не уходить за ней, — приказал Владиславий. — Держать людей.

Фигура двигалась вместе с противником. Император следил за ней, слыша грохот оружия, тяжёлое дыхание стоявших рядом солдат, крики посыльных. То же самое видели Терен и Аврел. Никто не мог объяснить, кто находится перед ними и какое место занимает среди врагов.

Владиславий дождался, пока наблюдение передадут, и вернулся к строю. Сейчас он мог только запомнить

увиденное. Люди возле него нуждались в приказах больше, чем далёкая фигура — в преследователе.

* * *

Маргариана вошла к карте в дорожной пыли, с высохшей кровью на снаряжении. Владиславий посмотрел на неё, пытаясь понять, ранена ли. Она заметила взгляд, коротко показала, что кровь чужая, и сразу заговорила:

— Нам не хватит легионов, чтобы закрыть каждую дорогу. Так мы людей потеряем раньше, чем остановим их!

Фавий подошёл следом. Он успел умыть руки, но рукава оставались испачканными.

— У меня раненых класть некуда! Сам подойди к столу и посмотри, сколько рук осталось.

— Скерь! Остальные-то где? — Кенши остановился напротив императора. — Материк всем нужен, а дохнуть за него опять нам одним?

Владиславий не перебивал. Терен разложил сведённые данные, Аврел указал, где ещё можно переместить людей, не оставив участок пустым. Возможности были, но каждая закрывала одну нужду за счёт другой. Запасы, подготовка и дороги помогали держаться. Они не могли заменить войско, которого не существовало в его распоряжении.

Кенши убрал руку с плеча и упёрся обеими ладонями в стол.

— Ты им написал. Они прочли. И что?

Владиславий посмотрел на Маргариану. Она ждала вместе со всеми, ещё не сняв испачканных перчаток.

— Ещё одно письмо ничего не изменит, — сказала она.

Он снова наклонился к карте. Аврел убирал последние свободные отметки, распределяя их там, где с утра были люди. Император придержал его руку.

— Значит, поеду просить.

Маргариана посмотрела на него внимательно, затем кивнула. Кенши отступил от стола. Аврел сразу вернулся к карте, показывая, что следует удержать до получения помощи. Фавий забрал со стола свою сумку. Ему давно пора было обратно.

Первым Владиславий написал Рилнборту. Коротко изложил, что видели, какого масштаба противник, чего не хватает. Просьбу вычеркнул дважды. Каждый раз получалось либо слишком официально, либо так, будто он пытается скрыть настоящее положение. В конце оставил одну строку и подписал письмо.

Ответ пришёл через три дня. Гонец едва держался в седле, но бумагу передал только в руки императору. Владиславий прочитал её стоя.

«Приезжай. Только не просить, а говорить. Просьбы я слушаю от чужих. Р.»

Он перечитал записку, сложил и убрал так, чтобы не потерять среди остальных донесений.

— Передайте, что еду, — сказал он гонцу.

Тот качнулся и ухватился за край стола. Владиславий поспешно добавил:

— Сперва выспись. Ответ повезёт другой.

Перед отъездом он ещё раз встретился с Маргарианой. Она просматривала сведения о Первом, сидя возле прохода, чтобы люди могли быстро найти её. На столе оставили немного еды. Часть уже остыла, часть так и не тронули. Владиславий остановился рядом, и она отодвинула бумаги, освобождая ему место.

— Когда выезжаешь?

— Как только закончу здесь.

— Здесь не закончишь. Будет следующее донесение.

Он знал, что она права. Стоило дождаться одного ответа, как возникал новый вопрос, затем следующий. Оставаться до полной ясности означало вообще никуда не поехать. Владиславий сел и сообщил, что успел передать Аврелу. Маргариана выслушала, поправила его в одной детали, касавшейся собственного участка, и попросила не менять уже согласованное без необходимости.

— Я не собираюсь командовать Первым вместо тебя.

— Сейчас не собираешься. В дороге начнёшь думать, что здесь могли забыть.

Он посмотрел на неё и улыбнулся устало. Маргариана ответила не сразу. Ей тоже предстояло остаться с неизвестностью: муж поедет договариваться, а от чужих решений будет зависеть, сколько ещё придётся держаться её людям.

— Ты вернёшься с помощью, — сказала она наконец.

— Постараюсь.

— Знаю.

Они ненадолго остались рядом. Владиславий взял оставленный хлеб, разделил его и подвинул половину жене. Она поела, продолжая следить за входившими. Когда подошёл очередной человек с докладом, оба сразу выпрямились. Разговор закончился без долгого прощания: Маргариана должна была вернуться к Первому, Владиславий — выполнить решение, которое уже принял.

У выхода он оглянулся. Жена слушала подчинённого, задавая короткие вопросы. Её голос был ровным. Владиславий пошёл дальше и впервые не остановил встречного посыльного ради ещё одной проверки её участка.

* * *

— Значит, император пошёл просить помощи? — Гость откинулся от стола.

— А что оставалось? Другие державы ему не подчинялись. Пришлось разговаривать в том числе с людьми, которых он долгие годы ненавидел.

Гость кивнул, но затем снова подался вперёд.

— А та фигура... Ты так рассказываешь, будто сам видел, как она стояла.

Орк поправил огонь. Полено осело, рассыпав по углям мелкие искры.

— Её видели многие. Терен, Аврел, половина Третьего. Люди, которые вернулись, рассказывали одно и то же.

Он положил кочергу возле очага и больше к этому не возвращался.

Глава XXII. Враги

Рилнборт встретил Владиславия без церемонии. Подошёл сам, крепко обнял и сразу повёл к столу. Там уже лежала карта. Владиславий узнал часть отметок: друг внимательно прочитал всё, что ему прислали, и не собирался тратить время на повторение.

— Моё слово у тебя есть. Теперь скажи, сколько дней нам нужно продержаться, пока соберутся остальные.

Император остановился у стола. Всю дорогу он мысленно возвращался к просьбе, которую предстояло произнести, и теперь не сразу нашёл ответ. Рилнборт уже говорил так, будто помощь решена, а обсуждать следует только то, как успеть.

— Ты даже не спросил, будет ли что делить после.

— Пусть сперва останется кому делить! А уж поспорить мы с тобой успеем.

Он подвинул карту, освобождая Владиславию место. Тот начал объяснять положение имперских легионов, состояние дорог, задержки обозов. Рилнборт слушал внимательно. Когда требовалось уточнить, перебивал без извинений. Владиславий отвечал и постепенно переставал чувствовать себя просителем: они снова делали общее дело, каждый со своей стороны.

Однако за других король обещать не мог. Договорившись о том, что касалось их обоих, Рилнборт спросил, с кем Владиславий будет говорить дальше. Тот перечислил имена. На имени Ура-Бороса чуть задержался, но друг не стал делать вид, будто не понял причины.

Владиславий достал ещё одно донесение, показал, где имперцам пришлось удерживать людей без смены.

Рилнборт прочёл и вернул лист. Он не попытался утешить друга тем, что другим пришлось бы хуже.

— Ты сколько не спал?

— Спал в дороге.

— Это не ответ.

— Другого сейчас нет.

Король посмотрел на него внимательнее. Владиславий знал этот взгляд: так Рилнборт осматривал уставшего человека, прежде чем решить, можно ли ещё поручать ему дело. Неприятно было оказаться под ним самому, после стольких приказов другим беречь силы.

— Мне не нужно, чтобы ты доказывал, как тебе тяжело, — сказал Рилнборт. — Я уже согласился. Дальше потребуются ясная голова и терпение.

Владиславий убрал донесение. Он приехал не для того, чтобы друг одобрил всё сделанное. Помощь включала и такие замечания, которые никто из осторожных придворных не рискнул бы произнести в лицо.

— Разговаривать всё равно придётся.

— Знаю.

— Тогда сначала поешь. Не думаю, что с голоду ты убедительнее.

Владиславий хотел отказаться, но вспомнил, когда ел в последний раз, и сел. Рилнборт продолжал спрашивать о знакомых. О Маргариане, о Третьем, о сыновьях. Отвечать на эти вопросы было легче, чем обсуждать число раненых. На короткое время за столом оказались двое людей, знакомых ещё до корон и государственных обязательств. Когда принесли следующую бумагу, они снова склонились над картой.

* * *

Сорока ждала в коридоре. Увидев императора, отошла от стены и пошла рядом. В руках у неё ничего не было; бумаги она уже передала тому, кому следовало. Владиславий спросил о предстоящих разговорах.

— Татия начнёт с дорог, Лизиус вытащит старый договор. Вельдаро уже ругается со своими. Так что одну красивую речь на всех можешь не готовить.

— А ты?

— Прослежу, чтобы тебе передали их ответы без чужих поправок. А говорить будешь сам.

Он усмехнулся. Сорока остановилась возле двери, пропуская слугу, и понизила голос:

— Первый ответ услышат остальные. Не рассчитывай, что каждый разговор останется между вами.

— Я и не рассчитываю.

— Хорошо. Тогда не обещай второму того, что первому только что отказался объяснить.

Владиславий посмотрел на неё. Она говорила прямо, как привыкла говорить с ним ещё до дворца. Сейчас это помогало больше осторожных заверений, что государь непременно убедит всех своей правотой. Сорока знала, на что он может надеяться, и не приписывала ему власти над чужими решениями.

У следующей двери их ожидал Кенши. Он поднялся с места, поправил одежду и коротко спросил, готовы ли. Сорока пожелала им не разругаться прежде, чем дойдут до сути. Кенши ответил, что постарается оставить эту часть императору. Владиславий толкнул дверь и первым вошёл к Лизиусу.

* * *

Представитель Совета Триединства приготовил документы заранее. Они лежали перед ним ровной стопкой, отдельно от сведений о вторжении. Лизиус приветствовал Владиславия, перевёл взгляд на Кенши и предложил сесть. Эльф сел рядом с императором, не ожидая отдельного приглашения.

Начали с положения на севере. Владиславий изложил его коротко. Лизиус выслушал, уточнил, какие силы уже задействованы, затем положил ладонь на приготовленные бумаги.

— Исторический договор не перестал существовать оттого, что вам нужна помощь.

— И люди, о которых в нём сказано, тоже. Кенши будет говорить здесь.

Лизиус посмотрел на его спутника. Кенши наклонился вперёд, поставив локти на стол.

— Кланхар тоже на этом материке. Не выйдет просто вычеркнуть нас из разговора, чтобы вам легче было договориться.

Лизиус снял ладонь с бумаги.

— Я не вычёркивал вас.

— Тогда дайте прочесть то, что лежит перед вами, — сказал Кенши.

Представитель Совета подвинул лист императору. Эльф протянул руку через стол и забрал его прежде, чем Владиславий успел прикоснуться. Лизиус проводил лист взглядом.

— Здесь изложено то, на основании чего Совет может принять решение. Вы знакомы с договором.

— С его последствиями я тоже знаком.

— Кенши, — сказал Владиславий.

— Что? Ты привёл меня посидеть красиво?

Он развернул бумагу так, чтобы император мог читать вместе с ним. В комнате послышался только шелест рукава Лизиуса: тот отодвинул чернильницу от края. Владиславий пробежал глазами первые строки и увидел, что Кенши уже нашёл нужное место. Ноготь остановился возле слов о Кланхаре.

— Это остаётся? — спросил эльф.

— Мы обсуждаем совместное выступление, — ответил Лизиус. — Оно не отменяет существующего договора.

— И не даёт тебе права отвечать за нас.

— Я отвечаю за Совет.

— Хорошо. Вот так и говори.

Лизиус посмотрел на Владислава.

— Я должен понимать, с кем именно веду разговор.

Император отодвинул от себя лежавший сбоку второй лист. Ему хотелось начать сразу со сроков выступления. Третий всё ещё держал центр, Маргариана оставалась на своём участке, и каждый час за этим столом они проводили у щитов. Но если он сейчас попросит Кенши помолчать, тот встанет и уйдёт. И будет прав.

— Со мной — об имперском войске, — сказал Владиславий. — С Кенши — о людях, которых касается эта часть договора. Он останется.

— Я вижу.

— Тогда давайте продолжим.

Лизиус не ответил на резкость. Взял перо, предложил прочесть спорное место вслух и выслушал Кенши до конца. Теперь они возвращались к словам, смысл которых ещё недавно считали очевидным. Совет не отказывался от прежнего договора; Кенши не позволял молча приписать своим людям согласие на всё, что понадобилось бы

союзникам. Владиславий вмешивался, когда разговор вновь сворачивал к старым обидам.

— Мы сейчас не решим всего, — сказал он после очередного возражения.

— Прекрасно, — отозвался Кенши. — Только не записывай, будто решили.

Лизиус слегка приподнял брови. Император уже набрал воздух для ответа и вдруг заметил, что эльф смотрит на него совершенно серьёзно. Он вернулся к прочитанному. Торопясь получить помощь, сам попросил бы подписать слишком многое.

— Эту часть уточним, — сказал он.

Лизиус подвинул к себе лист. Кенши следил за пером. Переписывать всё не понадобилось, но после исправления он перечитал целый абзац и лишь тогда убрал руку.

Представитель Совета говорил спокойно, даже когда ему возражали. На его пальцах не было чернил; испачкав кончик пера, он аккуратно отёр его о край. Владиславий вспомнил, кому были доступны бумаги об Унго. Потом — рассказ Сороки о письмах, уходивших из Серых земель дальше, к чужим рукам. Хотелось спросить Лизиуса прямо. Увидеть первое движение лица прежде, чем появится приготовленный ответ.

— Государь.

Владиславий поднял глаза.

— Вы согласны? — повторил Лизиус.

— С чем?

Кенши повернул к нему страницу.

— Здесь. Мы ещё это не закончили.

Император перечитал строчку, потом предыдущую. Он не располагал ничем, кроме подозрений. Лизиус ждал ответа о войсках, а Владиславий чуть не ответил ему о письмах, которых тот мог никогда не видеть.

— Нет, — сказал он. — Так я не смогу передать своим командирам. Объясните ещё раз.

Лизиус объяснил. Владиславий заставил себя дослушать, уточнил, что именно Совет готов исполнить, и на этот раз записал ответ сам. От желания обвинить он не избавился. Но дальше следил за каждой строкой.

К концу разговора у Владиславия устала спина. Он выпрямился, дождался последнего ответа и перечитал согласованное. Помощь должна была существовать не в торжественных словах, а в обязательстве, которое другая сторона действительно исполнит. Только удостоверившись в этом, он отложил лист.

— Совет примет участие на согласованных условиях, — сказал Лизиус.

Кенши стоял рядом, когда ставили подписи. Он не улыбался, но и не отходил в сторону, оставляя остальным возможность представить договор так, будто его здесь не было. Весть об этом разговоре разошлась быстро. Те, кто ещё сомневался, способен ли император разговаривать с Кланхаром на равных, получили достаточно ясный ответ.

В коридоре Владиславий остановился, ожидая, пока выйдет спутник.

— Ты видел, о чём я думал?

— Видел, что ты перестал читать, — ответил Кенши. — Остального мне пока хватает и без догадок.

Они пошли к следующему разговору. Император нёс с собой подписанное соглашение, но подозрения никуда не исчезли. Теперь ему предстояло выполнять договор с людьми, которым он всё ещё не доверял полностью.

* * *

Татия начала с путей, как и предупреждала Сорока. Владиславий ещё не успел разложить все сведения о Падших, когда мэр Толленграда указала на собственные записи.

— Сначала Гримм Рыжебрад. Его пираты жгут наши караваны по всему побережью. Эта угроза нашим путям не исчезнет оттого, что вы назвали другую более важной.

Владиславий сдержал раздражение. На севере стояла армия, которую не удавалось закрыть десятью легионами, а ему предлагали начать с пиратов. Но Татия говорила не о выдуманной помехе. Люди ВАГГ тоже теряли своих и не обязаны были считать эти потери незначительными только потому, что императору грозила новая война.

— Впишем это в наши обязательства. Но сначала разберёмся, что именно требуется. Обещать вам всё сразу я не стану.

— Тогда обсудим. Нам нужны исполнимые условия, не благодарность за веру вам на слово.

Татия придвинула записи и прижала пальцем край, не давая ему перелистнуть.

— Вы пока посмотрели только итог. Прочтите, что в него вошло.

Владиславий опустил глаза. Караваны, сожжённые грузы, пропавшие люди. В нескольких местах сведения заканчивались без ответа, что с ними стало. Он задержался на одной такой записи.

— Давно ищут?

— Достаточно, чтобы перестать ждать. Но дома ещё ждут.

Она убрала палец. Император перевернул лист уже медленнее.

— Я не могу сейчас послать легион к побережью.

— Я не просила вас командовать с этого стула. Я прошу не оставлять этот вопрос за дверью, когда мы договоримся о вашем.

— На севере не только мой вопрос.

— Именно. Поэтому я здесь.

Татия откинулась на спинку. Владиславий остался сидеть над её бумагами. За дверью кто-то громко заговорил, его попросили тише; оба дождались, пока голоса удалятся. Мэр первая вернулась к столу.

— Скажите, что я привезу людям, кроме просьбы ещё немного потерпеть?

Император хотел ответить о Падших и остановился. Она уже знала, кто идёт с севера. Ей не требовалось ещё раз описывать чёрные слёзы и крылья.

— Обязательство, — сказал он. — В соглашении. Которое останется после того, как ваши люди придут нам на помощь.

— Чьё обязательство?

— Наше. Я его подпишу.

— Тогда обсудим, что вы подпишете.

Разговор затянулся. Татия не принимала слова, позволявшие отложить дело Гримма на неопределённое время; Владиславий не соглашался ставить подпись под обещанием, для которого пришлось бы начинать ещё один поход. На столе появились исправления. Один лист мэр вернула сразу, даже не дочитав до конца.

— Здесь вы снова говорите только о помощи против Падших.

— Ниже.

— Вижу. «После рассмотрения». Мы сейчас рассматриваем.

Он забрал лист. Кенши на её месте уже выругался бы, Рилнборт потребовал бы сказать короче. Татия ждала и смотрела, пока он сам не зачеркнул эти слова. В другой раз уже она предложила то, чего император не мог обещать, и он положил перо поперёк страницы.

— Для этого придётся снимать людей с севера. Таких условий я не приму.

— Вы хотите, чтобы мы признали общую опасность, — сказала она. — Я её вижу. Теперь вы услышьте, с чем пришли мы.

— Слышу. Потому и не подписываю то, чего не смогу сделать.

Татия подвинула к себе бумагу, прочла его поправку и некоторое время сравнивала с прежней. Император ждал. Наконец она протянула руку за пером.

К вечеру вопрос Гримма остался в обязательствах союзников. Новый отдельный поход к нынешней войне они не добавили. Ни Владиславий, ни Татия не получили всего, с чем садились за стол, но теперь оба могли объяснить своим людям, о чём договорились.

Перед подписью она ещё раз перечитала всё целиком. Император ждал. Теперь он уже понимал, что эта осторожность нужна и ему: лучше потерять время здесь, чем обнаружить расхождение тогда, когда войска начнут двигаться к общему полю.

Подписанный лист лёг рядом с предыдущим соглашением. Владиславий убрал его и поблагодарил Татию. Она кивнула, не превращая завершение долгого торга в выражение личной преданности. ВАГГ согласились участвовать. Это было именно то, ради чего он приехал.

* * *

Вельдаро принял его стоя. Святорыцарь внимательно посмотрел на уставшее лицо императора и предложил сесть, но сам сперва остался возле стола. Владиславий приготовился снова объяснять величину угрозы. На этот раз подробное вступление не понадобилось.

— Я сам говорил нашим людям, насколько велика опасность. Было бы постыдно после этого оставить вас одних.

Император отложил бумаги. Он знал, что Вельдаро убеждал своих и прежде, однако до последнего не позволял себе рассчитывать на готовый ответ. Паладин не выглядел человеком, легко отказавшимся от прежних убеждений ради удобства переговоров. В том, как он держался, сохранялась та же уверенность, с которой он выступал раньше.

— Вы всё ещё ждёте Второго Глаза?

— Жду. Только на севере гибнут люди, пока мы спорим о Его приходе. Им нужна помощь сейчас.

— Значит, они согласились? — переспросил Владиславий.

— Согласились.

Император положил руку на приготовленные донесения. Вельдаро заметил движение.

— Всё равно покажите. Мне нужно знать, куда мы идём.

Они развернули карту. Владиславий объяснял быстрее, чем на предыдущих встречах, иногда пропуская то, что давно знали Аврел и Терен. Вельдаро остановил его возле отметки за имперским строем.

— Что здесь?

— Проход. Отсюда Фавий вывозит раненых.

— Он останется свободным, когда подойдут наши?

Владиславий посмотрел на соседнюю дорогу. На неё уже приходилась часть обозов. Он передвинул руку, прикидывая, где встретить Паладинов, и подозвал человека у двери: нужен был последний отчёт Терена, который привезли с поля вместе с картами.

Вельдаро снял перчатки. На пальцах остались глубокие следы; он расправил их и снова наклонился к карте.

— Ваши люди это знают. Нашим нужно объяснить.

— Объясним. И встретят вас тоже наши.

— Хорошо.

Пока ждали уточнения, паладин спросил о раненых. Владиславий рассказал про навесы, про солдата, который обещал вернуться, но пока не мог подняться без помощи, про Фавия, оставшегося у своего стола. Вельдаро слушал и больше не торопил. Император заметил, что впервые за день не ищет слов, способных убедить собеседника: помощь уже была обещана, и от него хотели услышать правду.

Принесли нужные сведения. Они закончили с подходом союзников, назвали тех, кто встретит передовые части. Перед уходом Владиславий оглянулся на паладина.

— Вы много спорили со своими?

— Достаточно. Теперь пусть исполняют то, с чем согласились.

Он надел перчатку, помогая себе второй рукой. Император невольно улыбнулся: это мог бы сказать Аврел.

Когда встреча закончилась, он вышел к Сороке. Та ждала в стороне от двери, давая прошедшим слугам удалиться.

— Получилось?

— Дуократия идёт.

Она коротко кивнула и спросила, нужен ли ещё кто-нибудь до следующего разговора. Владиславий

покачал головой. Оставался орочий костёр. Все полезные слова, которые он мог подготовить к нему заранее, казались слишком лёгкими по сравнению с тем, что предстояло сказать на месте.

* * *

Рядом с костром лежали убранные в ножны клинки. Орки сидели свободно, разговаривали между собой, передавали еду. Когда Владиславий подошёл, один из воинов поднял голову. Император остановился. Он узнал руки, взгляд и спокойствие человека, которому не требовалось вставать для того, чтобы остальные заметили его присутствие.

Ура-Борос. Они уже встречались после Унго, на общем совете перед первым вторжением. Тогда ничего не решили. Теперь Владиславий сам пришёл просить его помощи.

Вспомнился Октавий. Не сын, который остался под защитой гвардии, а друг с того поля. Ура-Борос положил ладонь на колено. Владиславий невольно посмотрел на неё: этой рукой он тогда держал клинок. Заготовленное обращение остановилось прежде, чем он произнёс первое слово.

— Ты дошёл далеко, — сказал Ура-Борос.

— А он остался там.

Орк понял, о ком речь. Он не стал оправдываться или объяснять, что на войне убивают. Владиславий и сам это знал. Огонь треснул, кто-то сбоку подвинулся, освобождая место, однако император не сел.

— Почему ты меня тогда отпустил?

Вопрос, который он столько лет носил в себе, прозвучал неожиданно просто. Теперь оставалось дождаться ответа. Владиславий смотрел на Ура-Бороса, не пытаясь скрыть, что ему важно каждое слово.

— Твой друг бросился на меня с голыми руками. Кричал, чтобы ты бежал. Он был воин. Воина я убил, как воина.

Владиславий сжал пальцы. Орк продолжил тем же ровным голосом:

— А ты побежал. К трусам интереса нет. Бегущего рубить — клинок позорить.

Злобы в его словах не было. Он рассказывал о собственном решении, не стараясь ни задеть, ни утешить человека перед собой. Владиславию от этого стало только тяжелее. Для него случившееся определило всю жизнь. Ура-Борос говорил так, будто объяснял один из многих поступков на поле боя.

— Тогда почему запомнил? Нас там бежали сотни.

— Сотни. Трусов я видел много. Но ты сначала потянулся к мёртвому. Не за щитом, не за мечом — к нему. Не дотянулся. И только потом побежал.

Император молчал. Он чувствовал, как горят щёки. Корона, трон, десять легионов не помогали стоять перед этим ответом спокойнее.

— Такой трус был один, — сказал Ура-Борос. — Я подумал тогда: этот ещё вернётся. Или сдохнет в лесу от стыда.

Орк посмотрел на него внимательно.

— Не сдох.

Владиславий отвернулся к огню. Ему хотелось ответить резко, напомнить, сколько людей потом пошло за ним и сколько он сумел удержать. Но всё это Ура-Борос и без того знал. Ни один нынешний успех не менял того, как он бежал с Унго.

— Владис.

Голос прозвучал сбоку. Император повернулся и увидел человека, поднявшегося от соседнего костра.

* * *

Самон стоял в орочьей одежде, с изогнутым клинком у пояса. Борода, плечи, знакомые руки — Владиславий узнавал его по частям, пока уже шёл навстречу. Остановился вплотную, схватил за плечи, словно боялся, что снова не успеет.

— Мне говорили. Я не знал, верить ли.

— Вот он я. Теперь знаешь.

Самон обнял его крепко, без церемонии. Владиславий наконец выдохнул и отступил на шаг, чтобы рассмотреть. Столько лет в памяти он оставался пропавшим человеком с того поля. Теперь стоял перед ним живой, в одежде тех, с кем тогда сражался, и не выглядел пленником.

Серая борода старика почти побелела, морщины возле глубоко посаженных глаз стали резче. Однако широкие плечи ещё держались прямо, а тяжёлые кисти только что сжимали Владиса с прежней силой.

— Тебя искали. Тела не нашли. В ведомости тебя записали пропавшим.

— Пропавшим… Ну, это почти правда. Я и сам себя тогда потерял.

Они подошли к огню. Один из орков подвинул Самону место привычно, как делал бы для своего. Владиславий заметил это. Орк что-то спросил у Самона, тот ответил и устроился так, чтобы император тоже мог сесть. Ура-Борос за ним не следил. Никто не ждал, что он попросит разрешения говорить.

— Помню, как Октавий упал, — заговорил он. — Помню, как ты бежал. А дальше — красное. Очнулся в тумане, в руках чужой клинок, вокруг двое мёртвых орков и ещё десяток живых. Стоят и смотрят. Ждут, что я сделаю.

— И что ты сделал?

— Сел. Устал я, Владис. Шестой десяток, а я голыми руками двоих положил. Сел на землю и говорю: рубите, мне всё равно.

— И они?..

Самон покачал головой, не дав закончить.

— А он подошёл, — Самон посмотрел на Ура-Бороса. — Посмотрел и говорит: «Этот — воин. Воинов у нас не рубят, воинов у нас кормят». И накормил.

— Он убил Октавия.

— Убил. Я знаю. Я был там.

Самон не отвёл глаз. Владиславий понял, что произнёс это так, будто напоминал забывшему. Но человек перед ним не забыл. Просто его жизнь после того дня сложилась там, где Владиславий никогда не пытался её представить.

Они помолчали. Орки возле соседнего костра продолжали свои дела, давая им договорить. Кто-то поднял лежавшие ножны, проверил крепление и положил обратно. Обычные приготовления к выступлению. Самон посмотрел на огонь.

— Много лет я с этим сижу у его костра. Он меня кормит, я с ним в строй хожу. И каждый вечер помню, кого он убил. Одно другого не отменяет, Владис. Я пробовал — не отменяет.

Император наклонил голову. Радость от встречи оставалась, но с ней не пришло простого объяснения, которое позволило бы перестать ненавидеть Ура-Бороса. Самон этого и не обещал.

— Кенши вернулся? — спросил он спустя некоторое время.

— Да. Он со мной. Фавий, Терен, Щепа, Бард, Аврел — все держатся.

Самон медленно кивнул, будто откладывал каждое имя отдельно. Владиславий рассказал о них коротко, без

придворных званий. Как Кенши ругается на собственное плечо, как Фавий гонит от себя тех, кому не нужна помощь, как Бард не терпит праздных возле раненых. Самон слушал с улыбкой, иногда переспрашивал. Он хотел услышать не историю возвышения имперского государя, а то, что стало с людьми, которых помнил.

Владиславий говорил охотно, пока не осознал, сколько времени провёл у костра. На поле тем временем продолжали ждать решения. Самон заметил, как он замолчал, и сам вернул разговор к причине его приезда.

— Ты пришёл просить. Проси. Я не буду говорить за тебя. Но я тут, рядом.

Владиславий посмотрел на товарища, затем повернулся к вождю. Можно было ещё долго говорить об Унго, вспоминать детали, требовать признания. На севере за это время ничего не изменилось бы к лучшему.

— Ты убил моего друга. Я этого не забуду. Но сейчас прошу Орчий Союз встать рядом с нами.

Ура-Борос выслушал до конца. Не потребовал забрать первые слова, не назвал просьбу недостаточно почтительной.

— Тогда говори, где ваши люди будут стоять. И где должны стоять наши.

Владиславий несколько мгновений смотрел на него, затем потянулся к карте. Самон остался рядом, но не вмешивался. Просьбу император произнёс сам и ответ услышал сам.

— Ты будешь в строю?

— А где мне ещё быть? За столом скучно. Я и у Унго в первом ряду стоял — там веселее.

Владиславий поднял глаза. Вождь Союза, который ради удовольствия рубится среди простых асигару... Теперь стало понятнее, почему тогда, в тумане, орки остановились

по одному его слову. Ура-Боросу не требовалось появляться перед войском только для торжественных приказов. Он и без того находился среди него.

Они обсуждали позиции и подход своих людей. Владиславий отвечал на вопросы, уточнял, где находятся соседние части, объяснял, что уже согласовано с остальными. Постепенно разговор стал рабочим. Прошлое между ними оставалось прежним, но оно больше не мешало произнести необходимое.

Когда договорились, Самон достал карту и протянул Владиславию.

— А это забери. У костра говорят, ты все карты материка собираешь. Эту я у их мечника в кости выиграл… До сих пор не понял как.

Прежде чем отдать, Самон попробовал соскрести ногтем пятно на рубашке карты. Не получилось. Он махнул рукой и вложил её в ладонь Владиславия. На рисунке был орк с изогнутым мечом. «Мастер клинка». Император рассмотрел затёртые углы и улыбнулся.

— Кенши обрадуется.

— Вот ему и скажи, что я живой. А то ещё запишет куда-нибудь раньше времени.

Владиславий убрал карту к остальным. Потом снова обнял Самона, уже не пытаясь проверить, действительно ли тот перед ним.

Самон проводил его до края стоянки. Мимо прошли орки, один коротко окликнул старика, показав на оставленное возле огня снаряжение. Тот ответил жестом: видел, сейчас вернётся. Владиславий остановился, не сразу решившись отпустить его обратно. После стольких лет отсутствия хотелось забрать товарища с собой, посадить рядом с Кенши и продолжать разговор до утра.

Но Самон уже собирался к своим людям. Он не просил разрешения остаться и не ждал, что император уведёт его отсюда. Владиславий наконец кивнул и пошёл дальше. Следующая встреча должна была состояться там, куда они оба теперь направлялись, — возле общего строя.

* * *

Все шесть держав согласились выступить. У каждой оставались собственные условия, обязательства и счёты к соседям. Владиславий разложил полученное перед собой, перечитал важные места и начал готовить то, что требовалось передать своим командирам.

Когда-то Кенши показывал ему материк, раскладывая карты. Теперь за каждым знаком находились войска, которые предстояло свести на одном поле. Они не станут одинаковыми оттого, что подписи уже поставлены. Орки, эльфы, имперцы, люди Рилнборта, Паладины и участники ВАГГ должны были узнать, где стоят соседи и как не помешать друг другу в бою.

Владиславий вложил последний лист в дорожную сумку и велел готовить отъезд. Пришла пора возвращаться к тем, кто продолжал держаться, пока он разговаривал.

* * *

— Значит, он простил того, кто убил Октавия? — спросил Гость.

Орк отодвинул пустую чашку.

— Он согласился сражаться рядом с ним. Представь, чего ему стоила эта просьба. Но о прощении они не говорили.

Гость потянулся к чашке и обнаружил, что она пуста. Хозяин взял её вместе со своей.

— Ещё?

Гость кивнул. Орк наполнил обе и, вернувшись к столу, продолжил рассказ.

Глава XXIII. Пятьдесят тысяч

— Пятьдесят тысяч, — повторил Владиславий, перечитывая итог. — Все здесь?

— Последние подходят, — ответил Аврел.

Снаружи закричали. Владиславий вышел к дороге и едва не попал под заднее колесо: повозку разворачивали поперёк прохода. Терен держал лошадь под уздцы, а возчик объяснял Татии, что уже разгрузился и поедет обратно тем же путём.

У возчика были короткие волосы и обветренное лицо; широкая кисть уже легла на борт повозки.

— Обратно здесь будут раненые, — сказал Терен. — Видишь вон те пустые телеги? Они тоже ждут.

Татия отослала возчика в обход и повернулась к императору.

— Наши поставки привязаны к этим путям. Перенесёте стоянки — сообщите до разгрузки.

— Сейчас решим, — ответил Владиславий. — Терен, покажи, где освободить выход.

Тот показал. Пришлось передвинуть снаряжение у эльфийской стоянки. Лизиус, вышедший вслед за императором, сначала потребовал объяснить, чем помешали его люди; увидев тесноту, позвал своих. Пока спорили о проходе, Сорока нашла того, кому предстояло встречать следующие обозы, и привела прямо к Татии.

— Ему скажите, — попросила она. — Иначе сейчас ещё кто-нибудь разгрузится посреди ваших объяснений.

Лизиус неодобрительно посмотрел на неё. Сорока уже ушла помогать Терену. Они вдвоём оттащили связку кольев, и пустая повозка наконец выбралась на дорогу.

* * *

Ещё несколько дней подходили последние отряды и обозы. За это время Сорока вернулась в Драевиль. Когда всё союзное войско собралось у поля, командиры сошлись за общим штабным столом. Рилнборт первым указал на промежуток перед своим участком.

— Оставьте мне выход! Через головы вашей пехоты конница не перескочит.

Терен показал проход. Король переспросил, не займут ли его при смене соседних частей. Ура-Борос наклонился к карте, проследил направление и поставил палец возле орочьего края.

— Мои будут держать здесь. Заранее скажите, когда ваши начнут движение.

— Сигнал повторяют соседи, — ответил Рациус. — Пока не подтвердили, не считаем переданным.

Маргариана придвинула к себе схему Первого.

— Первый принимает свой участок. Резерв не отдавайте по первому крику без проверки.

Владиславий слушал, не перебивая. Каждый видел поле от своего построения и сразу замечал то, что могло помешать именно его людям. Раньше эти командиры отдавали приказы против друг друга. Теперь требовалось собрать их движения так, чтобы ни одно не оставило соседа открытым.

Терен дождался короткой паузы и развернул собственную карту. Вдоль ручьёв и низин повторялся знакомый знак: три короткие черты и точка. Владиславий узнал его сразу. Когда-то Терен показывал отметку в бараке штрафников, объясняя, что означает промеренный до дна брод. Тогда за правду на чужой карте его осудили. Сейчас

перед ним сидели короли, вождь и легаты, ожидавшие именно такой проверенной правды.

— Три черты и точка — я сам прошёл, сам промерил. Где знака нет, не верьте никому, даже мне.

Ура-Борос поднял голову.

— А если ваш знак врёт?

— Тогда я утону первым. Я по ним сам пойду впереди.

Орк хмыкнул. Терен не отвёл глаз. Он говорил без желания понравиться и не обещал проверить за одну ночь всё поле. Показывал то, что действительно знал, и отделял от остального.

Рилнборт подозвал писарей и велел перенести пометки. Карту развернули так, чтобы они могли работать, не мешая разговору. Вскоре рядом легли другие схемы. Терен проверял каждую: знак должен был стоять возле нужного места, а не просто украшать похожую линию воды. Если ошибались, заставлял исправить прежде, чем убрать лист.

Один из писарей поставил точку не у того изгиба. Терен вернул ему карту и ткнул пальцем в нужное место. Ура-Борос придвинул свой лист и проверил отметку сам.

К концу совета знак Терена появился на картах всех шести армий. Командиры расходились, забирая уточнённые схемы. Рациус задержался, чтобы ещё раз повторить порядок подтверждения сигнала. Ура-Борос выслушал, коротко кивнул и передал своим. Маргариана ушла к Первому, велев прислать окончательные изменения сразу, как только они появятся.

После совета Владиславий пошёл к лазарету. Он обещал Фавию лично проверить, готовы ли вода и люди для носилок; до вечера оставалось время, чтобы исправить недостающее.

Лекарь встретил его возле ряда навесов.

— Сюда нужны люди с носилками! Не почётный караул, чтоб стоял и глазами хлопал. Кто раненых потащит, ты подумал?

— Аврел даст смены. Воду Терена вести сюда первой.

— Тогда пришли их до боя. Хоть покажу, где ставить.

Владиславий отослал сопровождавшего солдата к Аврелу, сам помог Барду придержать стойку. Тот затянул крепление и обошёл навес, проверяя, не ведёт ли его в сторону. Под тканью уже было тесно от приготовленного.

Терен отвёл императора к воде, показал место набора и дорогу обратно. По ней можно было пройти с полными вёдрами, не пересекая выхода для конницы. Владиславий сам спустился, зачерпнул и попробовал. Терен смотрел на него с обычным своим терпением.

— Теперь веришь?

— Теперь видел.

Обратно они вернулись вместе с первыми носильщиками. Фавий не дал людям остановиться у входа: сразу распределил под навесами и велел брать носилки. Бард нашёл тому, кто пришёл без дела, два пустых ведра. Пока император смотрел, новый помощник уже шёл по показанной дороге.

* * *

Самон подошёл, когда Владиславий вышел от лазарета. Кенши увидел его издалека и первым двинулся навстречу. Они остановились друг перед другом, потом разом заговорили и разом замолчали. Щепа, проходивший мимо, громко заметил, что, если оба продолжат стоять поперёк, он и их уберёт из прохода.

Самон рассмеялся. Кенши обнял его и хлопнул по спине. Фавий выглянул из-под навеса, увидел, кто пришёл, и

коротко кивнул, прежде чем вернуться к работе. Он ещё успеет поговорить, когда освободятся руки. Бард успел подойти, задать сразу несколько вопросов и тут же был отозван обратно к крепежу.

— Вот так встретили, — сказал Самон Владиславию. — Все заняты.

— Ты вовремя пришёл.

— Похоже на то.

Они отошли к огню, освобождая дорогу. Самон посмотрел на проходивших со свёртками людей и покачал головой.

— Помнишь, как я говорил, что писарь меня перепутал?

— Помню.

— Теперь-то писарей у тебя побольше. Ты приглядывай за ними. А то опять запишут человека не туда, и ищи его потом.

— Аврел проверяет, — сказал Владиславий.

— Ну, этот меня хотя бы в лицо знает.

Кенши потянул его за рукав:

— Карта-то правда в кости досталась?

— Завидуешь?

— Удивляюсь, как ты до сих пор не весь Союз выиграл.

Самон засмеялся и уселся удобнее. Пока он рассказывал о своей игре, Щепа успел принести ещё одно полено и остался послушать.

Они ещё немного побыли вместе. Рядом Кенши уточнял, что понадобится на левом краю. Щепа вернулся к проходу. Терен ушёл к воде, Аврел искал посыльного. Старые товарищи двигались медленнее, чем прежде, но каждый находился там, где от него была польза. Самон тоже вскоре поднялся: его ждали у орков. Владиславий отпустил без попытки задержать разговором.

* * *

Рациус сидел за штабным столом один. Перед ним лежала карта Второго. Он не писал, просто смотрел, положив ладони на край. Когда вошёл Владиславий, легат поднял голову и сразу спросил:

— Как там мой ученик?

— Трост? Рвётся сюда. Я запретил.

— Правильно запретил. Рано ему. Стойку держит, а голову ещё нет.

Владиславий сел напротив. Рациус уточнил, продолжает ли Трост заниматься, когда наставника нет рядом. Император ответил, что продолжает, но всё чаще считает себя готовым к тому, чего ещё не испытал. Старый легат усмехнулся: таких учеников он видел достаточно.

— Когда вернёмся, пусть придёт ко мне, — сказал он спустя некоторое время. — Покажу ему удар, которому я никого не учил. Тебя тоже не учил. Не успел.

— Покажете. После.

— После.

Рациус снова склонился над картой.

— Только ты ему не говори заранее, — добавил он. — Не хватало ещё, чтоб пробовал без меня.

Владиславий пообещал и поднялся. За дверью уже ждали легата; он пропустил их к столу.

* * *

Маргариана догнала его возле перехода к Первому. Она уже получила уточнённую схему и пришла подтвердить, что всё принято. Несколько мгновений они обсуждали только служебное. Затем посыльный, стоявший рядом, ушёл, и Владиславий взял жену за руку.

— Я вернусь к Первому, — сказала она.

— Побудь ещё.

Маргариана задержалась. За её плечом двигались люди, проносили снаряжение, окликали знакомых. Она посмотрела на мужа и коснулась его пальцев. Обещать, что всё обойдётся, не могла и не стала.

— Только не начинай дёргать Первый из-за меня. Мне нужны понятные приказы. Ты ведь знаешь, что я должна вернуться к своим.

— Знаю.

Он разжал руку. Маргариана ещё мгновение постояла рядом, затем повернулась и пошла к своему легиону. Владиславий проводил её взглядом. Она остановилась возле своего посыльного, что-то спросила и пошла быстрее. Владиславий убрал протянутую вслед руку.

* * *

Под вечер Владиславий поднялся на холм над лагерем. Костры уходили к самому горизонту. У реки стоял зелёный лев Рилнморска; слева — орочьи полотнища с чёрными иероглифами кланов. Белые плащи святорыцарей Вельдаро выделялись рядом с серебром эльфийских отрядов. У повозок ВАГГ зажигали фонари на оглоблях.

Посередине держались десять имперских знамён. Чёрное полотно с белым и красным Владиславий нашёл сразу. Пятьдесят тысяч ещё трудно было представить, пока перед ним лежала ведомость. Теперь снизу доносился гул голосов, и он не мог разглядеть крайних костров.

На спуске пришлось посторониться: навстречу шли с котлом, и задний, почти не видя дороги, ругал переднего. Оба умолкли, узнав императора. Владиславий показал им проходить и пошёл следом, туда, где пахло ужином.

На стыке имперской стоянки и орочьего края горел один костёр. Дров на второй не хватило, поэтому люди расселись возле общего огня. Владиславий подошёл достаточно близко, чтобы услышать разговор.

— Это наша сторона. Ваши вон там, — сказал легионер, показывая в темноту.

Огонь освещал короткую стрижку и щетину на загорелом лице легионера; плечи закрывал истёртый доспех.

Асигару, сидевший рядом, вытянул ладони к теплу.

Широкие ладони асигару были грубыми, пальцы распрямлялись над огнём медленно.

— Огонь не знает, где ваша сторона. Двигайся, человек.

Легионер не двинулся. Орк упёрся локтем в локоть соседа. Легионер толкнул в ответ. Владиславий замедлил шаг, но тот уже потянулся к своей сумке.

Легионер достал флягу, отпил и протянул соседу. Тот понюхал, скривился, однако взял. Сделал глоток и вернул.

— Дрянь.

— Какая есть.

Орк покачал головой, будто это всё объясняло, и снова протянул руки к огню. Император прошёл дальше. Чуть поодаль люди Рилнборта показывали эльфам, где оставляют выход для конницы. Разговор тоже шёл на повышенных тонах, но закончился тем, что один из эльфов поднял лежавший поперёк дороги свёрток и перенёс в сторону.

* * *

Возле шатров святорыцарей горели белые свечи. Вельдаро стоял на коленях перед походным алтарём. Владиславий остановился в стороне и дождался, пока паладин закончит молитву. Лишь после этого тот поднялся и повернулся к нему.

— Ваши люди говорят о фигуре за их рядами. Мои тоже её видели. Трижды.

— Вы знаете, что это?

— Нет. И не стану делать вид, что знаю. Но я знаю другое: там, где она проходит, люди падают без ран. Устают так, будто несли её на плечах.

Владиславий нахмурился. Он вспомнил далёкую фигуру на поле и то, как внимательно следили за ней Терен с Аврелом. Объяснения по-прежнему не было, только новые наблюдения.

— Мои братья держатся дольше, — продолжил Вельдаро. — Свет держит их там, где других уже не держит ничего. Если пойдёте туда, куда нельзя, позовите нас.

— Я не собираюсь никуда идти за ней.

— Надеюсь. Но если пойдёте, не поднимайтесь в одиночку. У нас говорят: одного Свет поднимет, если захочет. Двоих — если они поднимают друг друга.

Император кивнул. Он услышал предупреждение, но не увидел причины обсуждать собственное преследование. Ему предстояло управлять общим войском. Оставлять его ради неизвестной фигуры Владиславий не собирался.

Вельдаро вернулся к своим, а император направился к Аврелу. Там как раз заканчивали передачу последних распоряжений. Подтверждения приходили одно за другим. Рилнборт получил свободный выход для конницы, орочий край знал соседей, Первый и Второй заняли согласованные

места. На короткое время карта и живое войско действительно совпали.

* * *

Рог раздался с орочьего края прежде, чем последний обоз успел уйти. Один протяжный звук, затем ответ соседей. Люди возле повозок замерли, пытаясь понять, проверка ли это, но с рубежа уже бежал посыльный.

Падшие наступали, не дожидаясь утра!

— Участки — по сигналу! — приказал Владиславий. — Молчание не ответ!

Аврел развернул людей к назначенным местам. Повозки погнали с прохода, возле лазарета подняли приготовленные носилки. Те, кто только что сидел у огня, хватали оружие и строились возле собственных знамён. Владиславий пошёл к месту, откуда принимали донесения, и по пути видел, как орки и имперцы расходятся от общего костра каждый к своим.

Первые ответы пришли быстро. Затем один участок задержался. Аврел сразу отправил человека повторно, не позволяя считать молчание согласием. Владиславий ждал, слыша, как впереди начинается бой. Грохот нарастал, над дальними рядами качнулись знамёна.

— Подтвердили! — наконец крикнул вернувшийся посыльный.

На стыке орочьего и имперского участков передние уже держали щиты. Асигару, недавно гревшийся возле общего костра, стоял чуть в стороне от легионера. Теперь им не требовалось делить место для ног. Перед ними было достаточно поля, и оба внимательно смотрели, что приближается из темноты.

Первых врагов заметили по движению между неровностями земли. Потом разом показалось больше, чем ожидали стоявшие впереди. Орк коротко крикнул своим, легионер передал команду соседям. Щиты поднялись почти одновременно, но края построений остались на разной высоте: каждый привык закрываться так, как учили у себя.

Падший ударил в промежуток. Легионер повернул щит, прикрывая бок, и получил сильный толчок сверху. Орк шагнул ближе, отбил чужое оружие и рубанул коротким движением. Враг отшатнулся. Копьё из второго ряда достало его, прежде чем он снова приблизился.

— Ближе держись! — крикнул имперец.

Асигару не ответил, но больше не отступал в сторону. За ним перестроились остальные. Стало теснее, зато промежуток исчез. Когда пришёл следующий удар, оба края уже держались вместе, не пытаясь выровнять всё войско под одну привычку.

Ура-Борос двинул людей к продавленному месту. Соседний имперский ряд едва не подался вслед, но Рациусов посыльный добрался вовремя: орки закрывали свой участок, общая линия оставалась на месте. Ответ передали Аврелу.

Почти сразу Рилнборт потребовал освободить выход. Его коннице мешали отходящие. Людей направили вдоль тыла, и вскоре в темноте загремели копыта. Владиславий не видел самого удара; через несколько минут на правом участке стало тише, а король прислал подтверждение, что вернулся к своим.

Возле лазарета встретили первых принесённых. Фавий велел укладывать по порядку и не мешать тем, кто работает. Один из носильщиков растерялся, услышав

незнакомую речь раненого, и начал звать кого-нибудь из его отряда. Лекарь остановил его:

— Сперва положи! Потом спросишь!

Человека уложили. Фавий осмотрел рану, показал помощнику, где держать, и принялся за дело. Язык не требовался, чтобы увидеть, как быстро пропитывается ткань. Бард поднёс воду, подвинул свет ближе и послал освободившихся за следующими. На приготовленных носилках ещё оставались свободные места. Людей для работы хватало, и это сразу отличалось от предыдущих дней.

Аврел заставил следующего посыльного сперва отдышаться. Тот всё пытался начать с середины, пока Владиславий не спросил, откуда он.

— Первый. Легат велела передать: стоим, соседей видим.

Император отпустил его. Со Второго уже ответили; теперь пришло подтверждение с орочьего края. Терен придвинул светильник к карте. На стыке, о котором беспокоились больше всего, разрыва не было.

Когда напряжение на стыке ослабло, легионер опустил щит чуть ниже и посмотрел на асигару. Тот стоял рядом, тяжело дыша. На оружии обоих темнела кровь. Они не поздравляли друг друга и не пытались перекричать команды. Имперец только показал на повреждённое крепление у орочьего соседа. Асигару посмотрел, выругался и перехватил щит удобнее.

Сзади подошла смена. Уходя, они старались не мешать вставшим на их места, и на этот раз действовали почти одновременно. Рядом кто-то продолжал спорить о порядке, но старший быстро оборвал разговор. Нужно было отойти, дать другим работать и успеть передохнуть до следующего вызова.

Общий костёр всё ещё горел. До него они не дошли: остановились там, где указали, и сели на землю возле своего снаряжения. Легионер достал флягу и молча передал соседу. Орк отпил, не принюхиваясь.

К наступлению полной темноты первый натиск ослаб. По всей линии продолжали отвечать на сигналы. Аврел принёс последние донесения, и Владиславий впервые за вечер отошёл от карты. Впереди лежала ночь; людей надо было успеть сменить до нового удара.

* * *

— Все согласились сражаться вместе? — спросил Гость.

— Согласились. А теперь надо было выполнить обещанное: вовремя подать помощь, удержать свой участок, не бросить соседа под ударом.

Орк протянул руку к очагу и проверил, не выкатился ли уголёк на пол. Гость подвинул ногой лежавший рядом обломок дерева. Хозяин поднял его, бросил в огонь и продолжил рассказывать о том, что началось после первой ночи общего войска.

Глава XXIV. Последняя битва Владиславия

К рассвету успели сменить передние ряды. Люди, державшиеся ночью, выходили назад, волоча щиты; смена протискивалась им навстречу, стараясь не наступить на лежавших. Раненых между рядами подобрали, но мёртвых ещё не всех. Солнце поднималось за дымом, и Владиславий с трудом различал лица тех, кто проходил мимо.

Он стоял за Третьим, на невысоком подъёме. Слева находился Первый; дальше, на самом краю общего строя, держались орки Ура-Бороса. Справа было видно знамя Второго. У реки Рилнборт собирал всадников, а перед их выходом пехота уже готовилась сдвинуться. Святорыцарей Владиславий узнавал по белым плащам, пока ветер не потянул дым поперёк поля.

Аврел привёл двоих посыльных. Первый и Второй были готовы принять движение Третьего. Владиславий ещё раз посмотрел вправо: прежний строй проседал у низины, и оставаться на нём до нового удара было опасно.

— Раз. Два. На третий — вместе.

Счёт подхватили соседи. Третий шагнул; щиты справа и слева двинулись вслед. С задних рядов стало видно землю, где только что стояли передние. Кто-то оттащил сломанное копьё, чтобы смена не запуталась в древке. Последние ещё переступали через него, когда на поле снова закричали.

Падшие шли прямо на щиты. За передними двигались следующие, сдавливая друг друга. Чёрные потёки блестели на лицах. Над ними то поднимались, то пропадали крылья: с такого расстояния Владиславий не мог понять, кто ещё бежит, а кто уже оторвался от земли.

— Не тянуться! — крикнул Аврел. — Пусть подойдут!

Один молодой легионер выставил копьё слишком рано. Старший ударил по древку снизу, вернул наконечник в общий ряд. Щиты качнулись от первого столкновения. Владиславий увидел над ними чью-то руку, разжавшиеся пальцы; короткий клинок упал позади строя. Второй ряд подался вперёд. Падшего оттолкнули, встретили сразу двумя копьями, но на него уже наваливались сзади.

Линия удержалась. В низине щиты стояли ровнее, чем до перестроения, и Владиславий успел отметить это прежде, чем правый край снова скрыл дым. Подбежавший оттуда солдат говорил о разрыве. Аврел схватил его за плечо.

— Где? У нас или у Второго?

Тот показал в дым.

— Кто тебя прислал?

— Сам видел. Они подались…

Владиславий отправил другого человека к знамени Второго. Пока ждали, приказал ближайшим оставаться на месте. Солдат всё пытался объяснить, что видел; император велел ему стоять рядом. Если разрыв подтвердится, он покажет дорогу тем, кого пошлют закрывать.

Ответ пришёл быстрее, чем рассеялся дым. Рациус отвёл раненых через задний ряд и уже восстановил линию. Часть, которую приняли за бегущую, несла своих к лекарям.

— Возвращайся, — сказал Владиславий солдату. — И в следующий раз сперва спроси старшего.

Тот побежал обратно. Аврел больше не удерживал приготовленных людей и направил их туда, где смена действительно требовалась.

По подготовленному пути несли раненых. Фавий встречал их возле укрытия и немедленно направлял дальше.

— Проход есть! Несите дальше, не складывайте здесь!

Двое остановились, чтобы перехватить носилки. Лекарь помог поднять край, велел идти и повернулся к следующим. Вода и перевязочное находились там, где их приготовили. Не приходилось всякий раз посылать людей искать нужное среди повозок. Фавий подтянул рукав на собственном запястье и схватил за рукав проходившего легионера. Тот уже открыл рот, собираясь объяснить, что направлен совсем в другое место, но увидел раненого и опустился рядом. Нужно было удержать плечо, пока лекарь затягивал ткань.

К следующему часу у Владиславия почти не осталось людей, которых можно было послать сразу. Аврел возвращал часть носильщиков, давал им отдышаться и снова вёл к щитам. Император передал Фавию, что помощь придёт позднее. Ответ лекаря был коротким: он уже понял.

У ближнего края несколько Падших попытались зайти поверх щитов. Кенши поднял лук, выбрал ближайшего и выстрелил. Стрела попала, но враг успел опуститься на людей прежде, чем упал сам. Передний легионер согнулся под тяжестью, сосед повернулся помочь и сразу открылся другому удару.

— Сверху закрыть! Не выворачивайся!

Щепа протиснулся ближе. Уперевшись щитом в навалившееся тело, он помог столкнуть его наружу. Солдат под ним выпрямился, судорожно хватая воздух. Кенши уже стрелял дальше, не дожидаясь, пока закончат убирать первое. Над строем снова прошли крылья.

Владиславий спустился к месту, где опустились крылатые. Один ещё бился между щитами, и передние не

могли повернуться, не открыв спины остальным. Император ударил его сбоку. Клинок вошёл неглубоко; пришлось перехватить рукоять, пока Щепа отталкивал щитом руку врага. Падший развернулся, царапнул остриём между пластинами на предплечье. Владиславий почувствовал горячую полосу под рукавом, дёрнул меч на себя и ударил снова.

— Назад! — заорал Щепа, толкая обоих, и император едва успел выйти из-под падавшего тела.

Кенши вскинул лук над его плечом. Владиславий пригнулся, услышал короткий свист и увидел, как следующий крылатый ушёл в сторону. Солдаты уже поднимали щиты над головами. Прикрывая раненого, император задел боком сломанное древко, торчавшее из земли; короткий укол заставил его согнуться. Он отломил мешавший обломок и вышел из строя вместе с теми, кого сменили.

За щитами ждал Аврел.

— Государь, от конницы пришли.

Владиславий протянул меч, чтобы обтереть его о пучок сухой травы, и увидел кровь на собственной руке. Аврел тоже увидел.

— Фавия позвать?

— Он занят. Перетяни.

Аврел обмотал предплечье тканью. Владиславий дёрнул плечом, велел туже. Бок саднил, но стоять он мог. Когда подвели посыльного, император уже убрал меч.

Вдали конница Рилнборта ждала выхода. Король не бросал её туда, где лошади увязли бы между собственной пехотой и врагом. Посыльный передал, что проход есть, но соседнему участку нужно закончить движение. Рилнборт удержал всадников. Владиславий получил подтверждение и только после ответа Второго разрешил продолжать.

По цепи пошла команда. Пехота закончила перестроение, освободила место. Всадники двинулись, сперва сдерживая ход, потом быстрее. Владиславий видел над дымом поднявшиеся древки, слышал грохот, но сам удар скрыла плотная масса сражавшихся. О результате узнал от вернувшегося человека: соседям стало легче, конница выходит обратно, проход не занимать.

— Не занимать! — повторил он Аврелу. — До последнего всадника.

От Первого передали, что Маргариана принимает смещение соседей. С другого края пришёл ответ Вельдаро. Святорыцари удерживали своё место, не позволяя врагу использовать движение конницы для обхода. Пока всадники выходили из удара, белые плащи оставались на прежнем месте. Владиславий видел, как под ними качаются древки, но линия не ушла назад. Последние кони прошли к реке; только тогда Вельдаро получил свободный проход для своей смены.

Владиславий велел передать благодарность за подтверждение и сразу повернулся к следующему посыльному. Тот пришёл с орочьего края. Там натиск усиливался, и ждать ещё одного удобного промежутка уже не получалось.

* * *

В Драевиле Тарквин закрыл дорожный футляр. Проверил застёжку, провёл рукой по крышке и поставил возле двери. Нужное было собрано. В комнате оставались бумаги, часть которых он бросил в огонь. Пламя уже добралось до верхних листов, но он не стал ждать, пока сгорят все.

Он вышел, забрав футляр. В коридоре было тихо. Дворец жил новостями с севера, и люди спешили туда, где ждали

очередного гонца, а не к его двери. Тарквин прошёл привычной дорогой, ни с кем не задерживаясь для разговора. Когда-то он ушёл с брода. Теперь покидал столицу, пока другие стояли на поле.

* * *

К полудню орочий край начал прогибаться. Это стало видно даже с места Владиславия: крайнее полотнище ушло назад, потом ближе к середине. Между ним и соседним ещё держались, но Падшие всё сильнее теснили тех, кто стоял снаружи.

Посыльный от Ура-Бороса прибежал без оружия. По дороге ему пришлось вытаскивать раненого, клинок остался там. Он выговорил главное и показал на край, где в дыму поднимались длинные древки.

Владиславий послал помощь, однако людей ещё требовалось провести за Первым. Они двинулись бегом, прижимая щиты к груди. Император поднялся на самый край возвышения. Оттуда открывалась узкая полоса между двумя дымными завесами. Он увидел орков, которые пытались развернуться лицом к новому удару, и нескольких Падших уже сбоку от них.

— Быстрее, — выговорил он, хотя посланные давно не могли его услышать.

Асигару упёрся древком в землю, удерживая противника на наконечнике. Второй пошёл мимо него, получил удар и упал. Задним пришлось обходить обоих; ряд растянулся. Падшие устремились в открывавшийся промежуток.

И над грохотом разнёсся крик:

— СЮДА-А-А! ВСЕ СЮДА!

Владиславий повернул голову раньше, чем увидел кричавшего. Такой голос он слышал в тумане Унго.

Самон вышел перед орками, держа изогнутый клинок обеими руками. Щита у него не было. Он ударил ближайшего Падшего, перешагнул через ногу упавшего и развернулся боком к следующему. За его спиной асигару наконец получил место, чтобы выдернуть своё древко. Поднял его, отступил в ряд. Другие встали возле него.

— Сюда! Вставайте!

Старик не оглядывался надолго. Короткий взгляд назад — и снова клинок вперёд. Когда враг обошёл его слева, Самон подался ему навстречу всем телом. Владиславий видел, как Падший отшатнулся, увидел плечо старика, поднявшееся для следующего удара. Самон двигался тяжело, уже без прежней быстроты. Широко размахнуться ему не давали; он бил коротко и сразу разворачивал клинок к следующему.

Орки сомкнулись. Ура-Борос выравнивал тех, кто отходил последним. Древки встали над плечами Самона; передний ряд шагнул, принимая новый натиск. До старика оставалось немного, но между ним и своими уже теснились Падшие. Он продолжал рубиться там, где ещё мгновение назад не давал им пройти к строю.

Владиславий больше не видел его лица. Над головами ещё раз поднялся знакомый клинок, затем исчез. Император вытянулся, стараясь найти его левее. Полотнище орков расправилось. На месте, где стоял Самон, сомкнулись чужие спины.

— Государь!

Сбоку требовали ответа. Владиславий не сразу повернулся. Аврел повторил вопрос о смене, и он велел продолжать по прежнему приказу. Снова посмотрел на край. Посланная помощь уже добиралась туда, строй стоял ровнее, но Самона нигде не было.

— Узнай, — сказал император ближайшему человеку. — Только не путайся у них под ногами. Спроси, куда вынесли старика.

Человек ушёл. Владиславий вернулся к карте, принял два донесения, отослал третье Фавию. Снова поднялся смотреть. От орков принесли ответ, что край удержали. Про Самона не сказали ничего.

Ура-Борос подошёл позднее. Клинок у него был в чёрной крови по самую рукоять. На плече висели обрывки чужого крыла; орк сорвал их одним движением и остановился перед императором.

— Старик держал край, пока мои не встали. Мы его не успели.

Владиславий смотрел на него молча. Ещё совсем недавно Самон шутил о писарях. Только вернулся, только снова назвал знакомых по именам.

— Нашли? — спросил он.

Орк кивнул. Владиславий посмотрел за его плечо, хотя принести Самона сюда сейчас было некому.

— Где?

Ура-Борос показал. Это оказалось то самое место, откуда император ждал увидеть его выходящим к своим.

Вокруг ждали приказа. Владиславий заставил себя повернуться к своему человеку.

— Участок держать. Имя записать.

Ура-Борос кивнул и ушёл обратно. Император проводил его взглядом. Орк держал меч остриём вниз. Прежде чем вернуться в строй, на ходу очистил рукоять о край одежды. Самона возле него не было.

* * *

Знамя Второго стояло над строем с рассвета. Владиславий находил его всякий раз, когда дым позволял увидеть поле. Потом полотно качнулось, наклонилось и упало.

Он успел вдохнуть, собираясь потребовать донесение, но знамя поднялось снова. Не сразу и уже не так ровно. Под ним сомкнулись щиты. Второй остался на месте.

Аврел выслушал прибежавшего человека и подошёл к императору. Его лицо изменилось, хотя голос оставался твёрдым.

— От Второго, государь. Легат Рациус… Мёртв. Центурион передал дословно: «Второй стоит».

Владиславий перевёл взгляд на знамя. Оно покачивалось ниже прежнего: новый знаменосец, должно быть, не мог держать древко так высоко. Однако полотно не упало. Под ним оставались поднятые щиты.

— Кто теперь командует?

Аврел повторил донесение. Владиславий заставил себя дослушать. Центурионы восстановили порядок, соседей предупредили; сейчас требовалась смена тем, кто стоял возле легата.

— Дать, — сказал император. — Сколько осталось у нас, дать.

— Третьему тоже скоро понадобится.

— Знаю. Сейчас — Второму.

Аврел отошёл передавать. Владиславий продолжал смотреть на чужое знамя и никак не мог представить, что Рациуса под ним больше нет. Старый легат каждый раз находил, кого поправить, кого обругать, за чьё плечо ухватиться, прежде чем молодой подставится удару. Даже возле дворцового фонтана сидел так, чтобы сразу подняться к Тросту.

«После», — сказал Владиславий, когда они говорили об ученике. Отложил разговор и ушёл к следующим делам. Рациус остался за столом. Теперь император пытался вспомнить, что ещё тот сказал у двери, и не мог. Только удар, которому обещал научить Троста. Он должен был вернуться и показать его сам.

Аврел повторил последние распоряжения громче, давая ему несколько мгновений. Третий удерживался. Посыльные продолжали подходить. Владиславий выслушал следующий доклад, переспросил то, чего не понял, и заставил себя отвечать.

От Первого пришло подтверждение: участок держится, соседям передали. Затем ещё одно. После следующего запроса возникла задержка. Слишком долгая. Владиславий смотрел туда, где в дыму виднелось знамя Маргарианы, и не мог дождаться.

— Аврел, Третий на тебе. Фавий, Щепа — со мной!

Аврел попытался задержать его вопросом, но Владиславий уже требовал коня. На Первом могли просто менять посыльного. Могли отступить на несколько шагов, не имея времени отвечать. Император сам называл такие причины, когда другие начинали тревожиться прежде донесения. Сейчас они не помогали.

Фавия нашли у ближнего перевязочного места. Он увидел кровь на рукаве Владиславия, пошёл к нему, но тот уже повернул коня к проходу.

— На Первом что? — спросил лекарь у Щепы.

— Сейчас узнаем.

Щепа побежал следом. За строем коню негде было разогнаться: навстречу несли людей, попадались брошенные щиты, лежало чужое древко. Владиславий придерживал повод, потом снова посылал коня вперёд. Он помнил просьбу жены, слышал её почти как недавнюю: не

дёргать Первый из-за неё. Но знамя уже было ближе, и он больше не оборачивался.

* * *

Маргариану Владиславий увидел у передних рядов. Она стояла боком к нему, указывая центуриону на правый край. Тот нагнулся, чтобы услышать; она повторила громче и отстранила его ладонью — исполнять.

Живая.

Император выдохнул, спрыгнул с коня и передал повод ближайшему солдату. Маргариана тем временем подняла руку над головой, велела сменить передних. Люди пошли через оставленный промежуток. Владиславий вынужден был подождать, пока пронесут раненого. Хотел окликнуть жену, но голос утонул в соседней команде.

Она повернула голову. Он не понял, заметила ли его: между ними снова прошёл солдат со щитом. До неё оставалось десять шагов.

Над рядами Падших поднялась фигура.

Владиславий узнал её по крыльям, распахнувшимся над дымом. Та, за которой следили на прежнем поле, теперь находилась у самого Первого. Ближайшие легионеры начали поднимать щиты. Маргариана обернулась к новому движению.

Лицо высокой фигуры оставалось в тени. Над головами легионеров различались края тёмных крыльев, остального дым не давал увидеть.

Один взмах. Короткий и точный.

Она упала прежде, чем Владиславий успел сделать шаг.

— НЕТ!

Он бросился вперёд. Рука со щитом преградила дорогу, и он оттолкнул её, даже не взглянув на солдата. Под ногой

повернулось чужое оружие. Император качнулся, удержался и добежал до жены, уже протягивая руки, словно мог ещё подхватить её в падении.

Колени ударились о землю. Он поднял её голову, притянул к себе плечи. Шлем мешал увидеть лицо; Владиславий снял его, не попав с первого раза пальцами под крепление. Тёмная прядь прилипла к щеке. Он отвёл её тем же движением, каким убирал дома, когда она засыпала рядом раньше него.

Привычная рыжина исчезла под кровью и пылью; у самого виска волосы ещё сохраняли свой цвет.

— Марга...

Позади закричали, требуя носилки. Император хотел обернуться, поторопить, но боялся выпустить её голову. Маргариана лежала тяжело, не помогая ему. Он переменил руку, подложил ладонь удобнее. Посмотрел ей в лицо.

— Марга, я здесь.

Щепа встал сбоку. Владиславий видел нижний край его щита и ноги солдат за ним. На щит что-то ударило; Щепа подался, выругался, снова упёрся в землю. Первый продолжал драться. Старались сомкнуться перед упавшей, но кто-то всё ещё звал легата, не понимая, почему она не отвечает.

Фавий добрался до них, опустился рядом и сразу отодвинул руку императора. Владиславий подчинился. Теперь надо было только дать ему место. Лекарь потянул ткань у ворота Маргарианы, коснулся шеи. Замер ненадолго и посмотрел ей в глаза.

— Сумку, — сказал Владиславий. — Щепа, его сумку.

Фавий не обернулся. Руки его больше не двигались.

— Она здесь, — ответил Щепа.

— Открой.

Лекарь положил ладонь на запястье императора. Владиславий поднял голову. За годы службы он привык ждать от Фавия ругани, короткой команды, требования держать крепче. Даже когда уже собирались уносить мёртвого, этот человек иногда заставлял его сделать ещё один вдох.

— Владис. Её уже не поднять. Люди ждут приказа.

Император посмотрел на его руку, удерживавшую запястье. Не понял, зачем тот мешает. Маргариану требовалось отнести дальше, снять с неё тяжёлое снаряжение, уложить там, где не топчутся вокруг. Он начал поднимать её сам. Порез на предплечье отозвался болью, ладонь соскользнула.

Фавий поддержал голову Маргарианы и снова остановился. В движении было столько осторожности, что Владиславий наконец опустил глаза.

Она не дышала.

Он посидел, придерживая её плечо. Рядом кто-то спрашивал, куда сдвигаться. Щепа передал вопрос, не поворачивая щита. Император слышал слова отдельно, будто человек не закончил фразу и требовалось подождать продолжения.

Потом поднял голову.

Крылатая фигура отходила за спины Падших. Она успела отдалиться, пока он сидел в грязи. Владиславий смотрел поверх плеча Фавия и уже не отводил глаз. Лекарь что-то говорил; рядом ждали двое с носилками.

— Здесь держать, — выговорил император. — Правым оставаться с соседями. Центуриона ко мне.

Человек подошёл сразу. Владиславий повторил ему положение, велел передать Аврелу. Потом показал на носилки. Фавий помог опустить Маргариану. Когда её

голову убрали с его колен, он ещё некоторое время держал руку поднятой, не зная, куда деть.

— Своим передайте, — сказал он. — Чтобы знали, куда отнесли.

Фавий кивнул. Владиславий поднялся. Щепа шагнул вместе с ним, прикрывая, пока он проходил к краю. Император снова смотрел туда, где исчезли крылья.

* * *

Первый получил помощь с тыла. Рилнборт прикрыл движение тех, кого выводили из-под удара, и вернул конницу, пока Падшие не успели отрезать ей выход. Слева орки уже стояли на восстановленном краю. Святорыцари Вельдаро не отдали своего места. Приказы продолжали доходить до соседей; даже там, где командиров пришлось заменить, отвечали прежним сигналом.

Владиславий вернулся к Третьему. Аврел, увидев его лицо, не спросил о Маргариане. Только шагнул ближе, чтобы не заставлять императора вслушиваться издали. Терен придерживал карту, испачканную чужими ладонями. Часть знаков стёрлась, и он заново отметил положение Первого.

Впереди кричали. Сначала Владиславий решил, что снова требуют смены, но Аврел поднял голову и позвал ближайшего посыльного.

— Узнай.

Падшие отступали.

Перед Третьим появились свободные промежутки. Люди ещё держали щиты и смотрели на поле, ожидая нового броска. Один легионер шагнул вслед за врагом, но его ухватили за ремень и вернули. Дальше кто-то уже кричал от радости. Ответили с другого участка, затем ещё.

— Стоять на местах! — голос Аврела перекрыл ближние крики. — Раненых подобрать! Передние — ждите!

Кенши вышел из-за щитов, держась за больное плечо. Лук он нёс в другой руке. Остановился возле лежавшего человека, наклонился и позвал помощь. Щепа подбежал к нему; вдвоём они подняли своего и передали носильщикам. За ними уже искали следующих.

От Рилнборта пришло подтверждение: противник уходит. Орки передали то же. Вельдаро видел отступление со своего места; эльфийский участок больше не испытывал прежнего давления. Там, где ещё рубились, оставались разрозненные группы. Их оттеснили от раненых и заставили отойти вслед за остальными.

Сражение было выиграно.

Владиславий слышал, как Аврел повторяет полученные ответы. Посланный ко Второму вернулся: строй собрали, раненых выносят, легата унесли свои. Император кивнул. Он должен был сказать что-нибудь людям, поднявшим головы, когда до них дошло слово «победа». Вместо этого спросил, где оставили его коня.

— Подведут, — ответил Аврел. — Государь, дальше их не пускаем. Наши остаются здесь.

Император смотрел поверх его плеча. За отступавшими Падшими всё ещё можно было различить фигуру.

Вдалеке, в Драевиле, к этому времени зажигали свет. Сорока вошла в оставленную Тарквином комнату и остановилась у незапертой двери. Дорожного футляра не было. В очаге ещё догорали бумаги.

Она подняла обгоревший край, прочла подпись. Лист начал рассыпаться между пальцами. Сорока осторожно положила его обратно.

— Второй раз, центурион. И опять, когда другие стоят.

Она записала время и число оставленных бумаг, отложила то, что ещё можно было прочесть. В коридоре ждали вестей с севера. Сорока вышла к ним; требовать погони сейчас было не у кого.

На поле Владиславию подвели коня. Он взял повод, но в седло не поднялся. Слишком много людей ещё несли своих через задние ряды. Вернув повод солдату, он пошёл к свободному проходу пешком, почти не замечая, как рядом посторонились двое солдат.

Аврел догнал его у прохода и повторил приказ оставаться на месте. Владиславий услышал, но ответил солдатам, которые остановились рядом.

— Со мной.

— Стойте! Люди вымотаны.

Владиславий уже двинулся вперёд. Несколько бойцов Третьего пошли следом. Они привыкли оставаться рядом и сейчас не решились отпустить его одного. Остальной легион сохранил место на поле. Аврел продолжал отдавать необходимые приказы, пока небольшая группа удалялась вслед за врагом.

* * *

За полем уходили последние Падшие. Император держался того же направления, выбирая места, где можно пройти между брошенным оружием и телами. Сзади поспевали бойцы Третьего. Фавий, задержавшийся у выносимых, догонял последним.

Фигура то скрывалась за неровностями земли, то снова появлялась вдали. Император прибавлял шаг. Теперь впереди не было ни своих щитов, ни людей, которым надо уступить. Он мог идти прямо и злился, что расстояние всё равно не сокращается.

В Серых землях воздух стал тяжелее. Владиславий сперва расстегнул крепление у горла. Потом оттянул ворот, пытаясь вдохнуть глубже. Полного вдоха не получалось, хотя он шёл уже медленнее, чем на поле. Пальцы липли к ткани. Он опустил глаза: повязка на предплечье пропиталась насквозь.

— Государь, — позвали сзади.

Он оглянулся. Один из бойцов держался за плечо товарища; тот тоже согнулся, но продолжал идти. Дальше остановились ещё двое.

Владиславий махнул им следовать. Впереди были крылья. Пока он мог их видеть, казалось невозможным повернуть обратно.

— Дальше…

Полученные в бою раны снова кровили. Под одеждой потеплело у бока. Он прижал локоть, не желая смотреть, насколько сильно, и сделал ещё несколько шагов. Нога зацепилась за камень. В обычный день он переступил бы его, сейчас опустился на колено и уже не смог подняться. Попытался опереться рукой, но рука подломилась.

Лицо ударилось о землю. Владиславий повернулся на бок, ловя ртом воздух. В груди саднило. Боец, подошедший первым, наклонился помочь и сам упал рядом. Остальные добрались до них, но поднять не смогли: стояли согнувшись, хватались за колени, пытались вытянуть друг друга и снова опускались.

Император видел пыль на чужом сапоге совсем близко к лицу. За сапогом оставалась дорога. Фигура остановилась, оглянулась на людей Третьего и пошла дальше.

Он попробовал позвать. Из горла вышел хрип. Никто впереди не обернулся.

— Не вставать. Поднимать вместе.

Вельдаро говорил откуда-то сверху. Владиславий почувствовал руки под плечами и зажмурился от боли в боку. Когда открыл глаза, рядом были белые плащи. Один паладин держал его, второй поднимал лежавшего бойца. Тот не помогал; голова тяжело свешивалась к груди.

Вокруг святорыцарей можно было дышать. Защита Света удерживала их на ногах и давала силы тем, кого они поднимали. Владиславий сделал судорожный вдох, ещё один. Вельдаро ждал, пока он перестанет хватать воздух, затем перебросил его руку себе через плечо.

— Обратно.

— Он там.

— Вижу.

Император попытался выпрямиться. Паладин не отпустил. Вельдаро смотрел мимо него на своих, проверяя, всех ли подняли.

— Фавий? — позвал кто-то сзади.

Лекарь отозвался. До глубины он не дошёл; теперь помогал тем, кого вели навстречу. Вельдаро повернул императора вслед за остальными. Владиславий попытался упереться, но ступни скользнули по земле. Пришлось сделать шаг, чтобы не упасть снова.

Обратно шли медленно. Паладины менялись местами, забирая самых тяжёлых; тех, кто приходил в себя, ставили на ноги и вели под руки. Свет позволял держаться, но не делал ношу легче. Один святорыцарь остановился перевести дыхание. Вельдаро тут же велел соседям взять лежавшего у него на плече человека и остаться ближе друг к другу.

Владиславий продолжал оборачиваться, пока фигура не пропала совсем. Тогда пошёл, глядя под ноги. Возле края Серых земель вдох наконец стал глубже. Он отнял руку у державшего его паладина.

— Сам.

Тот остался рядом. Император сделал шаг, ещё один. Позади переносили последнего, и Вельдаро ушёл к нему, велев выведенным ждать там, где уже можно дышать. Фавий подошёл к Владиславию, посмотрел на мокрую ткань у бока.

— Идти можешь?

— Могу.

— Тогда туда, к своим. Повязку надо менять.

Владиславий слышал и понял каждое слово. Перед ним были обычные камни, низкие кусты, дорога, по которой их вывели. За поворотом показались крыши. Он пошёл вперёд, пока Фавий помогал усадить у дороги другого бойца.

* * *

Поселение состояло из нескольких низких домов. У стены была сложена поленница, из трубы шёл дым. Возле порога лежали свежие щепки. Одно полено осталось на колоде, расколотое только наполовину. Владиславий перешагнул через него, не убирая руки с оружия.

У крайнего дома стояли мужчина и женщина в серых лохмотьях. Владиславий посмотрел на их одежду и вспомнил следы чужих пальцев на щеке Октавия. Такие же серые лохмотья. Над дверью сушились стрелы с серым оперением.

Он пошёл к ним. Мужчина заметил приближавшихся вооружённых людей и шагнул вперёд, заслоняя женщину. В руке у него был обычный дровяной топор. Он держал его неловко, не как солдат на поле, а как человек, который взял единственное оказавшееся рядом оружие.

У мужчины были короткие тёмные волосы и карие глаза, широкие плечи под рваной тканью. Грубые рабочие ладони обхватывали топорище. Рядом стояла худощавая женщина с такими же карими глазами; длинные тёмные пряди обрамляли её усталое лицо.

— Куда он ушёл? — спросил Владиславий. — Вы видели… Крылатый. Куда?!

Женщина заговорила, прижимаясь к стене. Мужчина ответил ей на своём наречии и сделал знак войти в дом. Она не послушалась. Смотрела на Владиславия, потом на подходивших по дороге солдат.

Император показал назад, в сторону Серых земель.

— Там. Он прошёл здесь?

Мужчина мотнул головой, снова заговорил быстро и невнятно. Владиславий не понимал ни слова. Видел, что тот боится: топор дрожал, нижняя рука всё соскальзывала по гладкому топорищу. Однако человек оставался перед женщиной, закрывая её собой.

— Говори!

Он приблизился ещё на шаг. Мужчина попятился к порогу, продолжая закрывать жену. Топор не пошёл в удар; поднятая рука удерживала императора на расстоянии. Владиславий видел лицо, испуганные глаза, серую ткань на плечах. Бородатый подбородок у него был в древесной пыли. Он отступил ещё на полшага и упёрся пяткой в порог. Дальше стояла женщина.

Владиславий мог вернуться к Фавию. Мог позвать кого-нибудь, кто поймёт их речь. Топор ещё не двинулся на него. Он смотрел на серую ткань, на стрелы над дверью и ждал, что эти двое наконец скажут, куда ушёл убийца. Мужчина снова мотнул головой. Женщина потянула его назад, за одежду.

Владиславий выхватил клинок и ударил мужчину. Тот попытался закрыться топорищем, отшатнулся и упал возле порога. Женщина бросилась к нему. Император ударил и её.

Всё произошло прежде, чем подошедшие следом успели остановить его. Мужчина больше не двигался. Топор лежал в стороне, рядом с дровами. Женщина упала возле него. Владиславий стоял над ними, держа окровавленное оружие, и всё ещё смотрел на дверь, словно оттуда должен был появиться ответ на его вопрос.

— Отойди от них.

Фавий стоял рядом. Говорил негромко, но так, что Владиславий повернулся сразу. Лекарь смотрел ему в лицо. Владиславий отвёл взгляд первым.

Владиславий опустил клинок. Кровь на лезвии ещё не успела потемнеть. Фавий шагнул ближе и повторил:

— Отойди.

Свои взяли императора под руки. На этот раз он не вырвался. Его повели обратно, прочь от порога. Один из бойцов, обернувшись к остальным, крикнул:

— Государя — к Вельдаро, быстро!

Слово разнеслось по маленькому двору. Владиславий не посмотрел за поленницу. Фавий тоже не посмотрел. Никто не заметил девочку, которая сидела там, зажав рот обеими ладонями.

* * *

Ива видела всё.

Она была небольшой темноволосой девочкой с тонкими запястьями. Карие глаза оставались широко раскрыты; между ладонями и спутанными прядями белело узкое лицо.

Из-за дров ей была видна часть порога и люди перед ним. Она узнала движение отца, когда тот заслонил мать. Так он вставал впереди, не давая пройти к ним чужому. Потом блеснул клинок. Ива прижала ладони сильнее, боясь издать звук.

Она не вышла, пока во дворе оставались вооружённые люди. Слышала приказ отойти, тяжёлые шаги, слово «государь». Запомнила чёрные латы, красный знак на груди. Лицо человека с оружием успела разглядеть; он смотрел мимо неё, на родителей, и не знал, что у них есть дочь за поленницей.

Когда шаги стихли, Ива ещё немного сидела неподвижно. Потом убрала руки от лица, осторожно выбралась и подошла к матери. Поправила ей растрепавшиеся волосы, как мать каждое утро поправляла ей самой. Ждала движения, которого не было.

Ива села между родителями на пороге. Не кричала и не плакала. Смотрела на дорогу, по которой ушли люди. Дом оставался тем же: дрова у стены, дым из трубы, перья над дверью. Только больше некому было позвать её внутрь.

* * *

Гость долго молчал. Когда заговорил, голос был тише прежнего:

— Его снова заставил тот голос?

Орк покачал головой.

— Нет. Здесь никто им не управлял. Владис сам убил этих людей. То, что прежде он спас других, этого не отменяет.

Гость опустил глаза. Хозяин собрал чашки и отнёс к стене. Вернувшись, долго не открывал Кодекс.

Глава XXV. Сны Императора

Последний год Владиславий почти целиком провёл в покоях. Одежда для выхода лежала приготовленной, но надевал он её всё реже. На столе всегда стояла вода, окно держали закрытым. Свет перемещался по стене, исчезал, снова появлялся утром. Менялись люди у двери, приходили с докладами, уходили, не всегда получив ответ.

Императору было сорок пять. Тросту исполнилось двадцать, Октавию — семнадцать. Сыновья выросли, а он всё чаще не узнавал тех, кого знал много лет. Иногда отвечал ясно, спрашивал о деле и сразу замечал неточность. В другой день смотрел на знакомого человека с вежливым недоумением, ожидая, когда тот объяснит, зачем пришёл.

Он похудел; под щетиной сильнее выступали скулы, на висках оставалось всё меньше чёрного. Волосы лежали неровно, бороду тоже не всегда успевали привести в порядок. Прежнюю крепость рук теперь легче было вспомнить, чем увидеть.

Империя продолжала жить. В Сенате разбирали дела, по дорогам шли обозы, в легионах меняли посты. Мир, которого удалось добиться, не исчез оттого, что его правитель перестал выходить к людям. У двери покоев говорили вполголоса. Если император спал, человека с донесением останавливали; если бодрствовал, сперва спрашивали, готов ли он слушать.

Ива приносила кувшин, убирала, уносила одежду. За год к служанке привыкли настолько, что почти перестали замечать её присутствие. Она знала, где поставить воду, чтобы не задеть бумаги, какие вещи не следует передвигать

без просьбы. Когда приходили посетители, отходила в сторону и продолжала работу, не вмешиваясь в разговоры.

Те же тёмные волосы были убраны, чтобы не мешали работе. Тонкие запястья девочки виднелись, когда она поднимала кувшин; в простой служебной одежде её узкое лицо казалось ещё бледнее.

Сама она ничего не забыла. Лицо лежавшего перед ней человека было тем же лицом, которое она увидела из-за поленницы. Тогда он не знал, что на него смотрят. Теперь часто не замечал, кто стоит рядом.

* * *

Кенши пришёл с колодой в кармане. Увидев, что Владиславий тянется к пустому месту, переставил чашку ближе.

— Справа. Я воду поставил справа.

Император взял её обеими руками. Эльф подвинул стул и сел верхом, положив руки на спинку.

— Скерь. Не торопись. Я посижу.

Когда Владиславий вернул чашку на стол, Кенши достал колоду. Привычно перемешал карты и начал раскладывать на одеяле. Владиславий следил за движением пальцев. Кенши раздавал на двоих, хотя ответа не ждал. Закончив, придвинул к другу его часть и обозначил первый ход.

— Твой. Не помнишь? Ничего. Я за тебя схожу. Я знаю, как ты ходишь... Всегда в последний момент, когда уже все думают — проиграл.

Владиславий посмотрел на него, словно пытался вспомнить, о какой игре речь. Кенши не стал объяснять всё сразу. Перевернул одну карту, потом другую, коротко называя знакомое.

— Эту оставишь? — спросил он и, не дождавшись ответа, потянул карту за угол. — Знаю, знаю. Потом скажешь, что я подсмотрел.

Он вернул её на место и сам наклонил голову, стараясь увидеть расклад так, как видел его Владиславий.

Император наконец протянул руку. Коснулся карты с чёрным знаменем, белыми и красными деталями. Кенши замолчал. Затем отделил «Знамя Третьего» от остальных и оставил под его пальцами.

— Ну конечно. Эту тебе мало было получить, надо ещё каждый раз забрать.

Он перевернул свои карты лицом вниз. Император держал знамя, большим пальцем поглаживая стёртый край.

В углу Ива меняла воду в кувшине. На знамя она посмотрела дольше, чем требовалось, затем отвернулась и вышла. Кенши проводил её взглядом только для того, чтобы убедиться, что дверь закрылась тихо. Потом снова занялся картами. Когда Владиславий начал засыпать, собрал остальные карты осторожно, не тревожа руку, лежавшую рядом с изображением Третьего.

* * *

Фавий отодвинул стул Кенши ногой, чтобы не путался под руками, и сел ближе к постели. Владиславий настороженно смотрел, как он развязывает сумку.

— Руку дай. Не для подписи.

Император подчинился. Фавий осторожно убрал старую повязку, поправил новую, велел согнуть пальцы. Рука двигалась плохо. Лекарь подождал, пока Владиславий попробует ещё раз, и отпустил.

— Вот так. Не тяни сам, если мешает. Позови.

Он сложил использованную ткань отдельно и протянул Иве. Та забрала, унесла за ширму. Фавий закрыл сумку, но со стула не поднялся.

Владиславий смотрел на его руки. Врачебная работа была знакома, человека он сегодня не узнал. Фавий хотел спросить, стало ли удобнее, и вместо этого произнёс:

— Я тебя тогда увёл. И до сих пор не знаю, правильно ли. Ладно… Спи.

За ширмой звякнул таз. Лекарь прислушался, словно только теперь вспомнил, что в комнате есть ещё кто-то. Ива вышла с чистым полотенцем и положила его рядом с сумкой.

Фавий поблагодарил. Она не ответила. Он поднялся, прихватил полотенце, затем вернул на стол: оно предназначалось больному. Владиславий уже закрыл глаза. Фавий убрал со лба мешавшие волосы и вышел.

* * *

Терен принёс карту, но сперва долго держал её свёрнутой. Спросил, удобно ли императору сидеть, придвинул стул к свету и начал рассказывать о воде, которую наконец заставили идти туда, куда следовало.

— Вода больше не идёт назад. Там всё переделали.

— Где?

Терен развернул край карты, собираясь показать. Владиславий посмотрел на линии, затем на его лицо. Не было ни раздражения, ни усталого согласия, только ожидание ответа. Он действительно не понимал, о каком месте говорится.

Терен свернул карту обратно.

— У нас.

Владиславий удовлетворённо кивнул, будто теперь всё понял. Терен положил свёрток поперёк колен. Его пальцы ещё некоторое время держали край, готовые снова развернуть.

— После дождя тоже проверили, — добавил он. — Стоит как надо.

— Хорошо.

Терен поднял глаза. Император смотрел на окно. Он сказал это без прежней привычки тут же уточнить, кто проверял и когда придётся переделывать. Терен убрал карту в чехол.

— Я так и передам.

У двери его спросили, можно ли войти с бумагами. Он ответил, что государь устал. Сегодня новости уже передали.

* * *

Щепа принёс кружку и остановился возле стола, выбирая, куда поставить. Места хватало, но он всё переставлял её: ближе к краю, дальше от Кодекса, опять к краю. Наконец Владиславий посмотрел на неё, и Щепа подвинул кружку прямо под его руку.

— Здесь твоя сторона. Не укачу.

Когда-то между ними была доска, за которую не удавалось дотянуться сразу. Теперь Щепа придержал дно, пока император брал ручку. Потом уселся рядом.

— Помнишь, как мы Терену перевязку доставали? Ты надзирателя отвлёк, я успел взять. А потом ты за меня воду таскал. Свой долг закрыл.

Владиславий посмотрел на ткань у собственного запястья.

— Ему?

— Терену. Он-то теперь здоровый. Ходит, всех проверяет.

Щепа быстро улыбнулся, надеясь продолжить разговор, но император снова опустил глаза. Кружку он держал неудобно, и Щепа подставил ладонь, не давая пролиться.

— Я считал, что ещё верну. Так и не вернул.

Некоторое время они вдвоём держали одну кружку. Потом Владиславий отпил и отдал её. Щепа поставил на выбранное место.

— Ну, не буду мешать. Если чего надо… Ты скажи.

Он уже поднялся, но император протянул руку. Щепа сразу подал ему кружку и только потом понял, что тот тянулся поправить покрывало. Убрал воду, расправил ткань. Покачал головой на собственную торопливость и вышел, не придумав, как попрощаться.

* * *

Бард вытер ноги у порога и всё равно оставил след. Посмотрел вниз, виновато оглянулся на Иву. Та принесла тряпку. Он хотел забрать, сам убрать, но служанка обошла его и присела к полу.

В каштановых волосах Барда уже пробивалась седина. Белый шрам над бровью оставался узнаваемым, даже когда он хмурился, разглядывая собственные следы на полу.

— Ну, вот, — проворчал Бард. — Пришёл ещё работы вам добавить.

Владиславий повернул голову. Бард заметил и сразу подошёл.

— Узнал? Это я. Из дому.

Он пододвинул стул, уселся, положив ладони на колени. Пальцы были заскорузлыми, словно всё ещё приходилось каждый день браться за тяжёлую работу.

— Двор в Зоренке помнишь? Ты всегда находил, что там поправить.

Император прислушивался. Бард заговорил о реке, о дороге к дому. Сначала старался рассказывать связно, потом принялся перескакивать с одного на другое, как при обычном разговоре со знакомым, который и без объяснений понимает, где всё происходило. Владиславий шевельнул губами. Бард сразу остановился, подался ближе.

Слов не было.

— Ничего, — сказал он. — Я-то болтаю, тебе вставить некуда.

Он тихо начал песню Дрозда. На второй строке сбился, недовольно покачал головой и вернулся к началу. Голос плохо брал то, что прежде выходило легко. Владиславий смотрел на него, нахмурившись. Бард запел тише. Знакомая мелодия продолжалась и там, где память подводила на словах.

Когда он закончил, император всё ещё слушал. Бард положил ладонь на край постели и остался так сидеть. Ива давно убрала след возле порога, а он ещё не решался встать и уйти из комнаты, куда ненадолго принёс Зоренку.

* * *

Аврел вошёл с донесением. Остановился там, где Владиславию было удобно видеть его, и заговорил привычно, как после законченной проверки:

— Люди накормлены. Посты сменились. Бумаги я проверил.

Император поднял глаза. Служебные слова он иногда воспринимал лучше простых вопросов о самочувствии. Аврел не стал добавлять лишнего. Выждал, готовый ответить, если потребуется уточнение.

— Печать...

— У меня. Помню.

Владиславий посмотрел на принесённый лист. Аврел сложил его и оставил рядом, так, чтобы можно было взять позже. Владиславий провёл пальцем по сгибу, попытался развернуть лист. Аврел помог, повернул его нужной стороной и придержал, пока император смотрел.

У двери Аврел обернулся. По старой привычке выпрямился, словно стоял перед легатом на поверке.

— Третий здесь, государь.

Ива у окна замерла с тряпкой в руке. Это слово она уже слышала у порога своего дома. Тогда так назвали человека, которого уводили свои, оставляя двух убитых на земле. Теперь то же обращение звучало спокойно, с уважением и беспокойством.

Аврел вышел. Служанка продолжила вытирать подоконник. Владиславий не заметил короткой остановки и не спросил, почему она посмотрела на него.

* * *

Рилнборт вошёл, снял плащ и отдал у двери. Стул возле постели оказался слишком близко к столу; король хотел отодвинуть его, но ножка зацепилась за ковёр. Он нагнулся, освободил и поставил так, как было удобно ему.

— Место посуше мы всё-таки нашли. Помнишь?

Владиславий посмотрел на него. Король сел. Снаружи остались люди, сопровождавшие его из Рилнморска; у них было достаточно дел и без этого разговора.

Рилнборт рассказал, как доехал. Умолк, когда заметил, что друг перестал следить. Подождал немного, затем начал снова, уже короче. Император глядел на блестевшую

пряжку его пояса. Король прикрыл её ладонью: решил, что свет мешает.

— Вы кого ждёте? — спросил Владиславий.

Рилнборт не сразу нашёл, куда деть руки. Положил на колени.

— Тебя.

Император кивнул и снова посмотрел к двери. Король остался сидеть. Когда к нему заглянули, чтобы напомнить о времени, он приложил палец к губам и показал ждать снаружи.

Владиславий начал засыпать. Рилнборт собирался подняться, но друг зашевелился, и он сел обратно, чтобы не тревожить. За окном стемнело. Ива внесла светильник; король сам переставил его подальше от лица спящего.

Плащ он забрал только у выхода. Помогавший слуга спросил что-то о завтрашних делах. Рилнборт ответил не сразу и, прежде чем идти, ещё раз оглянулся на дверь.

* * *

В другой вечер заглянула Сорока. Голову она всё так же брила, только двигалась теперь медленнее. Подошла к столу и увидела раскрытый Кодекс. На старой странице среди имён Третьего стояло её прозвище. Рядом оставалась пустая строка, которую Владис оставил ещё в бараке у Сивой.

Сорока провела пальцем возле записи, не касаясь чернил. Потом повернулась к постели.

— Ты ведь так и не спросил второй раз, книжник.

Владиславий смотрел на неё и не узнавал. Сорока подождала, будто всё ещё давала ему возможность задать вопрос. Затем взяла перо. Прежде чем писать, проверила, достаточно ли чернил, и коротко заполнила пустую строку.

Она вписала своё настоящее имя. Вслух не произнесла. Закрыла книгу, положила перо и только после этого снова посмотрела на Владиславия.

Сорока подула на пальцы: всё-таки испачкалась. Владиславий смотрел на неё, будто ждал объяснения. Она вытерла руку, затем придвинула Кодекс ближе к постели.

— Теперь есть. Спи, цыплёнок.

Сорока коротко коснулась его плеча и ушла. Книга осталась закрытой.

* * *

Трост и Октавий стояли в коридоре. Из комнаты только что вышли люди, и младший проводил их взглядом. Он дождался, пока шаги удалятся, затем негромко сказал:

— Нельзя, чтобы все видели его таким.

Трост повернулся к брату.

— Он у себя дома, Октавий. Ему плохо. Что ты предлагаешь?

— Я знаю. Думаешь, я не вижу?

Оба замолчали. Октавий смотрел на дверь, за которой лежал отец. Ему хотелось, чтобы вошедшие снова выпрямлялись перед сильным государем, а не выходили с жалостью, которую старались скрыть. Трост прежде всего думал о человеке, остававшемся в комнате после ухода всех остальных.

Старший положил руку брату на плечо. Тот не отстранился. Они оба хотели вернуть отца, который мог говорить с ними за столом, спорить, сердиться, приходить посмотреть занятие. Ни один не умел это сделать.

Когда дверь открыли, братья вошли вместе. Трост подошёл ближе, Октавий остановился у края постели, потом тоже сел. В этот день Владиславий ответил на

несколько вопросов и спросил, оба ли они здесь. Они сказали, что оба, и повторили ещё раз, когда он не сразу понял.

Трост взял оставленный на столе лист и спросил, прочитать ли вслух. Отец согласился. Старший начал медленно, стараясь не пропустить ни одного слова. Это было обычное донесение, не требовавшее немедленного решения. Октавий слушал сначала нетерпеливо, потом заметил, что отец следит за голосом, и перестал смотреть на дверь.

На середине Владиславий перебил, попросил вернуться к предыдущей строке. Трост повторил. Отец задал короткий вопрос, и оба сына сразу выпрямились. Так он говорил прежде: замечал то, мимо чего остальные успевали пройти. Октавий потянулся за вторым листом, собираясь найти ответ, но Владиславий уже потерял нить и спросил, что они читают.

Младший застыл с бумагой в руках. Трост объяснил заново, без досады, и продолжил с того места, на котором остановился. Октавий положил лист обратно. Ему хотелось удержать только что вернувшийся голос отца, однако повторить мгновение не получалось.

Когда чтение закончилось, Владиславий попросил оставить бумагу. Трост положил её рядом с Кодексом. Октавий заметил, что чашка почти пуста, и налил ещё воды. Отец поблагодарил его. Младший улыбнулся быстро, совсем не так, как улыбался перед чужими людьми, и сел ближе.

Они пробыли в комнате дольше, чем собирались. Трост не вспоминал вслух о Рациусе, хотя за последнее время не раз хотел рассказать отцу, как не хватает наставника. Сейчас у Владиславия не было сил принять ещё и эту боль. Октавий тоже не говорил о том, что услышал за дверью от

посетителей. Оба берегли его по-своему и оба ждали, что в следующий приход станет хотя бы немного лучше.

* * *

В тот день Ива принесла воду, как приносила много раз прежде. Поставила кувшин, убрала лишнее со стола и задержалась возле постели. Владиславий смотрел на неё. Не звал стражу, не спрашивал, почему она не уходит.

— Я помню, — сказала Ива.

Узнать её он не мог. В тот день у дома даже не видел девочки за поленницей. Она осталась для него неизвестным человеком, привычной служанкой, которая появилась позднее и приносила воду.

Ива выхватила кинжал и ударила его в грудь. Владиславий не попытался защититься. Его рука дёрнулась к краю постели, затем остановилась. Он открыл рот, но не произнёс ни имени, ни просьбы.

За дверью закричали. Кто-то вбежал, задел стол, вода пролилась на пол. Ива исчезла из поля его зрения среди двигавшихся людей. Владиславий попытался посмотреть ей вслед, но лица у постели слились в тёмные пятна.

К Владиславию пробирались сыновья.

* * *

Первым он узнал движение Троста. Старший быстро опустился рядом, взял его руку. Владиславий попытался повернуться к нему, но черты сына вдруг изменились. У постели стоял он сам — молодой, двадцатилетний, каким был до всего случившегося. Смотрел на кровь и на лежавшие перед ним руки, не понимая, почему они так знакомы.

Владиславий хотел назвать его, но не знал, какое имя произнести. Трост держал пальцы крепко. Голос оставался голосом сына, лицо принадлежало мальчишке из Зоренки. На мгновение за его плечом вместо стены появился знакомый двор. Потом снова комната, край покрывала и люди, которые торопливо говорили что-то друг другу.

Октавий сел с другой стороны. Отец посмотрел на него, и в лице младшего проступили черты другого Октавия — погибшего друга. Вот мальчишка возле реки, мокрые руки, знакомое движение головы. Вот товарищ по лагерю, уже старше. Затем снова ребёнок, которого хочется окликнуть прежде, чем он убежит дальше по берегу.

Образы менялись слишком быстро. Владиславий не успевал удержать ни один. Возраст лица не совпадал с голосом. Сын повторял, что находится рядом, а отец пытался понять, почему друг не уходит с опасного места. Он хотел предупредить, заставить отступить, но слышал только собственное тяжёлое дыхание.

Стены разошлись. Перед ним стоял строй. Над головами вместо знамён поднимались страницы Кодекса с именами, выведенными его рукой. Листы шевелились, переворачивались, закрывали друг друга. Владиславий начал считать, боясь пропустить кого-нибудь, но в ответ слышал голоса сыновей. Их прикосновения оставались настоящими даже тогда, когда вместо постели под ним чудился край речного берега.

У двери стояли две тени. Дверь открывалась сразу в разные стороны, и Владиславий не мог разглядеть, что находится за ней. Он пытался поднять голову. Пальцы с обеих сторон сжали его руки крепче, возвращая к комнате. На короткое время перед ним снова были сыновья. Трост и Октавий. Оба здесь.

— Я оставляю вам сильную Империю... Чтобы вам не пришлось бояться.

— Отец. Мы здесь, — сказал Трост.

— Мы здесь, слышишь? — повторил Октавий.

Владиславий ещё чувствовал прикосновения, но уже не различал, кто с какой стороны. Хотел ответить, что слышит. Губы пошевелились, слова не вышли. Сыновья продолжали держать его за руки.

Потом он перестал отвечать.

* * *

На похоронах Трост и Октавий стояли рядом. Пришли люди Третьего, Рилнборт, старые товарищи. Кенши стоял возле Щепы; Терен — чуть позади. Фавий и Аврел пропустили Барда ближе к зоренцам. Все шестеро пришли вместе, но теперь оказались в разных местах между рядами.

Аврел по привычке проверил, всем ли хватило места. Фавий стоял прямо, сцепив руки перед собой. Щепа попытался что-то сказать Кенши, но тот покачал головой; оба повернулись вперёд.

Рилнборт оставался рядом с сыновьями друга. Чуть в стороне, у колонны, стояла Сорока. Она не пыталась пройти вперёд. Видела достаточно со своего места и не хотела, чтобы кто-нибудь сейчас спрашивал, почему она молчит.

Прочли молитву Двоим. Люди стояли тихо, пока из рядов зоренцев не донеслась поминальная песня. Бард начал её привычными словами, которыми дома провожали умерших соседей. Теперь они звучали под мраморными сводами. Сначала пел он один, затем подхватили другие. Голоса сходились неровно, зато песню знали, и после каждого сбившегося места находился тот, кто продолжал.

Трост слушал, не отводя глаз. Рядом Октавий сжимал руки. Последние слова отца оба помнили точно. Они слышали их вместе, находясь возле одной постели, и ни одному не приходило в голову, что брат может понять иначе.

— Он хотел, чтобы больше не приходилось воевать ради каждого дня, — сказал Трост.

— Чтобы никто не посмел заставить нас бояться.

Старший повернулся к младшему, затем снова посмотрел вперёд. Они ещё не спорили. Каждый был уверен, что правильно понял отца и сумеет сохранить оставленное. Когда пришло время идти, братья вышли вместе, плечом к плечу.

* * *

Орк умолк. Гость подождал, но хозяин не продолжал. В очаге осели угли. Теперь было слышно, как ветер проходит между ветвями за стеной.

— И это всё, что он оставил?

— Он оставил дороги, мирные годы, людей, которых удалось спасти. Но вместе с этим осталось и то, с чем он сам так и не справился.

— А сыновья?

— Они вышли с похорон вместе. Дальше начинается другая история.

Гость посмотрел на лежавшую перед Орком книгу. Хозяин держал руку возле края страницы, не торопясь закрывать. Казалось, рассказ закончился, однако один вопрос всё ещё оставался.

— А ты? Где был ты в тот день?

Орк не ответил. Тихо, себе под нос, напел несколько слов. Про дорогу домой, где нет дома. Песня оборвалась на середине строки.

— Откуда ты её знаешь?

Хозяин перевернул последнюю страницу. Среди имён Третьего одна строка была выведена чужой рукой. Затем он закрыл Кодекс.

Гость продолжал смотреть на обложку. Отвести от неё взгляд теперь было трудно.